

Р.С. ЛИПЕЦ

ЭПОС
И
ДРЕВНЯЯ РУСЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Р.С. ЛИПЕЦ

ЭПОС
И
ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

Книга посвящена изучению былин в историческом аспекте и их хронологизации как жанра (с привлечением данных археологии, письменных памятников, лингвистики и изобразительного искусства). Анализируя былины, в частности описания пиров Владимира, где особенно хорошо прослеживаются социальные институты и элементы материальной культуры (коллективная трапеза, пир-совет, утварь, пища и пр.), автор убедительно показывает, что основной цикл былин сложился в эпоху Киевской Руси. В книге нарисована яркая картина исторических условий возникновения былин, высказаны новые идеи относительно среды, в которой они создавались, хорошо показана материальная культура того времени.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

В. К. СОКОЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа посвящена отражению в былинах жизни и культуры Древней Руси. Тема эта необъятна, и она здесь рассматривается на примере только одного, но очень яркого и специфического для Киевской Руси явления — знаменитых пиров «ласкового» князя Владимира Святославича. В былинах общественные пиры имеют важное архитектоническое и даже сюжетное значение, а в исторической действительности они представляли социальный институт, характерный для эпохи становления раннеклассового общества, именно в той форме, в какой эти пиры описываются в русском эпосе.

Все это дает возможность через рассмотрение эпических пиров собрать как в фокусе и показать различные стороны древнерусской культуры, как материальной, так и духовной. При анализе пиров в былинах неизбежно должны рассматриваться и постройки — гридницы, где происходят пиры, с их архитектурой, убранством, сложными функциями и пр., и пиршественная утварь, вместе со всей обстановкой пира, и дары, которые предлагает князь Владимир на пиру богатырям, и музыкальные инструменты, а также предметы для игр, употреблявшиеся при состязаниях и других увеселениях, сопровождающих пиры. При изучении эпических пиров ярко выступает социальный облик богатырской дружины, для которой собственно и устраиваются пиры, ее взаимоотношения с князем, функции воинов, их «дума» о важных для Русской земли делах на пире-совете. В описании пиров вы-

являются следы дохристианской ритуальной трапезы, архаического деления общества, характерного для родоплеменного строя, где и возник некогда институт общинных пиров, и изменения в их структуре и функциях в эпоху Киевской Руси.

В обстановке эпических пиров вырисовывается и культура древнерусского города, во многом знакомая по археологическим и историческим данным, что очень существенно для понимания исторических условий возникновения в то время нового жанра былин.

Все это позволяет, опираясь на конкретный материал, поставить вопрос о времени и месте сложения русских былин как жанра и о специфике их историзма (богатейшее историческое содержание открывается, например, в «общих местах» былин, в направлении идеализации действительности).

Эпоха Владимира Святославича, отраженная в былинах,— переходная, насыщенная пережитками старого, сосуществующего с новым. Соответственно в данной работе принимается за архаику в жанре былин то, что сохраняется от родо-племенного строя, а также эпохи военной демократии, за современную же историю в них — отражение эпохи Владимира I.

Каждое явление, отраженное в былинах, берется, по возможности, в его динамике, в борьбе старого и нового, которая могла иметь место только в одно определенное время, принимая, что это явление не исчезло в народной памяти и не могло быть выдумано позднее.

Изучение былин в таком плане по разным темам и обобщение результатов помогли бы определить нижнюю и позднюю хронологические границы былин, установить, что в них исконное и что модернизация, выявить историческую неповторимость, социальную обусловленность как жанра в целом, так и отдельных сторон его.

В сюжетах, мотивах, персонажах и образах былин можно прощупать ту историческую обстановку Киевской

Руси, в которую органически вписываются и сами былины, как часть древнерусской культуры.

Данная работа, на наш взгляд, будет небесполезна и как сводка историко-бытовых реалий, запечатленных в былинах. Сопоставления былин в таком плане проводились еще в дореволюционной науке, и к ним нужно будет неоднократно обращаться, но в настоящее время они не только неполны (так как за последние десятилетия опубликованы многие фундаментальные собрания былин), но и интерпретация многих явлений и реалий в былинах нуждается в пересмотре с позиций марксистской методологии и в поправках с учетом конкретных достижений современной исторической науки. В свете изысканий советских ученых по-иному встает и вся история древнерусской культуры и вообще история Руси.

Между тем специальных обзоров историко-бытовой стороны былин в последние десятилетия не делалось. Поэтому при современном состоянии фольклористики для разработки кардинальных проблем истории эпоса неизбежно предварительно, в частности, заняться изучением историко-бытовых реалий в нем, чтобы получить достоверный материал для теоретических построений.

Это, конечно, крайне кропотливый труд сам по себе, который усложняется еще тем, что в большинстве изданных в XIX—XX вв. сборниках былин отсутствуют предметные указатели и даже глоссарии, хотя они «являются одним из важных подсобных материалов при освещении проблемы отношения былины к действительности» (211).

Чтобы разработать хотя бы одну частную тему, затрагивающую, например, область материальной культуры, любой исследователь фольклора должен перевернуть постранично все многочисленные тома изданий былин с их россыпью вариантов, в которой трудно уловить наиболее характерную и ярче выраженную деталь в одном и том же по сюжету повествовании.

Возможно, следовало бы задуматься над разработкой и изданием сводного предметного указателя по всем изданиям былин, аналогичного изданию «Свода археологических источников». Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что давно назрела необходимость изучения фольклора, в том числе и былин, как одной из отраслей древнерусской культуры, комплексно — не только фольклористами, но и археологами, этнографами, историками. Это ускорило бы, координировало и корректировало их работу. Плодотворным, вероятно, было бы и непосредственное творческое содружество исследователей разных специальностей.

При цитировании источников и ссылках на них в книге приняты условные сокращения. При текстах былин даются первые буквы фамилии собирателя, римская цифра или первая арабская означают номер тома, арабские после запятой — страницу; при ссылках на все остальные источники дается фамилия автора, сокращенное название работы, если работ несколько, римскими цифрами — номер тома и арабскими — страницы. В «Списке принятых сокращений» (в конце книги) помещены также сокращения названий ученых обществ, журналов и пр.

Цитаты из текстов летописей и других древнерусских письменных памятников даются в транскрипции, приближенной к современной (без букв ъ, ѿ и пр.).

ВВЕДЕНИЕ

БЫЛИНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Русские былины дают относительно отчетливую и полную картину исторической бытовой обстановки Киевской Руси, включая и реалии духовной культуры. Но и сами былины — часть этой культуры. Чтобы определить принадлежность бытовой обстановки конкретной эпохе, приходится проделывать очень кропотливую работу, выборочно рассматривая предметы и явления культуры, упоминаемые в былинах, и группируя их.

Чтобы изучать историческую бытовую обстановку по былинам, надо, конечно, ясно представлять себе, к какому периоду русской истории следует отнести сложение былин как жанра.

Эпос всегда почти возникает в ту эпоху, которую он воспевает. Однако былины так называемого Владимира-ва цикла являются уже зрелыми и очень сложными произведениями, а общественные отношения в русских былинах, да и бытовая обстановка в них во многом кажутся более ранними, чем они были в молодом государстве Владимира Святославича.

Сама зрелость художественной формы былин, многосюжетность их, при некоторой архаизации исторической обстановки, говорят о том, что к концу X в. уже существовала богатая эпическая традиция, что и при отце Владимира — Святославе (как это видно из летописных сказаний о нем), и еще при Игоре и Олеге, а возможно и в IX в., эпические сказания и песни уже заняли свое место

в культурной жизни Руси. В том же виде, как былины дошли до нас, они выкристаллизовались в «эпоху Владимира», «когда расцвет феодального государства, его организующая сила ясно ощущалась всеми», — пишет Б. А. Рыбаков (ДР, 60). Это заставляет предполагать, что былины начали формироваться несколько раньше, когда в IX—X вв. шло образование государственности, с которой эпос в классической форме неразрывно связан. Кроме того, фольклорные образы и сюжеты, которые использованы в былинах, имеют давность тысячелетий.

Мысль о том, что социальные отношения в русском эпосе отражают несколько более раннюю ступень, чем эпоха Владимира, высказал и Д. С. Лихачев: «Эпические социальные отношения... не вполне совпадают с особенностями жизни Киевского времени, а рисуются в чертах, типичных для более раннего времени, для периода военной демократии» («Народное поэтическое творчество», 184—190).

Тем не менее большинство исследователей правильно относит создание основной массы былин — в известной нам форме — к эпохе основания мощной Киевской державы, считая их современными Владимиру I, который представляет центр притяжения в сюжете (исключая новгородский цикл), хотя и не является главным действующим лицом.

Это направление было доминирующим в русской фольклористике за все время ее существования. Исследование же былин в историческом плане закономерно связывалось с изучением древнерусского быта и общественных отношений.

Оптимизм, выраженный в былинах, уверенность в мощи и непобедимости русского народа, запечатленное в них богатство бытовой обстановки, живые черты военной демократии в социальных институтах — вот те черты, которые советские историки считают характерными для начального периода Киевской Руси.

Конечно, забывать о непрерывном процессе модернизации при передаче былин нельзя, но нельзя забывать и о поистине изумительном «чуде народной памяти» (Г., I, 54) — «твердости предания» (там же), чему некоторыми исследователямидается слишком мало веры.

Ядро сюжета эпоса остается неизменным, мало изменяется и его толкование, не вводится почти новых пер-

сонажей, тем более эпизодов, да и бытовые черты лишь осовремениваются, а новых не появляется. В большинстве былин нет и исторических несообразностей в отношении основных ситуаций и образов.

Несомненно, что эпос, несмотря на верность в какой-то мере истории в идеином и бытовом плане, не признает обычной хронологии, смешая и соединяя события, персонажей и реалии разных эпох, а также преломляя их сквозь призму художественного творчества. Очевидно, от степени возможности разобраться во всем этом, как и в соотношении традиции и модернизации эпоса (последнее — одна из кардинальных проблем при изучении фольклора в историческом плане), зависит, в какой мере можно признавать конкретное эпическое произведение историческим источником.

* * *

В изучении былин можно наметить два направления: их представляли, с одной стороны, ученые, безоговорочно или с теми или иными оговорками принимающие историческую достоверность былин и возможность приурочения их сложения к определенной эпохе, и, с другой стороны, ученые, отрицающие эту возможность из-за специфики художественной природы фольклора. Однако практически существует множество взглядов, переходных между этими крайними воззрениями.

Среди современных фольклористов точка зрения на сложение основного цикла былин в Киевской Руси была очень удачно сформулирована В. П. Аникиным. Считая, что «в эпоху существования Киевского государства» был переработан архаический пласт мифов и преданий, он видит общий смысл изменений, произошедших в эпическом фольклоре более поздней эпохи, в «историзации прежних традиций», в воспевании воинской доблести, в фиксировании противоречий внутри свободной части населения раннеклассового государства («Русский богатырский эпос», 78—79).

Эпоху Киевской Руси он выдвигает в качестве «конкретной жизненной историко-социальной и бытовой основы эпоса», на которую опирался «творческий процесс». Древнейшее ядро былин (включающее почти все основные сюжеты) образовалось в X—XII вв. (там же, 13).

Позднее, в тяжелые исторические времена, былины, рисующие «золотой век» Руси (начало ее государственной консолидации, градостроительства, бурного развития богатой культуры), ее независимость и неизменное посрамление врагов, могли использоваться как моральная поддержка в борьбе с завоевателями. Действительно, концентрация богатырских дружин при дворе киевского князя, даннические отношения соседних земель, самоуправство при возмездии в семейно-бытовой сфере, отзывающееся еще родовым строем, отсутствие упоминаний о более поздних феодальных раздорах, бытовая обстановка — все говорит о том, что в былинах нашел отражение начальный этап становления раннеклассового древнерусского государства.

Без учета же конкретной исторической обстановки в былинах становится легко произвольно перебрасывать их то на тысячелетия назад, то в XVII в. Русский героический эпос создавался, конечно, на основе тысячелетнего развития устного народного творчества, черпая оттуда и сюжеты в их общей форме, и художественные образы, и приемы, но как жанр он мог сформироваться только к концу I тысячелетия н. э. Основная методологическая опасность при изучении былин заключается как раз в подмене анализа их как жанра анализом архаических прасюжетов, использованных и модернизированных эпосом, происхождение которых теряется чуть ли не в первобытности, и традиционных элементов поэтики, которые существуют в нем наряду со многими другими компонентами (в том числе и с древнерусскими литературными источниками).

Наличие последующих наслоений и даже искажений в эпосе несомненно, но жанр былин не мог возникнуть ранее определенного времени.

Для выделения древних бытовых черт наиболее важны «общие места» в эпосе — устойчивые фрагменты повествования: развернутые сцены пира, отъезда богатыря и т. п., что сопровождается «широким описанием подробностей военной и мирной жизни, поединков, обстановки и быта» (Жирмунский, 325).

«Общие места», как и постоянные эпитеты, сохранили по традиции самые архаичные и достоверные черты, так как новотворчество касалось их несравненно меньше, чем изменяющегося сюжетного полотна былины. Подоб-

но заставкам, концовкам и сюжетным миниатюрам в летописях, которые перенесены без изменений рисовальщиками-копиистами с более древних списков (причем в этих изображениях тоже мало индивидуального), «общие места» были зачастую значительно старше самого текста. Особое значение «общих мест» в эпосе состоит в том, что на них, как подобных эпизодах, не сосредоточивалось внимание слагателя и исполнителей былин, и это способствовало механической консервации их содержания. Это не исключает, конечно, и в «общих местах» изменений лексики и искажений вследствие забвения или модернизации произведения сказителями.

Нетрудно заметить, что содержание этих «общих мест», которое должно было занимать аудиторию и самих сказителей еще в Киевской Руси, составляют в основном моменты из жизни воина-конника (ведь конница была ведущим, избранным родом войска, особенно необходимым в борьбе с кочевниками), то собирающегося в поход, то отдыхающего от ратного труда на пиру, то думающего «думу» с князем. «Общие места», естественно, удерживаются в подвижном тексте именно вследствие типичности образов и положений в них для изображаемой в эпосе среды.

Господство типического над индивидуальным и сделано настолько устойчивыми «общие места» в современных былинах.

Одним из средств хронологизации былин может быть изучение реалий в них, позволяющих установить нижнюю границу (горизонт), раньше которой былины не могли возникнуть в том виде, в каком они дошли до нас: особенно важны в этом отношении именно почти не изменяющиеся «общие места». В этом плане сделано немало, но все же крайне недостаточно; к тому же многое нуждается в коррективах.

Во времена Н. Я. Аристова и Л. Н. Майкова археология делала первые шаги; на рубеже XIX и XX вв., когда писал А. В. Марков, также еще не было возможности производить массовые археологические раскопки, из-за отсутствия средств и организационных трудностей. Ученым-фольклористам было крайне трудно правильно хронологизировать былины, опираясь на относительно скучные археологические данные, а главное — на археографию и иконографию.

Положение в археологии резко изменилось в советский период. Подняты пласт за пластом огромные площади Великого Новгорода, в Киеве на территории древнего детинца заново исследованы остатки Десятинной церкви и прилегающих к ней дворцовых построек, раскопан ряд древнейших городов — Любеч, Изяславль, частично Чернигов и др. Найдены богатые клады, погребения. Своими руками и глазами можно осязать и видеть в несравненно большем количестве, чем раньше, причем лучше датированные, древнерусские украшения, доспехи дружиинников и сбрую их коней, остатки жилищного декора — фресок, мозаики, а также круглых стекол для окон.

И. В. Ф. Миллер, и А. В. Марков и, возможно, даже С. К. Шамбинаго по-иному решали бы многие загадки эпоса в области хронологизации, если бы они обладали теми материалами, которые в настоящее время доступны исследователю-фольклористу.

М. К. Каргер, сделавший чрезвычайно много в области археологических исследований Киева, в особенности его детинца — Владимира города и Ярославова города, Десятинной церкви, раскопками которых он был занят много лет, пишет: «Древнейший период истории Киева носил полулегендарный характер до тех пор, пока историки пользовались лишь сведениями, почерпнутыми из летописей и некоторых других письменных источников, игнорируя или не умея использовать в качестве исторических источников археологические памятники» (Каргер, I, 519). В другом месте своего труда он под другим углом зрения обрисовывает положение в этой области в XIX в.: «Археологическое исследование Киева, развивавшееся до начала нашего века как замкнутое вещеведение, было оторвано от основных путей развития исторической науки; археологические источники расценивались историками не больше, чем любопытные иллюстрации к тем или иным уже сложившимся главным образом на основе письменных источников концепциям. Неисчислимые богатства разнообразных археологических источников по древнейшей истории русского города, по истории городского ремесла, по истории городской культуры оставались почти вне поля зрения историков XIX в.» (Каргер, I, 52). Все это отразилось и на возможностях фольклористики.

Археология между тем позволяет с большой степенью точности установить «нижний горизонт» в памятниках эпоса (как произведениях определенного жанра). Если какое-нибудь понятие, термин проникли в былины и притом удержались прочно, то это значит, что былины сложены не позднее того времени, когда бытовал обозначаемый ими предмет или явление: лук, гридница, обычай захоронения в срубе и т. п. Случай поздней словесной замены отдельных терминов ничего не меняют; хотя в былины, пусть робко, и проникают все же новые образы, подменяющие старые (огнестрельное оружие в былине о Вольге, паровые машины на корабле Садко и пр.), никто ведь не станет утверждать, что былины сложены не ранее XIX в., например, когда был изобретен пароход, или даже XVI в., когда на Руси стали известны кремневые ружья, упоминаемые в былине о Вольге. Для хронологизации важны наиболее древние термины и понятия, а не новейшие.

В кажущемся хронологическом хаосе в эпосе существуют, таким образом, все же твердые, надежные ориентиры. Но нельзя, конечно, отрицать, что исследователь сталкивается со множеством серьезных и, на первый взгляд, иногда даже непреодолимых трудностей, как только приступает к разбору былин с целью проследить в них отражение исторической среды и обстановки и на основе этого приурочить к определенному периоду какое-нибудь встреченное в эпосе явление культуры.

В археологии существует стратиграфия, а в былинах ее по существу нет. Так называемые слои в русском эпосе, прослеживаемые исторической школой, в действительности не только перемешаны самым причудливым образом, но и содержание их не вполне устойчиво. Исследователю фактически приходится как бы «отмучивать» этот конгломерат эпох и столетий. Могут возразить, что то или иное понятие могло быть введено позже, но заимствования из письменных источников, из печатных книг все же спорадичны, не дают устойчивых образов и представлений и, как правило, не входят в «общие места» эпоса.

Стертые именно из-за своей архаичности включения забытых понятий и терминов в былинах, напоминающие древнюю кладку в постройках Киевской Руси, вмонтированную в новые кирпичные стены, представляют

особую ценность для определения времени сложения былин, среды, в которой они создавались, так же как и дальнейшей их судьбы.

Археологи, историки искусства и собственно историки, этнографы — все широко привлекают эпос как исторический источник. В их исследованиях можно найти упоминания об эпических реалиях, образах, мотивах, отразивших конкретные черты жизни древней Киевской Руси. Ученые смежных исторических специальностей, в первую очередь археологи, делают очень нужное и своевременное дело, сближая данные разных наук и изучая фольклор комплексно с другими областями древнерусской культуры, хотя нередко они не владеют в достаточной мере специальным фольклористическим методом. Плодотворная работа археологов и историков затрудняется из-за отсутствия выработанной методики исторического исследования эпоса или ее устарелости (произвольные построения на единичном варианте, игнорирование книжных влияний и пр.), из-за принятия нефольклористами на веру отдельных ошибочных положений и утверждений, вошедших в свое время в научный обиход.

Это положение было четко определено Б. А. Рыбаковым в одном из выступлений: «...Историки и филологи слишком оторваны друг от друга. Они часто идут параллельно, но все-таки слишком далеко друг от друга... Конечно, эту искусственную препятствующую, которая создается между историками и филологами, необходимо разрушить» (сб. «История и социология». М., 1964, 61—62).

В восстановлении многогранной в своем единстве культуры Древней Руси необходимо участие фольклористов. И идейная сторона эпоса — его основа, и художественная воспринимаются по-иному, если их изучение опирается на реальную историческую среду. При этом выявляется неповторимая историческая сущность жанра.

Следует напомнить, что в истории русской фольклористики XIX — начала XX в.— несмотря на разногласия между учеными — изучение эпоса в комплексе с другими сторонами древнерусской культуры, использование былин как исторического источника имело все же устойчивые традиции, шло в русле науки.

Из современных фольклористов этой точки зрения последовательно придерживается А. М. Астахова. В своей итоговой работе по изучению эпоса она уделяет внимания

ние острой проблеме хронологизации былин, а в связи с этим и модернизации: «Что касается отражения в былинах киевского цикла бытовых черт, характерных для более позднего времени, то оно одно, если и имело место, не может служить непреложным аргументом в пользу позднего сложения самих былин: русский богатырский эпос жил в устной традиции многие столетия и не оставался безразличным к новой исторической и бытовой действительности, элементы которой могли давать отдельные поэтические наслоения. К тому же... новейшие археологические и исторические изыскания внесли решительные поправки в наши представления о древнерусском искусстве и быте» (Астахова, Итоги, 223—224).

Былина для А. М. Астаховой прежде всего — художественное произведение, ее интересуют их сюжеты и образы, народные идеалы, сказавшиеся в отборе этих сюжетов и образов. Но при изучении былин, по ее утверждению, «все это должно быть соотнесено с исторической реальностью в широком плане, т. е. с особенностями исторической обстановки, быта, общественных отношений и т. п.» (там же, 76; см. также 45).

Критикуя историческую школу, А. М. Астахова пишет, однако: «Чрезвычайно важным было привлечение, кроме исторических событий, материала общественной и бытовой русской жизни, что давало возможность установить связи нашего эпоса с важнейшими общественно-экономическими моментами исторического развития русского народа. Многие наблюдения и поднятый в этом направлении материал составляют тот фактический вклад в науку, который сделан учеными исторической школы и который надлежит осмыслить уже в свете марксистско-ленинской методологии» (там же, 48). К установке А. М. Астаховой близка мысль Б. А. Рыбакова. «К русскому былинному эпосу,— пишет он,— нужно подойти широко, с полным охватом всего исторического материала, заново проверяя и расширяя исторические сопоставления, сделанные сто лет тому назад» (ДР, 43).

Действительно, едва ли следует только критиковать русскую историческую школу, самую реалистическую в дореволюционной фольклористике, инкриминируя ей все недостатки исторической науки в тот период.

Было бы несправедливо забывать при этом, что доверие к исторической достоверности эпоса, хотя и прелом-

ляющего явления действительности через призму художественного восприятия, характерно для всех почти русских ученых прошлого века. При этом «исторической основе» придавалось определяющее значение.

Если учеными XIX — начала XX в., в основном, конечно, сторонниками исторической школы, и были допущены фактические и методологические ошибки при изучении русского эпоса в историческом аспекте, дело советских фольклористов исправить эти ошибки, опираясь на огромные достижения исторических наук и новую методологию, но не отрекаться от богатого наследия, оставленного прежними исследователями.

* * *

Основными вехами в области изучения историко-бытовой обстановки в былинах можно считать исследования Майкова, Вс. Миллера, Маркова, Рыбакова. Некогда еще Ф. И. Буслаев, противопоставляя плодотворности изучения былин в историческом аспекте, предпринятого в его время, упражнения так называемых мифологов и опровергая и свой ранний метод, писал: «Из первобытного хаоса нагроможденных стихий мы вышли на вольный свет истории. Под нашими ногами не зыбкая среда, составленная из туч и дождей, а земля Русская, с ее географическими уроцищами... Былина стоит уже по эту сторону истории, отделяясь от доисторического мрака резко обозначенным слоем историческим и географическим» (Буслаев, 256—257).

Л. Н. Майков был одним из первых серьезных исследователей эпоса в историко-бытовом аспекте. Он проделал кропотливую работу по учету не только явлений духовной культуры и социальных отношений в эпосе, позволяющих соотнести их с древнерусской историей, начиная с X в., но и отражения в эпосе древнерусского материального быта. Наиболее развита эта мысль в его известной магистерской работе «О былинах Владимира цикла» (СПб., 1863), написанной свыше столетия назад. Он признавал, что «народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или по крайней мере живому впечатлению этого события на народ... Если же мы отделим действительное событие от его поэтического вос-

произведения значительным пространством времени, то должны будем предположить в народных певцах намеренное, ученое воспроизведение прошедшего, а это едва ли возможно по степени и характеру их образованности» (Майков, 22) ¹.

В своем исследовании «О былинах Владимира цикла» Майков рассматривает самые различные стороны древнерусской культуры: города и села, пригороды и приселки; жилище различных видов и внутреннее его убранство, гридни, терема, светлицы, палаты и хоромы, двор с коновязями, медовые погреба, подвалы, ворота, крыльца, окна; одежду из дорогих тканей, украшенную золотым и серебряным шитьем, «пушистые-ushiistые» шапки — с указанием способов ношения всего этого, обувь из сафьяна; различные виды доспехов и вооружения; пищу и пиршественную утварь и многое другое.

Конечно, большинство из этих рубрик и самостоятельно определит теперь каждый исследователь эпоса, но Майков впервые обратился к эпосу как к историческому источнику и уверенно сопоставил в комплексе данные эпоса с исторической действительностью Киевской Руси, нарисовав яркую и запоминающуюся картину той эпохи, проложив путь будущим исследователям.

Однако он не отождествлял художественные образы с древнерусской действительностью ², а учитывал их специфику как произведений народного творчества; так

¹ Впоследствии тот же взгляд развивал Н. П. Дашкевич: «Если не все, то большая часть былин возникают непосредственно под свежим впечатлением известных событий», — писал он, ссылаясь при этом на Милютича, утверждавшего, что «всякая героическая песня, в своих главных чертах, современна воспеваемому событию» (Н. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. «Университетские известия». Киев, 1883, № 3, стр. 161). При этом Дашкевич указывал, что «историческая основа» «должна быть точкой отправления всех исследований о былевом эпосе» (там же, стр. 165), и при последующих изменениях она не утрачивается (там же, 1883, № 5, стр. 24).

² Как это делал, например, Н. Я. Аристов, щедро, но не исчерпывающе привлекавший эпос как прямое свидетельство существования того или иного явления или реалий в Древней Руси в своей книге «Промышленность Древней Руси» (СПб., 1866). Сопоставляя эпос с историческими источниками разного рода, он принимал при этом за аксиому, что эпос возник (во всяком случае в отдельных своих частях) в эпоху Киевской Руси.

об особенностях жилища в былинах он писал: «Участие поэтической фантазии в этих описаниях очевидно, но и при том из них можно составить некоторое понятие с характере древних построек» (Майков, 48). Методически важным Майков считал собрать «исторические данные и сблизить их со свидетельствами других памятников того же времени» (там же, 42). Для сличения с былинами он привлекал не только летописи и другие письменные источники (русские, византийские, арабские), но и памятники изобразительного искусства, что позволило ему сделать ряд ценных выводов.

Эта работа по изучению былин Владимира цикла, как считал сам Майков, «даст новые данные для бытовой истории их времени и вместе с тем утвердит новыми доказательствами, что они принадлежат именно этой эпохе» (Киевской Руси. — там же, 3). Именно бытовые черты, по его мнению, могли помочь правильной хронологизации эпоса. Допуская крайне архаичные элементы в составе жанра былин, которые он относил даже «к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий», он тем не менее настаивал: «все содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания, представляются в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно историческому периоду. Поэтому необходимо всмотреться в главные исторические данные, встречающиеся в былинах Владимира цикла; из отношения их к положительным историческим показателям можно с некоторою точностью определить эпоху самого сложения былин» (там же, 21—22).

Этой эпохой Майков признавал X—XII вв., когда содержание былин Владимира цикла, по его мнению, еще «вырабатывалось», а «установилось» оно окончательно в XIII и XIV вв., «когда... в народе свежа была память о первенствующем значении Киева» (там же, 25—27); при этом «вырабатывались» былины именно в самой «области Киевской», «в пределах которой помещается большая часть происшествий, описываемых в былинах Владимира цикла» (там же, 31).

В результате скрупулезного изучения вопроса (что не исключало широких обобщений) Майков пришел к обоснованному выводу об исторической достоверности былин, которые, «несмотря на значительные позднейшие наслаждения, представляют довольно полное изображение

народного быта и народных понятий Руси в тот период, когда они сложились» (там же, 42).

Значение исследования Л. Н. Майкова, как справедливо пишет М. К. Азадовский, «не было достаточно оценено современниками» («История русской фольклористики», т. II. М., 1963, 148). В этой небольшой по объему работе Майкова по существу впервые сделаны все основные сопоставления эпоса с древнерусской жизнью, которые конкретно разрабатывали на протяжении всего XIX в., да и позднее почти все исследователи былин.

Линию изучения былин в историко-бытовом плане, проложенную Майковым, наиболее последовательно продолжил из фольклористов конца XIX — начала XX в. А. В. Марков, в особенности в своей работе «Бытовые черты русских былин» (М., 1904). Сквозь призму отдельных явлений материальной и духовной культуры он сумел преломить всю жизнь Древней Руси в ее исторической конкретности¹.

«Сложность былины,— писал Марков,— требует отдельного изучения ее бытовых, исторических, реальных элементов и поэтических» («Былина», 284). В былинах бытовые черты «нужно искать... в побочных обмолвках и тех частях описаний, на которых не сосредоточивается интерес рассказа», т. е. которые высказывали из-под контроля сказителя (БЧ, 2). Говоря о «прикрасах» и возможности литературных заимствований в былинах, он указывал, что «надежным критерием» «для того, чтобы отличить эпические образы от бытовых черт... можно признать только соответствие былинных данных историческим свидетельствам» (там же).

А. В. Марков проводил примерно ту же мысль о хронологизации былин, что и Майков, приурочивая их к Киевской Руси, употребляя даже тот же термин «выработались»: «...Жизнь былин определяется... громадным промежутком времени в восемь столетий, с X до XVII..., но для нас важнее определить эпоху, когда возникло ядро русского эпоса, когда творчество было наиболее интенсивным, когда выработались его технические при-

¹ В. П. Аникин в статье «Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова» (ОИРЭФА, II, 163) обратил внимание на то, что, по архивным данным, сам Марков первоначально назвал свое исследование «Исторические черты русских былин», а не «бытовые», под каким названием работа вышла.

емы, определившие навсегда характер былин. Для этого необходимо обратить внимание на основные факты их содержания» (борьба с кочевниками, «память о преобладающем значении Киева», «о принадлежности Чернигова к русским городам (до второй половины XIV в.), новгородская вольность, паломничество в Иерусалим, «представление Руси княжескою») (БЧ, 3).

Марков был одним из ближайших учеников В. Ф. Миллера (хотя и расходился серьезно с ним по отдельным вопросам, в основном в поздний период жизни В. Ф. Миллера, когда взгляды того, например о времени сложения былин, претерпели довольно существенные изменения) и поэтому не удивительно, что многие их высказывания очень близки. В. Ф. Миллер также настаивал на изучении былин в связи с историко-бытовой обстановкой, отраженной в них. «Только внимательное изучение культурной и политической истории народа в течение ряда столетий даст нам возможность ответить и на историко-литературные вопросы» (В. Миллер, III, 6).

В русской истории Миллер находил периоды, благоприятные и неблагоприятные для жизни эпоса, и ядро его относил все же к периоду до начала XIII в., признавая единство киевского и новгородского циклов, так как Новгород был тесно связан политически и экономически с Киевом (там же, 25). Он категорически отрицал, что содержание былин могло сложиться в мрачную эпоху монголо-татарского нашествия¹.

Однако В. Ф. Миллер, в отличие от Маркова, находил в конце жизни безнадежной всякую попытку выяснить, какие сюжеты входили в цикл былин X—XI вв. Но, отказываясь от «безнадежных вопросов» в области конкретной сюжетики и образов, В. Ф. Миллер тем не менее находил возможным «постараться уяснить, к какому времени относятся вообще возникновение и развитие раннего Владимира цикла и какие общественные условия вызвали его появление» (там же, 7, 8).

Скепсис В. Ф. Миллера, отчасти М. Г. Халанского и других как бы перебрасывает мостик к А. П. Скафты-

¹ О произвольности признания эпохи монголо-татарского нашествия временем сложения былин писал также убежденно А. Н. Веселовский (см. «Русский эпос и новые его исследователи», стр. 152).

мову, фольклористические воззрения которого, впрочем, тоже можно отнести к скептическому направлению лишь весьма условно.

Это направление удерживалось в 20-х годах нашего века, когда в науке еще не определились достаточно новые взгляды и она жила старым наследием, да и учёные в большинстве были связаны с дореволюционной эпохой. Возможно, что скептическое направление в фольклористике объясняется воздействием агностицизма — философского течения, модного в науке предреволюционного периода. Работа А. П. Скафтымова «Генезис и поэтика былин» была написана именно тогда (издана же в 1924 г.). Кроме того, безудержные упражнения во всевозможных приурочениях былин к отдельным событиям и прототипам, допускавшиеся многими исследователями, естественно, должны были вызвать реакцию против такой историзации фольклора. Сам Скафтымов отчетливо сформулировал требование повышения уровня исследований эпоса в историческом аспекте: «Без доказок и гипотез в научном творчестве обойтись нельзя, и конечно, не об устраниении их говорят наши слова, а лишь об ограничении не в меру развившихся увлечений» (там же, 39). Он напоминал, что при изучении былин надлежит все время помнить об их художественной специфике, как жанра устного поэтического творчества. Скафтымов, скептически называвший былину кораблем без якоря, который прибывает к любому берегу, но который нигде не останавливается, в своей работе «Генезис и поэтика былин» провел все же ряд очень конкретных, точных и тонких сопоставлений былин как жанра с русской исторической действительностью, особое значение придавая описаниям бытовых реалий в былинах.

«Исследователи, в поисках за отголосками исторического прошлого в былине,— писал Скафтымов,— давно уже обратили внимание на аксессуарно-обстановочную часть рассказа, предполагая, что мелкие бытовые черты... неминуемо должны были давать обстановку соответствующего исторического момента и среды... Несомненно, к такому приурочению имеются действительные и весьма серьезные основания. Всякое название какого-нибудь предмета свидетельствует, во-первых, о наличии этого предмета в прошлом и, во-вторых, о том, что он, в какой-то степени, как очевидцу или по

слухам, был известен какому-то составителю и исполнителю былины» (Скафтымов, 118). Наиболее достоверными для исторических сопоставлений Скафтымов считает случаи, «когда предмет фигурирует в составе самого сюжета», является его «неотъемлемым звеном» — соха в былине о Микуле, клюка в былине об Идолице и т. п., вследствие чего «напрашивается предположение об исконной, первичной принадлежности этих предметов данному сюжету» (там же, 119). Но он не отрицал значения в этом плане «чисто описательных деталей: костюм действующих лиц, пища, жилище, убранство, военное снаряжение, общий уклад бытового обихода и пр.».

Скафтымов ставит и один из самых сложных вопросов фольклористики — о времени проникновения того или иного образа в былину: «при самом сложении или уже в один из моментов дальнейшей передачи из уст в уста?» (там же, 118). Он утверждал «фактичность» именно основы эпоса: «...Необходимо предположить, что в развитии былины был момент, когда фактическая конкретность, входящая в ее состав, в известной мере являлась для нее предметом непосредственного интереса... Оттуда, из этого отдаленного момента, идет основная кристаллизация сюжета, как некоторого, потом уже неразрывного, слитка конкретных представлений» (там же, 100).

Подчеркивая большую роль эпической идеализации в былинах, А. П. Скафтымов тем не менее утверждал, что в основе эпических представлений лежала историческая-конкретная действительность. «...Поэтому в бытовой исторической документации подобные черты могут служить аргументами территориальных и хронологических приурочений лишь при соответствующем устраниении идеализирующей тенденции; но так как несомненно то, что «идеальные представления откуда-то тоже должны были возникнуть,... раскрытие источников таких представлений способно во многом осветить бытовую реальную почву, на которой создавалась былина» (там же, 123—125).

Большинство наиболее серьезных исследователей указывали на необходимость при изучении историзма былин учитывать их художественную специфику, не делать слишком прямолинейных сопоставлений, отдавая

все же приоритет исторической основе былин по сравнению с их поэтическими особенностями. Н. П. Дашкович настаивал, что «лишь за вычетом или полным устранием исторической основы исследователь может заняться разысканием иных источников» (литературных влияний и пр.) («К вопросу...», 9). Е. В. Аничков писал: «...От песен нельзя заключать непосредственно к быту» (Аничков, 286).

В наши дни художественную специфику былин учитывает большинство ученых смежных исторических дисциплин, хотя сама по себе эта специфика (как явление фольклора) их мало интересует. М. К. Каргер, например, привлекает русский и скандинавский эпос в своих археологических изысканиях о древнем Киеве, но напоминает: «Превращая русскую легенду или северные песни в исторические документы, в собственном узком смысле этого слова, исследователи нередко обольщали себя иллюзорной исторической реальностью тех фактов, которые на самом деле имели подлинную ценность лишь как поэтический образ, требующий специфических средств раскрытия» («К вопросу о древнейшей истории Киева». СА, X, 1948, стр. 241).

Какие же элементы художественной специфики наиболее затрудняют поиски исторической достоверности в былинах? Это гиперболизация, идеализация и собственно фантастика. В то же время их подчиненность историзму в классическом эпосе позволяет легче выделять реальную бытовую основу различных образов и ситуаций.

Конечно, былины — художественное произведение, и в их оформлении действуют свои тенденции. Поэтому, чтобы избежать произвольных выводов, следует, по нашему мнению, исходить при анализе былин из определенной установки: те или иные реалии могут считаться исконными, исторически конкретными для былин, если им находятся аналогии в истории Руси X — XI вв., хотя бы они бытовали и позднее; рассматривать их надо в комплексе с другими явлениями и ситуациями древнерусской социальной жизни, отраженными в былинах (например, в былине о Дюке — значение Галича как культурного центра, близость к летописному описанию конских ристаний под 1150 г.); главное же — учитывать общую идеиную направленность былины (например, роль Киева

как центра Русского государства, двойственный характер ранних взаимоотношений с кочевниками — то врагами, то союзниками).

Нельзя не отметить, что форма самих былин очень изощрена и сложна; она соответствует степени развития ювелирного, архитектурного, живописного искусства Древней Руси, явно неся отпечаток высокого профессионального мастерства. Мысль В. Миллера о профессионализме сказителей былин, обслуживавших и феодальные круги (В. Миллер, I, 52—64), в наше время подтверждается аналогиями в других областях культуры. При становлении государственности в Древней Руси в X—XI вв., как это единогласно признается историками и археологами, так обстояло дело со всеми мастерами — ювелирами, зодчими и др., а не только со сказителями.

В. М. Жирмунский, намечая общие черты героического эпоса как жанра у разных народов, указывает, что вследствие приема идеализации, свойственной эпосу, «далеко не всегда кажущийся историзм эпического предания является прямым и непосредственным отражением истории», но в то же время подчеркивает, что «на ступени героического эпоса... господствует не сказочная фантастика, а монументальный героизм, благородный и трезвый» и сама идеализация складывается в духе «желаемого идеала» (Жирмунский, 325), согласно «с нормой человеческого поведения, сложившегося в народном сознании» (там же, 317). «...Выделить более древние части, наметить основные этапы сложения и развития эпического сюжета» (там же, 284) он считает возможным лишь при помощи «углубленного исторического и этнографического исследования» эпоса и его «идейно-поэтического содержания», сличения эпических черт с «фактами народной жизни и истории народа», общественных отношений, народного быта, обычаяев, верований и пр. (там же, 372).

Все эти высказывания В. М. Жирмунского можно, конечно, отнести и к русским былинам.

Сложность изучения именно былин в историческом плане четко определил М. М. Плисецкий. «Былина как явление устной художественной традиции,— писал он,— не может быть глубоко исследована простым сближением ее образов с различными историческими документа-

ми; необходим фольклористический анализ с учетом особенностей устного бытования произведения в течение ряда эпох, с одновременными наблюдениями над поэтикой произведения, сопоставлением с художественной литературой эпохи, лингвистическим разбором и проч.» (Плисецкий, Историзм, 5).

* * *

Художественную специфику передачи истории в былинах, а не беспочвенную фантазию угадывали в русском эпосе уже первые его исследователи, причем свой вклад в историческое изучение былин, несмотря на архаизирование их, внесли и славянофилы. Особое внимание их привлекала модернизация в былинах.

К. С. Аксаков признавал «историческую верность былин», несмотря на «анахронизмы» в них: «...Богатырские песни, очевидно, принадлежат к древнему периоду нашей истории; вероятно, были они петы если не самом Владимире, то вскоре после него. ...Время, конечно, имело на них свое действие, оно нанесло многое на них, и многое прилипло к ним; встречается много анахронизмов, но объяснить их нетрудно» (Аксаков, 332—334). Татар в былинах он считал заменой «образов врагов древних» — печенегов и хазар: «... Вольное и радостное положение великого князя киевского Владимира, сохраняющееся в песнях, смущается последующими отношениями князей русских к орде. Орда, в песнях, каким-то чудом зашла в мир и эпоху Владимира; но зато видим и понимаем ясно несообразность ее присутствия здесь» (там же, 334) ¹.

Н. Д. Квашнин-Самарин писал: «Именно любопытно знать, насколько справедливо изображают былины прославляемую ими эпоху, насколько они ей верны, по крайней мере, с внешней стороны (т. е. со стороны

¹ В свете этих высказываний следует объяснить в значительной мере полемическим задором упреки историка С. М. Соловьева К. С. Аксакову в «антиисторическом направлении» его исследований по былинам, в ответ на что О. Ф. Миллер в своей рецензии обвинял в «антифактическом» направлении самого Соловьева (рецензия Ореста Миллера «Русский народный эпос пред судом г. Соловьева». «Библиотека для чтения». СПб., 1864, кн. 3, стр. 52).

быта.— Р. Л.) ... Если эпоха в общих чертах представлена верно, то, значит, и самые песни сложились скоро после нее (само собой разумеется, в первоначальной своей форме; нет эпоса, который не изменился бы сколько-нибудь в течении времени). Если же это так, мы получаем право смотреть на былины, как на хороший исторический материал, и пользоваться ими, как таковыми» (Квашнин-Самарин, I, 78).

М. П. Погодин, приводивший бытовые черты несомненной древности в былинах, не смущался анахронизмами в них, доказывая, что ими тоже «подтверждается достоверность и подлинность былин: заплаты ясно указывают собою, что под ними некогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; они указывают на древнюю основу, не подходившую под обстоятельства современные, которая и была заменена ими» («Замечание о наших былинах». ЖМНП, 1870, № 11-12, стр. 157).

Довольно оптимистично относился к явлениям модернизации О. Ф. Миллер, не считая эти «наросты» (О. Миллер, 295), «подновительную замену» (там же, 633 и др.) ни определяющими для былин, ни значительно искажающими основу эпоса.

Известный педагог В. Я. Стоюнин с большой проницательностью отмечал сходство образного материала былин с явлениями в живом языке: старые и новые образы соединяются в былинах так же органически, как старые и новые слова в языке (Стоюнин, Руководство, 67).

А. М. Лобода в своем обзоре истории изучения былин писал, что «историческая основа их сильно затемнена..., восходя многими своими чертами к отдаленнейшим векам русской истории, помня еще Владимира Св., а может быть,— и его предков, былины в сознании последующих поколений являлись отзвуком славного былого, ми-нувшего величия, приобретали особую цену, редкое обаяние» (Лобода, 4); но история в них — явление особого рода: «Под таинственным покровом поэтической передачи пред нашим взором вырисовываются очертания многих веков русской истории... В общем получается цельная, замечательная по своему богатству и разнообразию картина внутренних и внешних отношений Руси, ее идеалов, культурных общений,— неписаная история, не признающая хронологии и с своеобразными приема-

ми изложения, но тем не менее полная внутренней правды!» (там же, 1—2) ¹.

За последние десятилетия несравненно расширилась, как уже говорилось, археологическая база для бытовых сопоставлений. Не случайно археологи в настоящее время дают наиболее оптимистический прогноз исследований эпоса в историческом аспекте; как всегда, специалисты смежных дисциплин, не связанные традициями, довлеющими над специалистами в узкой области науки (в данном случае фольклористики), прокладывают новый путь именно в этой области. «Несмотря на обилие поэтических образов, метафор, обобщенных эпических ситуаций,— пишет Б. А. Рыбаков в самом начале своего труда «Древняя Русь»,— несмотря на нарушенность хронологии и смещенностя ряда событий, былины все же являются превосходным и единственным в своем роде историческим источником... Только из былин, из рассмотрения всего былинного фонда в целом можем мы установить, какие периоды истории воспевались народом и о каких умалчивалось» (ДР, 4).

ЭПОС И ЛЕТОПИСЬ

Особую проблему составляет взаимосвязь устного эпоса и летописей. Если летописи фиксировали обращающиеся в народе в то время предания, прозаические сказания и эпические песни, то и в эпос могли попадать сюжеты и образы из письменных источников. Связь устного (эпос) и письменного (летописи) изложения исторических событий и ситуаций в Киевской Руси станет понятнее, если обратиться к сравнительному материалу. В Западной и Северной Европе, где письменность получила более раннее и широкое распространение, чем в Киевской Руси, запись устных преданий и песен о светских событиях была обычной, причем особенности устных произведений сохранялись ².

¹ О. Ф. Миллер в свое время образно изложил ту же мысль: «Исторический ряд веков... эпически укладывается в один век Владимира» (О. Миллер, 808—809).

² Подборку данных о записи устных исторических произведений в западноевропейских хрониках и легенд о записи таких произведений дал еще О. Ф. Миллер в своем труде «Илья Муромец и богатырь»

Связи русских былин с летописями посвящена обширная литература. Народные сказания в летописях старался выделить уже В. Н. Татищев в своем историческом труде, а затем К. Ф. Калайдович, о высоком значении исследования которого А. М. Лобода писал: «Ссылки на летописи, сделанные с редкой по тому времени полнотой и тщательностью, явились исходным пунктом для всех последующих исследователей» (Лобода, 155). Майков, широко привлекавший летописи при исследовании былин, утверждал, что летописи сложились в значительной мере на основе эпических преданий (см. Майков, 24). Его подборка также использовалась затем многими поколениями исследователей фольклора. Вероятно, именно эти исследования помогли историкам утверждать эпическую основу летописей.

Специальное исследование о фольклорном элементе в летописях провел Н. И. Костомаров («Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях»), причем помимо фактических сличений эпического и летописного материала (мотивов, сюжетов и пр.) выявил и общие закономерности: неизбежность использования устных преданий летописцами при отсутствии письменной традиции и памятников на Руси в довладимировы времена и в начале его княжения; олитературизание и редактирование фольклорного материала монахами-летописцами, тем более при изменении преданий в течение веков (Костомаров, 320—322), причем излагались фольклорные предания, видимо, в сокращении, чтобы «избегать тех приемов, в каких передавали их певцы и рассказчики, приемов, неприличных для благочестивого книжника» (там же, 297); слияние образов и биографий разных исторических лиц; значение для сбережения топонимических преданий в эпоху составления «Повести временных лет» наличия «вещественных остатков», связанных с ними: кургана, признаваемого в народе Игоревой могилой, церкви св. Илии в Киеве, где, по преданию, христиане из дружины Игоря приносили клятву, и пр. (там же, 338, 340).

ство киевское» (стр. 64, 127, 226, 665). В наше время Д. С. Лихачев также пишет о том, что «отношение к сагам (скандинавским.—Р. Л.) как к изустной поэзии своего народа побудило уже в конце XII столетия к их записыванию» (РЛ, 101).

Былины, повествующие о военных предприятиях русских, Костомаров считал связанными с дружинной средой — «людом военным» — и в основном панегирическими. Однако, если это были произведения, «распеваемые и сказываемые гусятами перед князьями и боярами» (там же, 338), то остается непонятным поношение Владимира, часто встречающееся в былинах. Необходимо предположить более широкую аудиторию и более оппозиционно настроенных сказителей былин (хотя и связанных с широкими слоями «люда военного» в первую очередь).

«За исключением немногого, что почерпнуто из письменных источников, все повествование о временах древних включительно до смерти Владимира взято из народных преданий, сказаний, песен и пересказов в том виде, в каком эти древние времена отражались в них во второй половине XI и в начале XII века», — утверждал Н. И. Костомаров в заключении к своей работе (там же, 392).

В другом месте работы он распространяет свою мысль и на княжение Ярослава Мудрого, добавляя, что для большинства летописных сказаний «иных источников невозможно и вообразить» (там же, 295).

Несмотря на известные преувеличения, Костомаров сумел сделать из сопоставления летописей с эпосом чрезвычайно убедительные фольклористические выводы, главным образом о сложении цикла былин о Владимире уже очень рано: «Что Владимир был одною из самых любимейших личностей нашей народной поэзии, в этом, кажется, и спора быть не может... Из самой летописи положительно видно, что... в конце XI и начале XII века Владимир был уже эпическим лицом народной поэзии» (Костомаров, 367—368).

В свете современной науки состав летописей представляется гораздо более сложным: в них выявлены и переписка князей и других политических деятелей, и документы, например договоры, «деловая речь» (посольская, воинская, юридическая), заимствования из литературы, оригинальной и переводной, и пр. (см. РЛ, 77 и др.).

Д. С. Лихачев, приведя высказывание П. В. Строева, что летописи представляют «сборники разновременных и разнородных произведений» (ПВЛ, II, 38), сам об-

разно называет летописи «набором кусков драгоценной смальты» (ПВЛ, II, 48). Трудами исследователей многих поколений были выявлены конкретные эпические включения в летописную хронику. Кроме сходства с сюжетами и мотивами фольклора, в особенности эпоса, отдельных эпизодов в летописи¹, взаимодействие обоих источников — фольклора и летописи — сказывается в ритмическом складе, эпитетах, числах², устойчивых формулах и пр. Конечно, ряд сходных в эпосе и письменных источниках оборотов, образов и речений может быть объяснен и тем, что все это почерпнуто из языка одной и той же эпохи, считая устные и письменные памятники синхронными.

Из позднейших историков В. О. Ключевский, перечисляя большинство названных уже Костомаровым «летописных саг», делает тот же вывод о синхронности или близости по времени сложения былин в Киевской Руси эпохи Владимира. «Можно заключить,— пишет Ключевский,— что в половине XI века уже сложился в Киевской Руси целый цикл историко-поэтических преданий»; основным их содержанием он считал походы Руси на Византию (В. Ф. Миллер, отметим, во многом опиравшийся вообще на исторические концепции Ключевского, приводит это высказывание в своих «Очерках русской народной словесности») (В. Миллер, III, 17).

Сопоставление былин с летописями осложняется тем, что фольклорные эпизоды в разных списках летописей содержат разнотечения, а иногда, сохранившись в одних, бесследно исчезли в других или оставили в них лишь смутный след.

Летописцы переписывая старый текст, изменяли, дополняли и контаминировали его, освещая с той или иной степенью тенденциозности. Поэтому едва ли когда-нибудь удастся узнать, что за неведомые богатыри появ-

¹ Например, походы на Византию и щит на воротах Царьграда, смерть Олега от своего коня, месть Ольги, испытательные дары Святославу, сватовство к Рогнеде, «корсунская легенда», эпизод с юношкой-кожемякой и многое другое.

² Эпическими числами считают «три» (три года осады Корсуни), «двенадцать» (12 гривен на воина Олега), «сорок» (40 тысяч Руси при походе Олега на Византию и «сила» в 40 тысяч в былинах), «девяностолетний возраст стариков в летописях и былинах).

ляются в Никоновской летописи, какова была в действительности история образа Алеша Поповича и его сподвижников.

Очень ценна мысль Е. В. Аничкова, что для Древней Руси мы не имеем неподвижного текста и в письменной литературе: «Литературные памятники... вообще развиваются как народная словесность. Одно произведение не приходит на смену другому... Растут и обновляются одни и те же» (Аничков, 96).

Еще А. М. Лобода считал не обязательным видеть в летописных эпических сказаниях «уже сложившуюся былину»; «какое-нибудь распространенное предание, устные рассказы очевидцев и т. п. служили в одно и то же время материалом для книжника и ядром эпической песни». Он обратил внимание на то, что уже первонациально одни и те же факты могли получить разное освещение, а в дальнейшем подвергались вследствие устного бытования и большим изменениям. Поэтому Лобода настаивал на необходимости «широкой и некоторой свободы самих сравнений» и, таким образом, предостерегал от слишком детальных сопоставлений былин с летописями (Лобода, 12—13).

«Степень достоверности исторического источника по сравнению с эпическим,— пишет также Жирмунский,— сама по себе требует также критической проверки. Средневековый летописец и историк в тех случаях, когда он пишет не по официальным письменным источникам, а по слухам об историческом событии, нередко передает уже первую стадию фольклорной обработки будущего эпического сказания» («Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки», 229).

В последнее время очень широкое сличение эпоса с летописями провел Б. А. Рыбаков, использовав и все основные достижения своих предшественников. Включение в предполагаемый им первый летописный свод 997 г., попытку реконструкции которого исследователь предпринял, «большого количества различных фольклорных мотивов» он находит естественным, так как «составитель свода был современником создания самого значительного эпического цикла — былин о Владимире Киевском» (ДР, 23). Он ищет не только узких, фактических соответствий персонажам и сюжетам былин в летописных повествованиях, но и отражения в былинах исторических

ситуаций (например, замены наемной варяжской дружины русской в былине о Микуле и Вольге, строительства пограничных укреплений в образе «богатырской заставы», роста влияния городских общин в новгородских былинах и т. п.). Исследователь набрасывает общую картину таких соответствий: «Полным созвучием с народными былинами Владимира цикла является летописное повествование о первых двадцати годах княжения Владимира Святославича. Борьба с печенегами, постройка крепостей, привлечение северных племен для защиты государства на юге Руси, борьба с разбойниками, заботы о создании дружины, богатырские пиры в Киеве — все это до мелочей совпадает с былинными циклами о Добрыне и Илье Муромце» (ДР, 349).

В приезде местных богатырей на службу в Киев Б. А. Рыбаков видит исторический конкретный процесс набора защитников южных пограничных укреплений из всех земель Руси, о чем говорится в «Повести временных лет» еще для конца X в.¹

Однако Б. А. Рыбаков не идентифицирует русский эпос и летопись: «Дело не в том, что былины надо понимать как соответствие или как искажение летописи, а в том, что летопись и былинная поэзия одинаково восходят к реальной жизни, но по-разному ее отражают... Исторически осмыслить былинный эпос мы сможем только тогда, когда сделаем все возможное для сопоставления былин со всеми видами других исторических материалов, когда мы с возможной при данных условиях точностью определим тот отрезок реальной жизни русского народа, который воспет в былине или цикле былин» (там же, 86). При этом он считает, что киевские летописцы XI — начала XII в. располагали записями устных поэтических сказаний, позднее забытых (там же). Можно, впрочем, предположить, что они сами записывали в летопись известные им сказания.

¹ Примечательно, что еще О. Ф. Миллер напоминал о «первом образе заставы» — городах «Старого Владимира», а в богатырях — выходцах из разных мест Руси видел «эпическое отражение того сбродного люда, каким и населял Владимир свои острожки» (О. Миллер, 808—809).

ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ ВЛАДИМИРА I В БЫЛИНАХ

Сложение героического эпоса обычно сопутствует у разных народов переломной эпохе — переходу от родового общества к раннеклассовому государству. Для этого периода характерно формирование воинских сил из среды народа, призванных защищать и укреплять возникающее государство. Достижение этой ступени социального развития — результат накопления больших возможностей вследствие ряда благоприятных условий. Поэтому и эпос в такую эпоху отражает веру в несокрушимость сил народа и светлое будущее строителей молодой государственности. Связь эпоса с переломными эпохами утверждается русскими учеными не только для былин, но и для эпоса ряда других народов¹.

С. П. Толстов проследил стадиальность сложения классического эпоса, относя его к эпохе военной демократии: «...Все известные нам циклы героического

¹ Так, Ю. А. Андреев характеризует эпоху создания поэм Гомера временем крушения родового строя и становления классового государства у древних греков (Андреев). «В советской литературе,— пишет он в статье «Мужские союзы в поэмах Гомера»,— посвященной Гомеру, неоднократно отмечалась историческая сложность его поэм, закономерно присущая эпохе начинающегося упадка основных норм и обычаев родового строя и их оттеснения нормами и обычаями классового общества. У Гомера те и другие сплошь и рядом выступают в качестве своеобразных гибридов. Институты родовой эпохи маскируют молодые ростки частной собственности и эксплуатации, и, наоборот, в сложных сюжетных построениях зрелого эпоса все еще угадываются простейшие жизненные ситуации, свойственные родовой общине» (там же, 49). В это определение хорошо укладываются и особенности русских былин. На типологическую близость гомеровских поэм к былинам указывал более ста лет назад еще О. Ф. Миллер; приводя высказывания западноевропейских ученых о близости гомеровских поэм к старофранцузскому эпосу, он замечает: «У нас же почему-то почти не пытались сопоставлять былины с омировским эпосом,— а пора бы» (О. Миллер, 681). Он имел предшественников: Г. Р. Державин, видимо имевший возможность познакомиться с былинами в живом исполнении в бытность свою в Олонецком kraе, писал под конец жизни в 1815 г. об «общих местах» в былинах, сопоставляя былины с поэмами Гомера: «В некоторых случаях повторения, как в Гомеровых песнях, того же самого и теми же точными словами, что уже выше было сказано» (Державин, VII, 608).

эпоса,— по Толстову,— это памятник эпохи крушения родового строя, эпохи становления «классового общества» (Толстов, 179—180).

Русский эпос неразрывно связан с переломной эпохой княжения Владимира I, когда создавалось древнерусское государство. «Княжение Владимира Святославича,— пишет Б. А. Рыбаков,— не случайно стало «эпическим временем». Это была эпоха расцвета раннефеодальной монархии Руси, эпоха больших внутренних и внешних перемен. Полтора десятка племенных союзов, объединявших свыше сотни восточнославянских племен, сливались в одно государство во главе с «матерью русских городов» Киевом» (ДР, 59). Этим и была вызвана идеализация Владимира Святославича, возглавлявшего радикальные социальные перемены, и летописцами, и народными певцами (см. ДР, 60—61).

Многое в общественных отношениях времени княжения Владимира I, в социальных институтах и пр. говорит об очень близкой еще подоснове — эпохе военной демократии. К тому же Владимир Святославич не только не решался резко рвать со старыми порядками, но, наоборот, в первую половину своего княжения пытался даже реставрировать их, чтобы крепче опереться на народные массы и свое окружение. В былинках это сказалось и в их социальной окраске, и в характеристике отношений князя и дружины, и в сложных функциях гридницы (преемницы общественного здания — дома совета), и в большом еще удельном весе легендарных мотивов.

«Общество эпохи военной демократии и доклассовое и классовое,— пишет Толстов,—...когда средствами, заимствованными из родового общества и приспособленными к задачам новой эпохи, осуществляется создание базы нового общественного строя» (см. Толстов, 207). В Киевской Руси этот строй еще делал серьезные уступки древним традициям, чтобы избегать слишком больших взрывов. Соблюдение коллективистических традиций на праздниках, например, являлось и времененным «снятием новых социальных табу» (там же, 194—195).

Это особенно ярко сказалось в организации общественных пиров Владимиром Святославичем — как по случаю больших праздников, так и еженедельных,

хотя эти традиционные пиры приобрели уже другое назначение, содействуя укреплению престижа князя в различных слоях населения. Пиры Владимира устраивались уже на его дворе (общественное здание заменила княжеская гридница), состав участников дифференцировался, равноправное участие на пиру всех членов общины заменялось раздачей пищи и денег для широких слоев городского населения вне здания. Из числа участников всенародного (вернее — общенародного) пира выделился более узкий слой из близкой к князю военной среды — дружины и административного аппарата городской общины, явившейся непосредственной преемницей сельской общины и созданной по ее образцу. К тому же пиры, входившие ранее в цикл языческого празднества, стали приспосабливать к утверждавшейся новой государственной религии — христианству.

Переломный характер эпохи Владимира Святославича сказался и в том, что именно тогда древнее язычество было заменено в государственном порядке новой религией — христианством, — призванной укрепить сложившиеся отношения в классовом обществе. В то время, в Киевской Руси конца X — XI в., введенное христианство было чисто внешним и не успело проникнуть в сознание народных масс и самой правящей верхушки. Летописцы-монахи даже о христианских именах князей упоминают лишь глухо, сообщая о построении ими храмов «в свое имя», о днях именин, а в остальном пользуются их славянскими именами, причем сам Владимир Святославич был канонизирован впоследствии под своим языческим именем (а не именем Василия). В былинах, наряду с редкими христианскими образами — плачущей девицы-богородицы на городской стенае (образ из надвратной церкви), с угрозами кочевников «спустить на дым» церкви, а на «мосты» (уличные настилы?) иконы, наряду с чтением евангелия богатырями и т. д. властвует еще «язычная» стихия: образы оборотней (дев-лебедей, воинов-волков), архаичные похороны в срубе, с конем, обоих супругов одновременно, добыча диких животных для ритуальных пиров, обрядовое медопитие с установленными его приемами, стголоски культа дикого быка — тура, коня, «вещих» птиц.

* * *

Очень характерно для истории русской науки, что переломный характер эпохи, отраженной в былинах, и значение становления государственности для развития этого жанра явственно ощущали почти все ведущие ученые XIX — начала XX в., хотя и не были в состоянии четко определить стадиальную сущность этого.

Ф. И. Буслаев образно писал в связи с особенностями русских былин о переломном характере раннего периода Киевской Руси, обусловившем появление этого жанра фольклора: «...Былина повествует о молодых силах родной земли, впервые развернувшихся на просторе... Только поэзия может уловить эту счастливую середину; в жизни она проходит незаметно: «Молодо жидкo, говорит народ; старо — круто, а *середовaя порa* одним днем стоит». Точно будто этот-то блаженный, середовой день русская былина и оглашает веселым шумом и разгульем пиров» (Буслаев, 147).

В своем исследовании о «бытовых слоях русского эпоса» О. Ф. Миллер относит его основное ядро к периоду киевскому, когда совершался переход «от родовых отношений к общинным» (О. Миллер, 819), когда «прежняя родовая связь» заменилась «связью вождя со служилым людом» (там же, 149) (иными словами, происходило становление военной демократии). Он дает образную картину самого этого переходного периода: «Вот эту-то юную пору, золотую пору расцвета вполне пробудившихся сил составляет в нашем эпосе пора киевская — богатырская, т. е. героическая наша пора, до сих пор не забытая ни в Сибири, ни в Олонецком и Архангельском крае» (там же, 815).

О близости былин «к действительным явлениям тех отдаленных веков русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась в отдельное государственное тело», писал Майков (стр. 138).

Справедливо опровергая идею К. С. Аксакова о «христианской основе» былин, А. А. Котляревский настаивал на том, что «была другая, более древняя, жизненная основа наших богатырских сказаний». Былины «по мере того, как в народную жизнь проникали новые начали..., нисходили на степень стародавнего предания и принимали в себя только то из нового, что гармонировало

с старинными эпическими представлениями», но так или иначе «богатырские сказания не утратили своего языческого колорита» (Котляревский, 117—118). При этом «новые начала», которые «пришли из чужбины», «не скоро пустили свои корни в жизнь» (там же, 82). Таким образом, Котляревский в этой полемике отодвинул сложение былин в довладимирову эпоху и настаивал на отсутствии разрыва с ней в эпоху Владимира, причем, увлекшись этим, он не проследил достаточно процесса становления государственности, т. е. качественно иного общества: «Сказания о русских богатырях,— писал он,— создались не вдруг и не в эпоху Владимира Святого: они были плодом всей предыдущей жизни народа»; народ «жил, можно сказать, тем материалом, который заготовил себе еще прежде». Котляревский отмечает глубоко «чувственный характер» героя эпоса, «избыток материальной силы» у них, противоречивший христианским идеалам. «Язычество... ярко светит в характере богатырей», и «сам Владимир является в народной фантазии как чистый язычник» (там же, 89—92).

К идее переломного характера княжения Владимира I «на грани переворота от одного порядка вещей к другому» не раз возвращался в своих работах Н. И. Костомаров; он называл это княжение «эпохой великого государственного преобразования» (Костомаров, 90, 374—375).

В. Ф. Миллер, как всегда чуткий к историческому своеобразию былин, обратил внимание на языческий склад образа Владимира в эпосе (В. Миллер, III, 31—32). Он базировался в этом вопросе на концепции И. Н. Жданова, своеобразно интерпретировавшего противоречивые сетования монахов в древнерусских письменных памятниках на то, что Владимира хотя и чтят в народе, но не так, как надо, и поэтому, недостаточно славимый, он и не мог быть долго канонизирован. Жданов считал, что уже сложившийся эпический образ язычника Владимира в былинах и преданиях рано внедрился в сознание народных масс и потому надуманный церковниками благочестивый образ князя в псалмах и житиях не мог с ним соперничать. Привлекая различные древнерусские письменные источники, он противопоставляет друг другу «повести глаголемые и пишемые»

в житии Владимира в Степенной книге (Жданов, 134). На переломе двух эпох эпос сохранил более архаичный и жизнелюбивый образ Владимира¹. В то же время В. Ф. Миллер подчеркивал отражение в эпосе качественно нового характера Киевской Руси. «Русская земля...,— писал он,— впервые начала чувствовать себя цельным народным... составом. Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности» (В. Миллер, III, 13, 14). Мысль Беселовского, «видевшего основной и характернейший признак народных эпопей в идее слагавшегося национального целого, которое пришло на смену родовой и племенной обособленности», вспоминает в своей работе А. М. Астахова (Астахова, Итоги, 60).

Взгляд на вещи Древнейшего свода — «оптимистический, полный надежды, радующийся событиям, развивающимся в момент составления» этого свода с его богатыми эпическими включениями, обусловлен тем, что «особенным сиянием окружены должны быть эпохи великих рождений», отмечал Аничков (стр. XXXVII).

К мысли о кардинальных преобразованиях в эпоху Владимира Святославича, о ее переломному характере и значении этого для сложения жанра былин присоединились даже те исследователи, которые скептически относились к самой идее древнекиевского происхождения былин; логика истории заставляла их вступать в противоречие со своими основными положениями. Так, М. Г. Халанский, который не верил в «общерусский эпос», оговаривался: «Несомненно, что о Владимире I знали все русские племена, не столько, впрочем, как о воине, сколько о великом реформаторе, произведшем сильный переворот в течение народной жизни» (Халанский, 10).

В наши дни вопрос об архаической основе «героического эпоса» (в том числе о мифологических корнях

¹ Характерно, что сказители еще в XIX в. ощущали неловкость из-за сознания несовместимости двух образов этого князя: эпического князя и «равноапостольного» Владимира церковных канонов. Это подметил А. Ф. Гильфердинг: «Не раз сказитель, пропев про князя Владимира какой-нибудь стих, весьма к нему непочтительный, просил за это не взыскать, «потому-де мы сами знаем, что нехорошо так говорить про святого, да что делать? так певали отцы, и мы так от них научились» (Г., I, 54—55).

его) наиболее развернуто разрабатывает Е. М. Мелетинский, хотя чрезмерно заглубляет исторический генезис этого жанра. Важна, однако, проводимая им мысль, что хотя классический эпос, рисующий «героическое» время, опирается на традицию повествовательного фольклора доклассового общества и на идеалы этого общества, но характерны для него новые принципы социальных отношений, обусловившие не только организацию сюжета, но и самый образ богатыря.

Подводя общий итог, можно сказать, что в былинах ярко выражено то явление, которое С. П. Толстов выявил в общеисторическом масштабе: при укреплении раннеклассового государства «общественные институты теряют (в большей или меньшей мере) свою родовую оболочку, государство сбрасывает маскирующую скорлупу военной демократии и выступает в своем законченном виде» (Толстов, 207). Многообразное отражение переломного характера эпохи княжения Владимира I и в конкретном содержании былин и в их общей настроенности будет прослежено в последующих главах, применительно к отдельным темам.

* * *

Таковы некоторые аспекты изучения былин как исторического источника для реконструкции того времени, когда они слагались. Но все же главная ценность былин в том, что они составляют высокое духовное достояние народа, неизменно на протяжении тысячелетия воспитывавшее его патриотизм. Нравственная роль былин была очень велика — и в эпоху их создания, и в последующие эпохи. Сильную и образную характеристику этой роли русской «изустной литературы» (в том числе и «торжественной былины») дал А. Н. Толстой: «Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души» («Родина», 508).

ГОРОД В БЫЛИНАХ

Основное ядро былин содержит воинские сюжеты и соответственно действие былин происходит в значительной части на заставах — в пограничных укреплениях и в «чистом поле»; но возвращаются богатыри в Киев, а нередко и выезжают оттуда на свои подвиги.

Во многих же киевских былинах (о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, о Хотене, о Соловье Будимировиче и др.) и полностью в новгородских (о Василии Буслаевиче, Садко, госте Терентьище) действие былины целиком протекает в городе. Новгородские былины слагались также в крупнейшем древнерусском городе, куда киевские князья имели обыкновение посыпать на княжение одного из своих сыновей, причем именно он позднее нередко оказывался на «златом столе» в самом Киеве.

Центры городской жизни Древней Руси — Киев и Новгород прославляются и воспеваются в былинах. Красота Киева, роскошь его убранства и высокая культура привлекают приезжих. О нем «идет слава великая» «по всем землям» (Р., 2, 208) и даже «в далеке-далече чистом поле» (Р., 2, 318):

А приехал посмотреть вашего города.

Скажут, ваш город на красы стоит, на угоществе,

Скажут, солнышко Владимир князь богато живет.

(Р., 2, 195)

В другом варианте:

Славен Киев град на красы стоит,
На красы-басы на великия.

(Р., 2, 663)

Дюк объясняет матери, что должен повидать Киев, так как хотя в других городах и странах он бывал,

А во стольном городе не бывано,
Стойлы там питья не пýваны,
И крупивчаты калачики не ёданы,
И ласкового князя Владимира не вýдано.
И дасть прощенъица — поеду я,
И не дасть благословенъица — поеду я
Во Киев-град.

(БПК, 401)

Мать Дюка предупреждает его об опасностях, подстерегающих приезжего в большом городе, движение в котором и неисчислимый людской поток даны через образ текучей воды в полноводной реке:

Ведь много во Волхове воды течёт,
А много во Киеве людей живёт.

(Там же)

Наиболее конкретно описан в былинах Новгород, так как до нас былины дошли в новгородской интерпретации, через сказителей, живших в пределах бывших владений Великого Новгорода, а реальные черты Киева, например, оказались сильно стертными, как и черты Галича. Но для эпоса вообще характерны условность, обобщенность явлений и образов реального мира.

Жилища в былинах — гридница, палаты (часто «белокаменные»), терема, сени — отличаются сложной развитой архитектурой и большими размерами, разнообразным и богатым декором.

Сказочная роспись индийского города передана в образе сияющих золотых кровель, зарево от которых над городом прибывшие иноземцы принимают за пожар. Но и сам Киев в былинах украшен такими же «злато-верхими» зданиями.

Не пожар-то и был ведь в Индии,
Тут ведь и крыши золочёные
Вот от сонца гони свётиют.

(Кр., I, 635)

Полы в этих зданиях — металлические («пол-середа одново серебра». — КД, 91) или «кирпищатые» (видимо, керамические, из майоликовых плиток); стены расписаны, убраны мехами. Мебель из дуба, с инкрустациями из резного «рыбьего зуба» (как называли в Древней Руси моржовые и мамонтовые клыки) или «слоновых костей»; она «потянута» рытым бархатом и пр. Гридница в былинах — «светлая», т. е. с большими оконными проемами, к тому же застекленная; постоянно упоминаются «стекольчатые оконенки». Круглые оконные стекла с закраинами, найденные в Киеве и других городах, были роскошью даже в городах Руси. С уверенностью можно сказать, что в деревнях X—XII вв. оконных стекол еще не знали.

Привозные ткани, которые «в злате-серебре не погнутся» (КД, 11), аксамит, камку, рытый бархат употребляли только в городах. В городах изготавливали и роскошную одежду из них, какая описана в былинах: «немного на ней шелку: вся в серебре» или «в красном золоте», «в скатном жемчуге», «вся в каменьях драгоценных» (Р., 2, 650—651).

Эпические ювелирные украшения, металлическая пиршественная утварь, вооружение из лучшей стали, украшенное драгоценными металлами, в былинах могли быть сделаны только искусными руками городских ремесленников; едва ли можно видеть во всем этом лишь эпическую идеализацию повседневного быта.

Владимир Святославич обратил особое внимание на благоустройство столичного Киева с самого начала княжения. С этим, видимо, было связано и устройство заново языческого капища, где статуя Перуна была отделана драгоценными металлами, как и в храмах прибалтийских славян. После победы над Корсунью Владимир вывез оттуда художественные скульптуры — две статуи и квадригу бронзовых коней — и в ладьях их доставили в Киев, что должно было составить немалые трудности, так как при переходе через пороги приходилось выходить на сушу, делать перегрузку и пр.

Владимир Святославич, а особенно сын его Ярослав придавали украшению Киева особое значение. Они стремились уравнять свою столицу не только в политическом отношении, но и в культурном с Константинополем, «соперником» которого не случайно впоследствии назвал Киев Адам Бременский¹. Мастера-греки и их русские ученики непрерывно украшали Киев храмами и светскими зданиями с обильной живописью, «мусией» — мозаикой, мрамором, драгоценной утварью, майоликой и металлом².

На первый план при описании городов в былинах выступает «стена городовая», делающая его «крепким» для врагов, с башнями, с запертными и охраняемыми стражей воротами:

А угицки мужики были лукавыя;
Город Углич крепко заперли
И (в)збегали на стену белокаменну.

(КД, 178)

(Вспомним, что в летописях при описании осады существует устойчивая формула «затворишаяся» в граде — ПВЛ под 912—915 гг., 24.) Изредка упоминается в былинах и земляной вал. О городе говорится,

Что стоит он широкими рвами окопавшия,
Земляным валом огородившия.

(Аст., Б-ны, 206)

За валами прячет свою дружину царь Солбман в былине о нем.

Ставер «похваляется» в первую очередь не роскошью убранства своего феодального двора-замка «на семи верстах», а тем, что тот «крепче города Киева» (КД, 91).

¹ См. текст с комментариями Б. А. Рыбакова в его книге «Ремесло Древней Руси» (стр. 480).

² Эрих Лассота писал о Киеве в XVII в.: «Город этот весьма обширен, укреплен и был украшен прекрасными церквями и зданиями tam publicis quam privatis, как можно ныне еще заметить по древним развалинам и по стене, построенной на высотах, окружающих его, и простиравшейся, как говорят, на девять миль» (Лассота, 17).

Что это за крепость во Киеве,
У великова князя Владимира?
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкой двор не хуже города Киева.

(КД, 90)

В другом варианте вместо «крепость» стоит «ограда» (Т.—М., II, 197—198).

Эта опасная похвальба, возможно, отчасти и привела в развитии сюжета к заточению Ставра, соединившись далее с общефольклорным мотивом о мудрой жене, выручающей мужа.

Ворота городских стен — символ их неприступности — играют в эпосе заметную роль:

Ворота у города железные,
Крюки-засовы все медные.

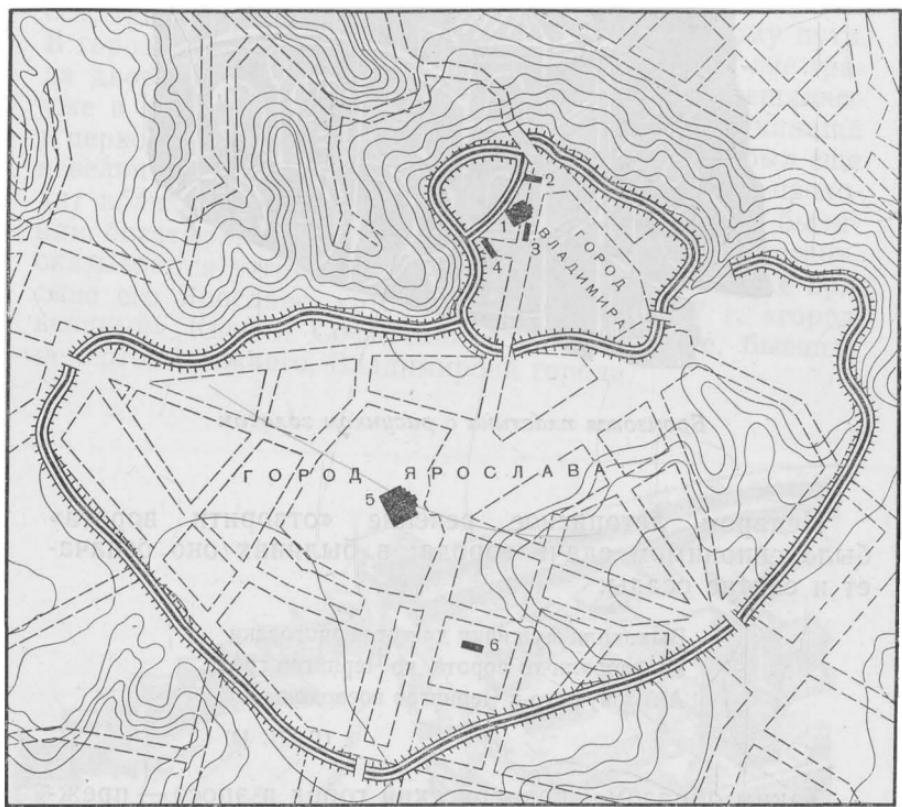
(КД, 43)

В одном варианте упомянуты даже знаменитые Золотые ворота Киева.

Поехал тут Василий ко городу ко Киеву,
И стречает тут Василья
Владимир князь у Златых ворот.

(Р., 1, 433)

О том, что в былинах «главные ворота золотые», писал еще Л. Н. Майков. П. В. Владимиров, ссылаясь на тот же текст из собрания П. Н. Рыбникова, напоминает об исследовании А. Н. Веселовского о Михайлике и Золотых воротах (в «Южнорусских былинах», ч. I). В наши дни образу Золотых ворот в восточнославянском эпосе посвятил специальное изыскание М. М. Плисецкий (в книге «Взаимосвязи..», стр. 84—109). Богатырям обычно удается проникнуть в Киев или преодолев сопротивление стражи — «приворотников» и «придверников», или перескочив на своем чудесном коне через стену. Так же поступают и дерзкие послы враждебных государств. В своеобразном пудожском варианте 90-летнего сказителя Н. Е. Родина мнимый посол — жена Ставра как бы берет приступом город, ударив кулаком в ворота (БПК, 413).

Памятники каменного зодчества X—XIII вв. в Киеве

- 1 — Десятинная церковь;
- 2 — дворцовое здание, раскопанное в 1908 г.;
- 3 — дворцовое здание, раскопанное в 1911 г.;
- 4 — дворцовое здание, раскопанное в 1914 г.;
- 5 — собор Софии;
- 6 — дворцовое здание, раскопанное в 1913—1914 гг. на углу Б. Владимирской и Ирининской улиц

Бронзовая пластина с рисунком золотом

Недаром летописное речение «отворити ворота» было синонимом сдачи города; в былинах оно означает и снятие осады:

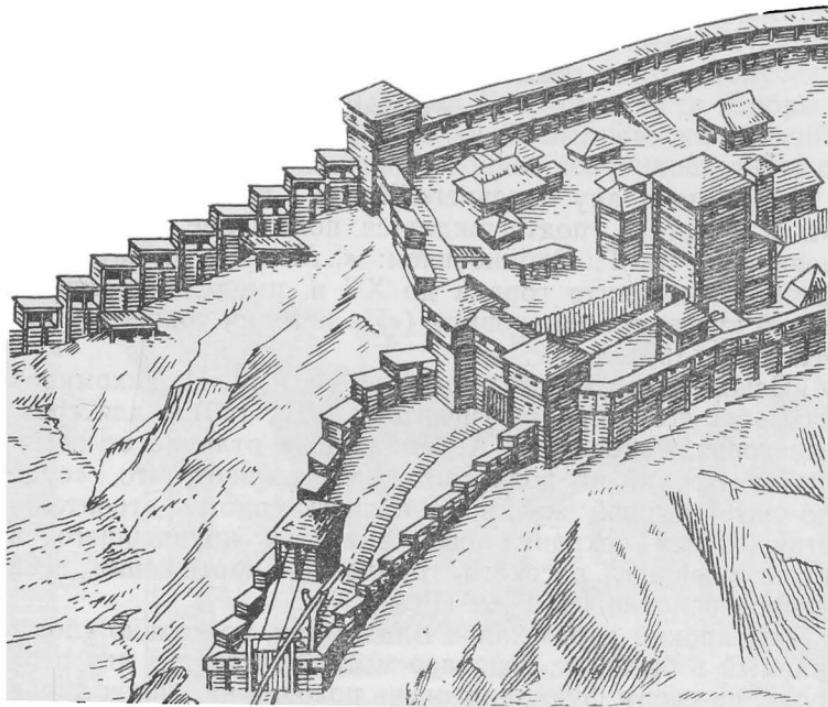
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.

(Г., II, 12)

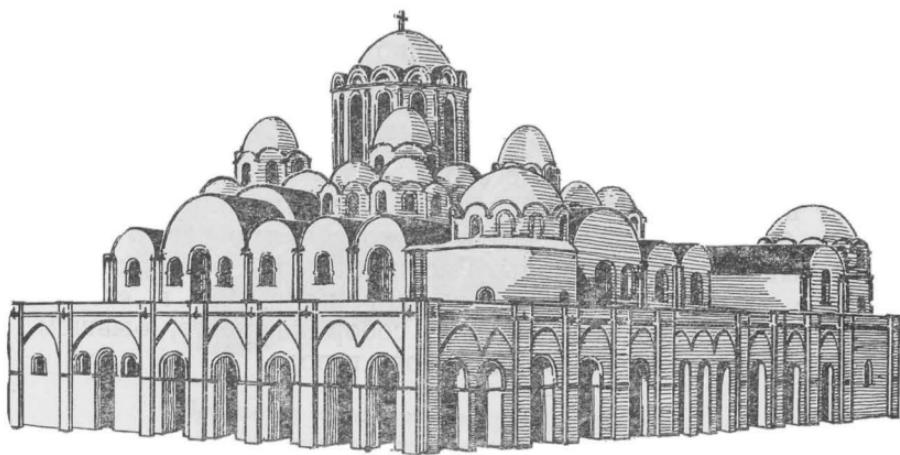
Таким образом, древнерусский город в эпосе — прежде всего крепость, и за стенами этой крепости — и княжой двор, и святыни, и дружины князя; там сосредоточена и вся дипломатическая жизнь. Это соответствовало раннему периоду жизни столичного города Киева, как и других древних городов Руси: «Территория русских городов IX — X вв. в основном вмещалась в пределы небольших крепостей — детинцев; в этот период только намечается формирование городов как центров сосредоточия не только княжеских слуг, но и купцов и ремесленников» (ДГ, 44).

«Владимиров город» был расположен на высотах над Днепром, почему и называется иногда в летописях Гора; в X в. он, по мнению М. К. Каргера, еще только слился в одно целое из трех поселков. Лишь позднее к укрепленному детинцу постепенно примкнуло «пред-

градъе», или Подол, выросший внизу, у «подола» днепровских высот, ближе к воде,— центр торговли и ремесел, так как торговля шла в основном по водному пути. В городе, внутри стен, а частично и вне их («бе вне града двор другой»— ПВЛ под 945 г., 40) помещались уже в конце X в. княжеский дворец, языческие капища и церковь. При Владимире I собственно «город» был еще невелик (остатки древнего рва, а значит и вала, проходят вблизи Десятинной церкви). Не случайно по былинам богатыри, перепрыгнув на коне прямо через стену, оказываются у гридницы. Расширен город был уже при сыне его Ярославе, который заложил в 1037 г. «город великий» Киев и Софийский собор на месте, бывшем за чертой прежнего, Владимира города.

Любец
Реконструкция

Киево-Софийский собор
Реконструкция

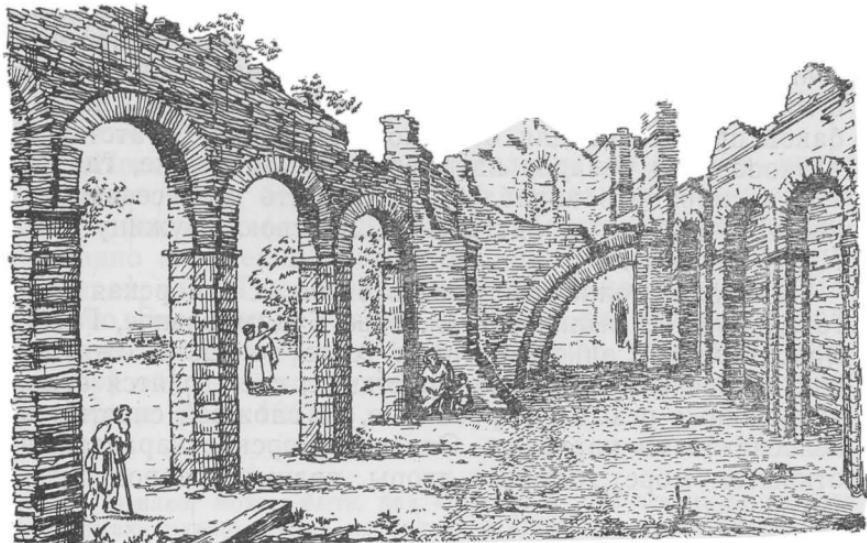
Судя по плану древнего Киева, данному в книге М. К. Каргера, подтверждается положение, сформулированное М. Г. Рабиновичем: «...Можно думать, что феодальный центр города до XV в. имел преимущественно кучевую планировку» («Из истории городских поселений», 139).

Вскоре Киев уже бурно разросся, и М. Н. Тихомиров называет его «городом-гигантом» (ДГ, 140) — для средневековья, конечно. Б. А. Рыбаков, в отличие от обычных взглядов на роль Киева, утверждает, что, «судя по литературной жизни и архитектурному строительству... Киев сохранял свое значение крупнейшего и культурнейшего русского города на протяжении всей второй половины XII в.» (Рем., 243).

«Широкий двор» князя Владимира, постоянно упоминаемый в былинах, основное место действия в них в городе, по своим функциям очень походит на «княж двор», известный в Киеве по археологическим и историческим данным. «„Княж двор“,— пишет Тихомиров,— был центральным местом политической и административной жизни города. Сюда вели на расправу воров..., здесь разби-

рались князем... тяжбы между горожанами, сюда сходилось городское ополчение перед выступлением в поход — одним словом, „княж двор“ ...был местом, вокруг которого сосредоточивалась городская жизнь» (ДГ, 214). На княжеском дворе устраивали празднества и пиры с различными развлечениями, конскими ристаниями; на нем хранилась княжеская казна.

Аналогии всему этому легко найти в былинах. Соответственно, двора эпического Владимира не минует ни один приезжий, сюда Илья Муромец привозит Соловья Разбойника; на княжеский двор приходят с жалобой на Чурилу «незнаемые люди» — толпы огородников, кречетников, охотников и рыболовов; здесь богатыри могут выбрать себе коня и взять оружие из княжеских запасов; на дворе Владимира собираются богатыри, созванные на военный сбор; тут происходят пари Владимира и состязания на конях Ивана Гостиного сына, Чурилы и Дюка; сюда Илья Муромец привозит золото, полученное от разбойников, а Василий Казимирович и Добрыня — дань от иноземных королей. В былинах княжеский двор вмещает огромное число воинов-всадников,— кроме

Руины западных галерей Киево-Софийского собора

обычных коновязей упоминается и «конюшня белодубова» (Гул., 141 и др.). Картина, как видим, сходится и в целом, и во всех деталях.

Большое место уделено в былинах и торгу — центру посада в древнерусских городах. Особенно ярко это сказалось в новгородской былине о Садко; в лучших вариантах былины Садко признает свое бессилие перед мощью новгородских купеческих корпораций¹, товары которых ему так и не удалось скупить на торгу:

А й не выкупить как товаров ведь
Со всего да со белá свету.
А й как лучше пусть не я да богатее,
А как Садко купец да новгородский,
А й как пусть побогáтее меня славной Новгород.

(Г., I, 648)

По былинам, на торгу можно совершать самые различные сделки: продать в рабство беспутного сына заморским купцам (былина об Иване Гостином сыне) и купить «сердечный гвоздь» (Р., 2, 67) для казни Потыка; наполнить драгоценным грузом — начиная с бочек жемчуга — трюмы судов и в «темном ряду» скупить глиняные горшки (КД, 189), а в «червленом ряду» запастись свинчатой палицей, как это сделали скоморохи в былине о госте Терентьице (КД, 19). Былину о Садко Б. А. Рыбаков привлекает для образного описания богатства и разнообразия товаров на древнерусском рынке, где он мог и снарядить корабль, и наполнить его всевозможными товарами, и одеть себя и свою дружину (см. ИКДР, I, 363).

Наиболее полно отражена в былинах заморская торговля Руси. В былинах о Соловье Будимировиче, Глебе Володьевиче, Садко — богатом госте показано оживление на речных и морских пристанях, где теснятся суда, украшенные резьбой и росписью, со сложной снастью и белоснежными парусами. Описаны морские караваны в открытом море, гостиные дворы, полные товаров и золотой казны.

¹ См. об этом подробнее: Р. Липец. Местные мотивы в былине о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей. «Былины М. С. Крюковой», т. II, М., 1941, стр. 720 и др.

«Гости», т. е. купцы, ведшие торговлю с иноземными странами, а частично — иноземцы, приходившие на Русь из этих стран,— постоянные участники княжеских пиров в былинах.

Вспомним, что Владимир Мономах в своем «Поучении» особенно настаивал на необходимости ласкового обращения с этими «гостями» — купцами, по мнению исследователей, разносящими по всем землям добрую или худую славу о князе (и пополняющими, конечно, его сокровищницу)¹. Былины пестрят названиями иноземных стран и городов — «земли Лабской» (Аст., Б-ны, 195) (Прибалтийского Приморья с рекой Лабой — Эльбой?), Леденца (Венеции?), Царя-града, Ерусалима и др., а также морей — Хвалынского (Каспийского), Верейского (Балтийского) и др. «Гости» были одной из самых подвижных социальных групп населения Руси и невольно служили проводниками на Русь культуры Востока и Запада (как и культуры Руси в чужих странах).

Знакомство с этой иноземной культурой явственно и многообразно выступает в эпосе, не случайно и узоры на заморской ткани — камке (в былине о Соловье Будимировиче) и «тёнцы» — мелодии гусляров-виртуозов, по былинам, связанны с далекими странами и городами (Г., I, 598; II, 188; III, 22, и др.), а на ювелирных изделиях в былинах излюбленный орнамент — львы, чудо-вищные звери и т. п.

«Посадские мужики», «посадские люди» — в числе эпизодических, безымянных, но постоянно упоминаемых лиц в былинах (см. КД, 51, 60). Действуют они организованно и нередко настроены оппозиционно к социальным верхам. Так, посадские мужики противостоят Василию Буслаевичу. Садко, в одном из вариантов приехавший в Новгород с Волги, должен устроить («доспеть») обед для посадских людей, чтобы быть принятным в городе (КД, 186).

¹ Однако, может быть, под «гостем» в «Поучении» Владимира Мономаха нужно видеть не купца, а именно проезжего гостя, посещающего разные страны по различным причинам; см. текст: «боле же чтите гость, откуда же к вам придеть или прост (не привилегированый? — Р. Л.), или добр (привилегированный? — Р. Л.) или сол (посол? — Р. Л.)» (ПВЛ под 996 г., 158).

Вообще, если говорить о социальной среде, в которой слагались и бытовали былины, надо полагать, что это были довольно широкие слои населения — горожан, в первую очередь. Это сказывается в насмешках над феодальной знатью — «князьями-боярами» и борьбе с ними любимцев эпоса — богатырей, в двойственном, критическом отношении к князю Владимиру его дружинников и пр.

Осуждается в былинах и ростовщичество, «резоимание», ведшее к закабалению «гражан», превращению их в холопов и стимулировавшее ряд восстаний XI—XII вв. Чесова вдова в былине о Хотене, закабалившая множество должников, хочет с помощью их бороться с Хотеном, сватовством которого к своей дочери она оскорблена, так как он, по ее словам, «роду нищетного кошельчата» (Р., 2, 15), т. е. якобы его родные ходили с кошелем побираться. Если видеть в этой былине, как представляется нам, отражение городского восстания, вызванного непомерным «резоиманием», то действия Хотена, когда он «уродует», по выражению своих врагов, ездя по городу, становятся понятными. Гротескный характер былины, осуждение Хотена сказителями могли позднее заместить первоначальную идею былины. Хотен захватывает в плен или убивает сыновей Чесовой вдовы в ответ на ее глумление над ним и его матерью. Тогда Чесова вдова высылает против него своих должников — «силу подневольную» (Р., 2, 22), которых пытается соблазнить аннулированием их долговых «записей» в случае победы над Хотеном, которая для нее необходима:

Бросалась в сундуки окованыя,
Вымала ведь записи крепкия,
По которым были денежки раздаваны,
Собрала мужиков своих должников:
«А вы мужики, мои должники!
Убейте Хотея во чистом поли —
Во всех-то вас денежках господь простит».

(Г., III, 567—568)

Но Хотен, жестоко отомстив сыновьям богатой вдовы, отпускает ее должников, не вступая с ними в бой, и объясняет причину этого:

И вас, мужики, не трону я не единого,
Ваше дело поневольнёё.

(Г., III, 449)¹

Так как лишь уничтожение кабальных грамот или возврат их должникам дает им свободу от взятых обязательств, он заботится о том, чтобы вынудить Чесову вдову возвратить должникам эти грамоты, чем вызывает их благодарность. Приехав вместе с ними на двор Чесовой вдовы, он «скрыкнул»:

«Неси, вдова, записи закладные,
По которым золота казна раздбвана!»
И несла-де вдова записи закладные,
По которым золота казна раздбвана.
Роздал Фотеюшко эти записи,
И все мужики поехали да кланялись:
«Как спасибо, Фотеюшко Збудович!»

(Там же, 449—450)

Яркий образ самодовольного ростовщика выведен в былине о богаче Ставре, который одним из источников своего богатства называет именно «рост», в который он отдает деньги.

Характерно, что Ставер посажен в темницу князем (правда, по сюжету былины,—за его неумеренную похвальбу); может быть, в этом отразилась борьба с ростовщичеством, правда, довольно слабая, русских князей (в первую очередь Владимира Мономаха), боявшихся народных восстаний. Боярин Ставер (в записи начала XVIII в.) объясняет:

...Есть у меня золота казна:
Николи казна не держитца,
Всегда казна исполняется.
...И зговорят князи и бояре,
И сильныя могучия богатыри,

¹ В одной из поздних записей былины четко выступает отношение этих должников к навязанной им вооруженной борьбе с Хотеном (на стороне Чесовой вдовы стоит ее родственник — князь Владимир), когда они решают сдаться ему в плен:

Смертный бой держать нам ведь нéопочто,
Княженецкий род нам защищать нéзачто.
(БПК, 366)

И мужики торговыя:
«Ои еси ты, боярин Ставер Гаденович!
Почему у тебя золота казна не держитца?»
И зговорит боярин Ставер Гаденович таково слово:
«Потому у меня золота казна не держитца,
Что я из той казны деньги в рость даю,
И темь я ростомъ год живу,
Потому моя казна не держитца».

(Аст., Б-ны, 229)

В другом варианте той же былины в записи конца XIX в. социальная острота выражена гораздо значительнее:

Потом[у] казна не точится ¹:
Скудным, бедным я в долг отдаю,
Тем же я ростомъ год проживу.

(Бережков, 267—268)

На отражение ростовщичества в былинах обратил впервые внимание А. В. Марков, говоря о торговых оборотах «городских богачей» (Садко), иногда ростовщиков (Ставер)» (БЧ, 29).

Явно звучит сочувствие городским низам в знаменитых эпизодах былин, где Илья Муромец выступает предводителем «голей». Б. А. Рыбаков связывает эти эпизоды с восстаниями 1068 и 1113 гг. (ДР, 93, 351 и др.).

Справедливо полагать, что классовая борьба была весьма остра уже в Киевской Руси, и незачем относить эти эпические сцены к XVII в. Конечно, некоторые настроения на древние былины могли иметь место; позднее свое прозвище «старого казака» в отдельных текстах Илья Муромец получил именно тогда.

* * *

Наиболее ярко, может быть, сказался городской строй в эпосе при описании общественных пиров у князя Владимира, а также пиров городских братчин в былинах о Садко и Василии Буслаевиче.

¹ В остальных вариантах обычно «не тощится».

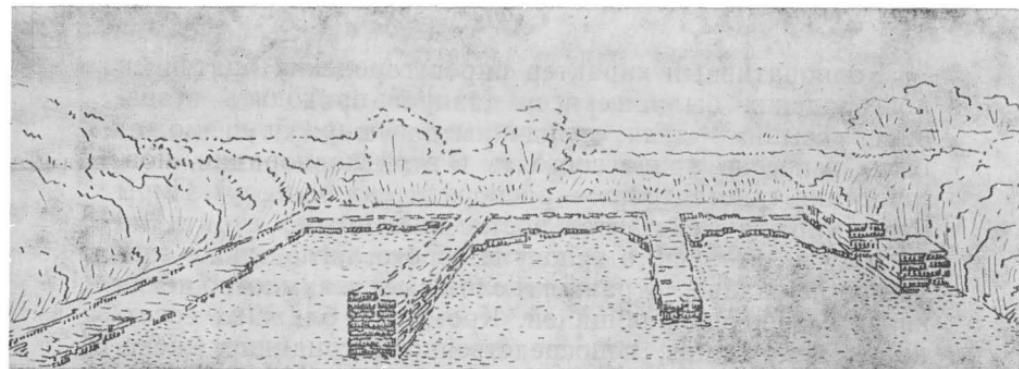
Корпоративный характер пиров городских братчин в новгородских былинах ясен (запрет приходить незванным, «ссыль» — доля складчины для пира или, может быть, взнос за право состоять в этой корпорации, новгородские «настоятели» — распорядители на пиру). Пиры Владимира в действительности, как можно судить по эпизоду в летописи, в основу которого легло также эпическое предание, отражали сложные взаимоотношения князя с городской общиной. Кроме его ближних советников и дружины, непосредственно в гриднице еженедельно пировали и совещались с ним и представители городского самоуправления — «старцы градские», «сотские» и «десятские», а для остального населения Киева, притом лишь в особо торжественных случаях (большой частью при освящении церквей, по случаю одержанной победы или избавления князя от опасности), отводился двор, где раздавались угождение и деньги, так как расположением рядовых киевлян князь тоже должен был дорожить.

При относительной слабости государственной власти на Руси в X—XI вв. князь не случайно стремился опереться на древние общинные институты, но в Киеве он имел дело уже с городской общиной. Его пиры имитировали всенародное празднество, тогда как значительная социальная дифференциация не давала уже возможности организовывать пиры по-прежнему¹.

Только исходя из функций городских гридниц в северо-западных областях Руси, известия о которых сохранены в более поздних письменных памятниках (в Новгороде, Колывани и других городах), там, где управление приближалось к нормам «вольных городов», можно представить себе, чем являлась гридница князя Владимира, каково было ее назначение, в том числе и общественных пиров в ней.

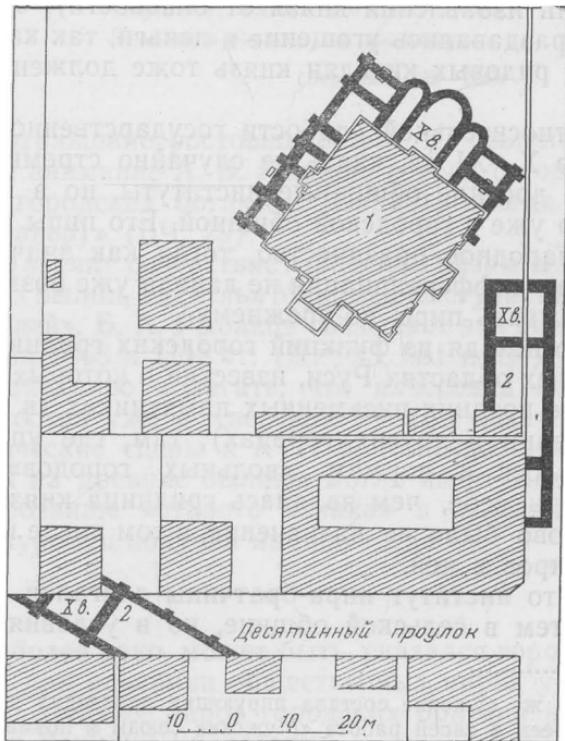
Когда-то институт пира-братчины слагался в родовой, а затем в сельской общине, но в условиях города

¹ Такое же сужение состава пирующих проследил для Эллады Ю. А. Андреев в своей работе «Мужские союзы в поэмах Гомера», доказывая, что форма этих пиров, в которых участвует все племя, представляла уже тогда «анахронизм». «Широкий фон всенародного пиршства в обеденных сценах бледнеет и исчезает,— пишет он.— Остается только центральная группа — царь, окруженный героями и старцами» (Андреев, 41).

Развалины «гридницы» в детинце, к северо-востоку от Десятинной церкви

Раскопки 1907 г.

План дворцовых строений и Десятинной церкви. Х в.

Раскопки 1908—1914 гг. Заштрихованы здания, современные раскопкам:
1 — Десятинная церковь; 2 — «гридницы»

братчина стала обозначать нечто совсем иное. В Киеве, где власть князя укреплялась, гридница рано вошла в дворцовый комплекс.

О. Ф. Миллер, архаизируя общественные отношения в Киеве, забывал о городских общинах с их «братчинами» и утверждал, что «князь, в складчину (? — Р. Л.) угощающий в стольном Киеве... это князь того *былевого строя*, в котором и Киев-град являлся только большим прекрасным селом» (О. Миллер, 565). «Селом» назван Киев только в единичных текстах олонецких былин (Р., 2, 91, 104). Продолжая эту мысль, пришлось бы признать, что селом в эпосе был и Новгород с его «братчнами».

Пиры Владимира Святославича с их противоречивостью, сказавшейся в летописи, в былинах значительно упрощены. Сказители, сохранив в большинстве вариантов былин основной эпический состав гостей — богатырей и «князей-бояр», из городского населения включают довольно часто «гостей торговых», реже — «мужиков посадских», а также крестьян под различными наименованиями, т. е. пир действительно становится всесословным, причем все пируют в самой гриднице. Особенно разнообразен состав гостей у сказителей, склонных к импровизации,— у них появляются бурлаки, корабельщики, рыболовы и даже «сироты» (в значении нищие), не говоря уже о вовсе случайных персонажах.

На пирах Владимира новое их содержание маскировалось в обветшалое одеяние прошлого и было данью еще сильным общинным традициям, почему князь, по летописи, и «устави пир творити» по старому обычая. Летописцы давали коллективистским пережиткам на пирах объяснение в духе христианской морали: якобы благотворного влияния на князя — недавнего язычника — чтения церковных книг о пользе «милостыни» для спасения души. Народный же эпос XIX—XX вв., сохранив в преобладающей массе вариантов ограниченный состав участников пира, в остальных вариантах создает утопическую картину подлинно всенародного пира, что удовлетворяло и у сказителей, и у их аудитории жажду социальной справедливости и равенства, будто бы возможных при сохранении господствующих классов. В их изложении пир Владимира Святославича стал сказочным «пиrom на весь мир».

Проецируя эпические грэзы на историческую действительность, те исследователи эпоса XIX — начала XX в., которые желали показать русскую старину в идеализированном виде, а древнерусского князя — всесословным князем, упорно повторяли версию об «открытых настежь дверях» гридницы (О. Ф. Миллер), «неограниченном гостеприимстве» Владимира (Н. И. Костомаров) и т. п. Ученые же, стоявшие на более реалистических исторических позициях (Л. Н. Майков, А. В. Марков, В. Ф. Миллер и др.), не могли не заметить, что социальный состав пирующих в канонических былинах, как и в летописях, довольно резко ограничен. Последняя точка зрения поддерживается и большинством советских исследователей.

Своеобразный характер становления древнерусской жизни тонко выявил Л. Нидерле, несмотря на некоторую архаизацию общественного уклада. Проследив различные пути и причины образования городских поселений, он старался показать, что «территориальные», «политико-экономические городские области» были еще в то время на Руси в известной мере и «племенными объединениями» с еще вполне реальными компонентами родо-племенного строя. «Я не думаю,— писал он,— что уже в X веке идея рода и кровного союза «замутилась» так сильно» (Нидерле, 164).

* * *

Один из признаков сложения былин как жанра в городской среде — почти всеобщая грамотность их героев, широкое использование ими письменности, что, конечно, более характерно для города, чем для деревни, хотя и там, как стало известно из берестяных грамот, имелись грамотные люди. Это хорошо соответствует тому бурному внедрению культуры письма, которое было необходимо в условиях молодой государственности в Киевской Руси X—XII вв., как и во всех раннеклассовых обществах, служа одним из средств упорядочения усложнившихся взаимоотношений в обществе. «Чем выше было развитие общества, тем больше была нужда в письменности», — формулирует эту общую закономерность Д. С. Лихачев («Культура...», 16).

На Руси в указанный период не только наблюдается развитие летописания, рост книгохранилищ, но и появляются первые школы: в 988 г. Владимир, «послав нача

поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное» (ПВЛ, 81). Аналогично сообщение о его сыне Ярославе, который собрал 300 детей новгородцев «учити книгам».

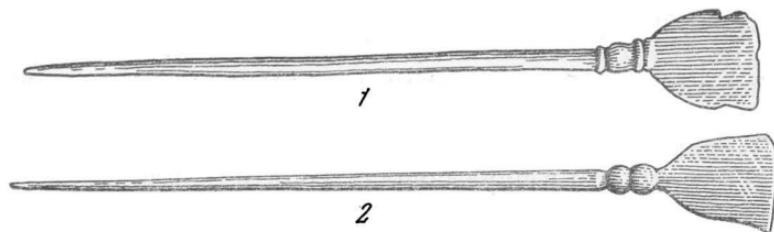
Так и в ряде былин с семи- или девятилетнего возраста начинают учить грамоте будущих богатырей — Вольгу, Василия Буслаевича и многих других, причем успешно: «Грамота ему в наук пошла» (КД, 59); или

Присадила ево матушка грамоте учиться,
Скоро ему грамота далася и писать научился.

(КД, 173)

Чтение также привычно для богатырей. Про Илью Муромца сказано: «И начал старый читать скоро на-скоро» (Т.—М., II, 24). Не только богатырь, но и его паробок свободно читает дорожные надписи, так как каждый из них «в грамоте поученой человек»; в одном варианте былины об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче сам Алеша слезает с коня, чтобы прочесть «на каменю надписи» (Гул., 102), в другом — заставляет это сделать паробка Екима (КД, 126). Даже от идеальной невесты для князя Владимира требуется, чтобы «она знала бы хитру-мудру грамоту» (Кр., I, 457), «четвертье пятье церковное», т. е. в былинах грамотны и русские женщины, причем это «умение», как отмечает Л. Н. Майков, «считается одним из главных достоинств женщины» (Майков, 83). Не случайно археологи находят в городах металлические «писала» — стили для писания на навощенных дощечках и бересте. Литературу читают, как это и было в средневековой Руси, в основном «духовную». Даже богатырь, заточенный князем Владимиром (Илья Муромец, в отдельных вариантах — Дунай) и забытый в темнице на долгие годы, коротает время за чтением «святой книги» (см. Кр., I, 892 и др.). Потык в одном варианте (БПК, 141) берет книгу с собой в могилу-сруб, куда опущен вместе с умершей женой.

Однако в былинах гораздо больше места занимает чисто светская практическая письменность. В них идет оживленный обмен частными письмами и официальными грамотами разного содержания и назначения. В былинах «руку прикладывают» к письменным договорам (дипломатическим, по поводу пари — «закладов»), копят

Стили-писала из новгородских раскопок

1 — XI в.; 2 — XII в.

кабальные «записи», составляют документы о частных обязательствах и пр.

Грамоты иногда запечатаны печатями, о которых говорят и летописи, и множество которых найдено археологами:

Рукописаньцио-то всё было написано,
Золотыма-ти печатями запечатано.

(Кр., I, 285)

Письма в былинах шлют друг другу по разным поводам. Владимир при сватанье невесты Ивану Годиновичу у «гостя богатого Дмитрия» в Чернигове подписывает письмо, составленное (также грамотным, значит) Иваном Годиновичем, дружинником-слугой при его дворе:

А Владимир-князь ему руку приложил:
«А не ты, Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимир-князь».

(КД. 98)

Дюк посыпает письмо, подложив его под седло отпущенного к матери коня, с просьбой прислать побольшее сменного платья, чтобы «перещапить» в закладе Чурилу.

Василий Буслаевич, чтобы набрать дружины, пишет своего рода объявление об этом, сообщая условия, и его слуга разносит эти грамоты по улицам и переулкам Новгорода:

Во славном было во Нове-граде,
Грамоты¹ люди шли прочитали.

(КД, 61)

Особенно много пишут в былинах документов. В письменном виде закрепляют «заклад» и «поруки» при состязаниях — конских ристаниях (Иван Гостиный сын), турнирах (Алеша Попович и Тугарин), при договоре о массовом побоище-состязании на мосту через Волхов (Василий Буслаевич). В споре с Садко «мужики новгородские» «те-та де речи ево записывали» (КД, 187). Обычная формула при этом: «И в том-та договору руки оне подписали» (Василий Буслаевич.— КД, 63); «И на том они говор закончили, договор писали и руки подписали» (Иван Гостиный сын.— БПК, 351). Другая формула — о том, что участники «заручились», т. е., очевидно, тоже «руки подписали» (хотя, может быть, и просто «ударили по рукам»). При споре Чурилы с Дюком они также бывают об заклад.

Документом скрепляют свое обязательство платить «дань» Василию Буслаевичу новгородцы (вернее, проигрыш при «закладе»):

Мужики пришли новгородские,
Принесли оне дороги подарочки,
И принесли записи заручныя.

(КД, 67)

Даже о побратимстве составляют в былинах письменный договор, такочно вошла в эпический быт практически всяких «записей»:

Они были братьица крестовые,
У них крестами побраталось²,
Кладена была заповедь великая,
Подписи были подписаны:
Слухать большему брату меньшего,
А меньшему брату большего.

(Р., 2, 102)

¹ Вероятно, в издании 1938 г. более правильно помещено «грамотны», а не «грамоты». Если даже в подлиннике и стоит «грамоты», то скорее всего это простая ошибка.

² Видимо, описка собирателя; должно быть «побратанось».

«Заклады» на турнирах, ристаниях и других состязаниях заключают не только непосредственные участники, но и третьи лица: поручители и, видимо, зрители. Все эти грамоты имеют непреложную юридическую силу.

Когда на конских ристаниях или при бое коней князь Владимир желает односторонне нарушить невыгодный ему и «князьям-боярам» договор, причем поручителем противной стороны является исконный соперник Киева — Чернигов в лице «владыки черниговского», это князю не удается, хотя Владимир и объявляет:

Пробсты поруки крепкия,
Записи все изодраныя!

Владыка тотчас же, не уходя с пира, принимает ответные меры, чтобы заставить князя и его сторонников выполнить условие:

Втапоры владыка черниговской
У великова князя на почестном пирӯ
Велел захватить три корабля на быстром Непрӯ,
Велел похватить кáрабли
С теми товары заморскими,—
А князи-де да бояра никуда от нас не уйдут.

(КД, 51—52)

Дипломатические документы — «грамоты посыльные», «ярлыки скорописчаты» привозят иноземные послы; составляют такие грамоты и при дворе Владимира. Царь Калин наказывает своему послу, отправляя его с ультиматумом в Киев:

Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на з bolt стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольне-киевской,
Ты бери-тко грамоту посыльную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано».

(Г., II, 20)

Характерно, что в былинах существует с более поздним обычаем привоза посольских грамот и более древний

Отрок, читающий книгу

С миниатюры
Сильвестровского сборника

обычай «ссыльаться речьми», когда посол устно передавал слова пославшего его¹.

Посол-татарин

Полагал он грамоту посыльную на золот стул,
И пословечно он, собака, выговаривал.

(Р., I, 37)

Добрыня, вернувшись из поездки к матери Дюка, где ему пришлось выполнять поручение Владимира,

Да приехал он в славной Киев град,
Да ко князю Владимиру,
Ярлыки на дубов стол клал,
Словесно-то больше сам рассказыват.

(Г., III, 200)

¹ Об этом обычая в Киевской Руси, а также вообще об устной речи в летописях см.: Д. С. Лихачев, РЛ, 114—116; ПВЛ, II, 30. Ср. летописные упоминания: «Приведоша русских слы, и велеша глаголати и писати обоих речи на харатье» (ПВЛ под 945 г., 34); «Сослася речьми Святополк с ляхы» (ПВЛ под 1097 г., 178) и др. «Из летописи видно,— пишет Д. С. Лихачев,— что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае (аналогичный наказ послу есть и в былинах.— Р. Л.). и отдельно поручались «речи». Они передавались в 1-м лице», от имени пославшего (РЛ, 116).

Письменно закрепляются в былинах и договоры о войне и мире, о дани. Договор о военной помощи предполагается в таком тексте:

Как ёны сделали записи великие,
Защищать-то Руси земля-то Ханааньская.

(БПК, 307)

Письменное условие о вечном мире составляют даже Добрыня и Змея; они «делали... записи великии», чтобы Змея не уносила «люд крестьянский» в горы (БПК, 213), т. е. не нападала на Киев, о чем прямо говорится в других вариантах; при этом условие тут же нарушается, как это и бывало нередко в Древней Руси.

В одном из вариантов Калин, побежденный русскими богатырями, взятый ими в плен и привезенный в Киев, просит Владимира:

Мы напишем промеж собой записи великии,
Буду тебе платити дани век и поб веку.

(Г., II, 33)

Однако после полного его разгрома Калину уже не до письменных договоров, и он «заклинается» на словах, на бегу, чтобы не нападать на Русь ни ему, ни его внукам и правнукам (возможно, формула вечного мира?).

Письменно созывает Владимир в былинах богатырей и на военный сбор в Киев, причем развозят это обращение к ним по селам и усадьбам особые нарочные (очевидно, обычно из числа его военных дворцовых слуг). Узнав о приступе к Киеву Идолища, Владимир говорит Добрыне:

Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Ты бери-тка скоро чернил, бумаг:
Ты пиши-тка ярлыки да скорописчаты,
А да ты пиши-тка всех русских могучих все богатырей
А ко мне, ко князю, все да на почестен пир,
Пиши-ка ко мне на Камское побоище.
...У тебя рука легкá и перо востро.

Развозит эти письма Михайло Егнатьевич, причем, передавая каждому богатырю письмо (Дунаю, Самсону

Пряслице с надписью «Потворин прядльнъ»

Колыбанову и др.), повторяет словесно приглашение, с формулой пира-битвы, несколько варьируя ее; богатыри собираются у Самсона, а оттуда едут все вместе в Киев (М., 434—435). (Ср. сходную ситуацию в былине о Мамае, в которой послание развозят по девяти адресам, где находится значительно большее число богатырей.— Т.— М., II, 25.)

В одном из сюжетов былин грамоту с призывом принять участие в битве рассылают другим способом,— прикрепив ее к стреле. Поступить так советует Илье Муромцу старейший богатырь, иногда его крестный — Самсон Колыванович:

Да и станут налегать на тёбя молодца,
Да ты пиши ярлыки скорописчаты,
Да ко стрелам ярлыки припечатывай,
Да растреливай стрелы во чисто поле.
У меня-де летае млад ясён сокол,
Да собирает-де все стрелы со чиста поля,
Да пособлю-де я, детина, твоему горю.

(Г.. III, 191)

Этот мотив посылки письма со стрелой или стрелы с надписью дает повод к сопоставлению былинного мотива с летописным преданием (очевидно, эпического происхождения). Д. С. Лихачев в примечании к тексту «Повести временных лет» под 988 г., где этот способ запечатлен в так называемой корсунской легенде, пишет: «И се мужь корсунянин стрели, именем Настас, напсав сице на стреле» (ПВЛ, 76) (о том, чтобы «преять» воду в осажденном городе). «Письмо, пересылаемое на стреле,—нередкий в старину способ передачи известий.

В былине о Василии Буслаевиче, например, последний

Стал он стрелочек поделывать,
Стал на стрелочках подпись-ту подписывать:
«Кому хочется да сыто есть и пить,
Тот ступай к Василию на широкой двор»».

(ПВЛ, II, 337)

Обычно в былинах, видимо, пишут на бумаге (пергамен забыт), но иногда и по «рытому бархату» «красным (или «сухим») золотом».

Роскошную грамоту посыпают в Киев даже враги. Мамай говорит своему зятю, продиктовав ему письмо к князю Владимиру с угрозами:

А пиши-тко-ся ты на красном бархате,
Ты печатай-ко заголовья красным золотом,
А по самой середке чистым серебром.
А уж мы высадим, подпишем скатным жемчугом,
А на углах-то посадим по камню самоцветному,
Чтобы тем камням цены не было.

(Т.—М., II, 23)

Видеть во всем этом можно не только обычную эпическую идеализацию, но и воспоминание о древнерусских богато украшенных рукописях, где применялись киноварь и другие яркие краски и золото на заставках, миниатюрах и пр., а переплеты книг — «доски» оковывались пластинами драгоценных металлов с эмалевыми медальонами, самоцветными камнями и жемчугом.

В былинах часто встречаются надписи на камнях и различных предметах, хорошо известные для Древней Руси по эпиграфическим памятникам.

Выше уже упоминалось о придорожном камне с надписью, которую читает Алеша Попович со своим паробком. В другой былине надпись на камне, лежащем на распутье трех дорог, читает Илья Муромец, пытая свою судьбу, и это входит в сюжет былины:

На росстáнях лежит серый камешок,
На камени надпись подписьана:
«В дорогу ту ехать — убиту быть»;

далее также «женату» и «богату». Победив на первой

дороге разбойников, Илья вернулся к камню и изменил часть надписи о первой дороге:

Старую подпись захеривал,
Новую подпись подписывал:
«Ложно была подпись подписана».

(Г., III, 392, 394)

Надписи о трех дорогах в былинах есть и на часовне, стоящей также на распутье (КД, 175—176), и на «попребах» с заветными кладами:

Стоит тут погреб золотой казны,
На погребе подпись подписана:
«Выкатить казна да Ильи Муромцу,
Нанять хитро-мудрых плотников,
Построить-то церкву соборную».

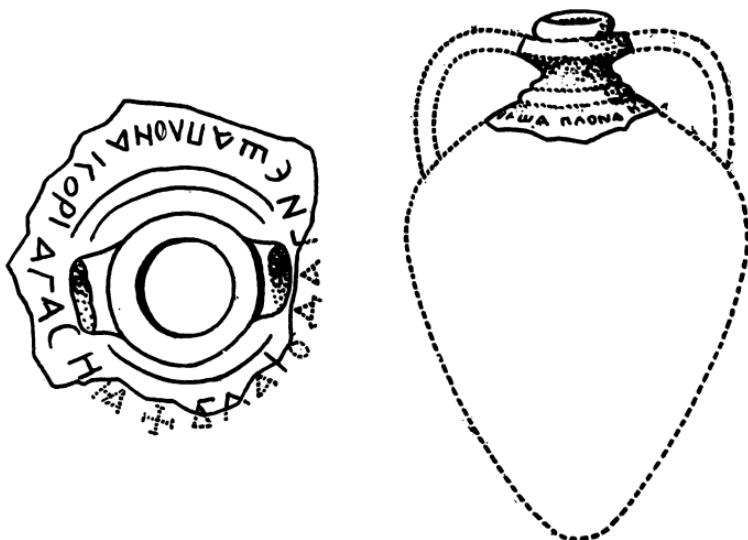
(Г., III, 396)

«Потписом потписано» или «подрезано» на шатре Дуная (Гр., III, 94), иногда — Алехи Поповича (БПК, 215) о запрете входить внутрь. Такая же надпись есть и на чаре Дуная, запрещающая пить из нее, взамен обычного благопожелания (по краю посуды в Киевской Руси полагалось помещать надпись типа заклятия-благословения). Эти надписи, вызвавшие неудержимый гнев проезжего богатыря, так как ими нарушается извечный закон гостеприимства для путников, также входят в состав сюжета былины о ссоре двух богатырей — Дуная и Добрыни.

Добрыня в знак протesta выпил три чары, разорвал шатель, растоптал бочку с вином и чару и разметал все по полу. В Киеве на суде у князя Владимира Дунай подробно отписывает и саму чарочку, определяет ее ценность, повторяет надпись на ней, содержащую угрозу, а может быть, и проклятие:

Во шатри-то стоит боцька да з зеленым вином,
А на боцьки-то цароцька была серебряна,
Не велика, не мала, да полтора ведра,
Изъ которой я чяроцьки я с приезду пил;
...А на цяроцьки страстеми потписано,
Со великими угрозами подрезано.

(Гр. III, 105)

Корчага с надписью

Реконструкция

Точный текст этой надписи на чаше таков:

Ише хто же эту цяроцьку примёт единой рукой,
Ише хто же эту цяроцьку выпьёт к едину духу,—
Да тому человеку да живому не быть,
Живому-то не быть и проць не уехати.

(Гр. III, 103—104)

Эта эпическая чара с надписью приводит на память знаменитую серебряную чару XII в. черниговского князя Владимира Давыдовича с резной надписью «славой», противоположной по смыслу былинной «угрозе».

Такова же надпись-благословение и на корчаге XI в.—«Благодатнеша плана корчата сия» (Рем., 370), реконструированная Б. А. Рыбаковым. Обычны надписи на братинах, датируемых более поздним временем, но, конечно, подтверждающих глубокую традицию¹.

¹ Обычай вырезать надписи на ободе чаши сохранился в летописном рассказе о печальной части Святослава Игоревича, из чепца которого печенеги сделали чашу. В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку сообщается кратко: «... Во лбе его съде-

* * *

Таким образом, в большинстве русских былин место действия, многие ситуации, характер общественных отношений, отдельные мотивы и целые сюжеты урбанистичны. Это не случайно. Ведь и сам эпос слагается в своем каноническом, развитом виде в период становления раннеклассового общества. Замена древних родоплеменных связей территориальными идет в этот период наиболее интенсивно, и признаком этого процесса является возникновение городов, где смешивается прошлое население¹, вырабатывается городской говор из ряда диалектов, сплавляется сложная культура из различных элементов культуры местных этнических компонентов и отдельных черт культуры других государств, с которыми в этот период налаживаются уже довольно тесные и, главное, постоянные связи.

Русский эпос, как и эпосы других народов, типологически сходные с ним, обычно связывается с городами — укрепленными пунктами и центрами княжеств (понимая последний термин широко), а также с пограничными укреплениями, что в эпосе отражено в «заставах богатырских», где развертывается действие былин.

Город — один из основных признаков образования государственности. М. Н. Тихомиров, заслуга которого в утверждении урбанистической культуры Древней Руси очень велика, писал: «...Наличие государства само по себе говорит уже о зарождении городов как укрепленных административных пунктов», качественно отличных «от городка родо-племенного времени» (ДГ, 11, 28). «...Период времени, когда быстро увеличивается количество городов и они начинают обрастать посадами, т. е. конец IX—X вв., представляется периодом весьма знаменательным в русской истории. Это время крупнейших сдвигов во внутренней жизни Древней Руси, время

лаша чашю, оковавше лоб его» (ПВЛ под 972 г., 53); в Ипатьевском списке к этому добавлено: «и пьяху в нем» (Ип. л., 62). Но поздние летописцы приводят и сентенцию, вырезанную якобы на оковке: «Чюжих желая, своя погуби» или «Чюжих ища, своя погуби».

¹ Эта специфика возникновения городов отражена уже летописцем, повествующим об основании Белгорода в X в.; Владимир Святославич в 991 г. «заложи град Белгород и наруби в нь от инех гсродов, и много людей сведе во нь» (ПВЛ, 83).

создания и укрепления Древнерусского государства» (ДГ, 58). Высокая культура Киевской Руси, утверждал он, не может быть понята без учета ее городского характера, общественные отношения — без учета «городского строя», начавшего более глубоко и повсеместно, чем это представляется обычно, развиваться в XI—XIII вв. на Руси. «История русских городов до монгольского нашествия,— пишет он в заключении,— остававшаяся раньше неизученной, заслуживает пристального и глубокого внимания хотя бы по одной той причине, что без нее непонятно высокое развитие древнерусской культуры» (там же, 437).

Б. А. Рыбаков, много внимания уделивший в своих трудах городу, в особенности городской общине, также определяет город «как новую социально-экономическую категорию» и образно пишет о том, что «в неясные для нас VIII—IX вв. идет таинственный подпочвенный процесс перерастания некоторых славянских центров в города» (Рем., 97, 779).

Из русских историков дореволюционного времени о городском характере культуры Киевской Руси твердо говорил В. О. Ключевский. Им сделано предположение, что многократное упоминание в летописи «старцев градских» только в эпоху Владимира Святославича обусловлено большой жизненностью городского самоуправления в то время: «Присутствие старцев в боярской думе не началось, а кончилось при Владимире» (Ключевский, Боярская дума, 19).

Е. В. Аничков, анализируя специфику культуры древнерусского города, говорил о христианстве на Руси, как о «городской вере», а о принятии его, как о следствии в основном того, что прежнее, апартное в своей основе язычество перестало удовлетворять горожан, живших более развитой жизнью, с торговыми и другими сложными интересами, в особенности верхи горожан.

Но надо отметить, что и натуристические божества (солнца, грозы, плодородия) приняли уже у славян в эпоху военной демократии черты обожествленных воителей-всадников, сопряженных с культом меча и коня. С введением христианства они трансформировались в образы Георгия Победоносца и др.

Очень показательно, что значение города как основного признака становления государственности было

признано уже в первых произведениях древнерусской литературы, созвучных в этом отношении былинам. Еще Олегу приписаны слова о высоком предназначении Киева: «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «Се буди мати градом руським» (ПВЛ под 882 г., 220). В «Повести временных лет» под 1096 г. (ПВЛ, 150) говорится уже, как о свершившемся, об истории Киева, «яко то есть старейшей град в земли во всей, Киев». Митрополит Иларион, рисуя в своем «Слове о законе и благодати» новаторскую деятельность князей Владимира и Ярослава, останавливается в первую очередь на «славном граде Киеве», благоустроенным ими. В название Начального свода включено то, как «гради почаша быти по местом... по статии Киева, како въименовася Киев» (Соф. I, л. 8).

Число городов в эпоху Киевской Руси бурно увеличивалось; в письменных древнерусских источниках в IX—X вв. их упоминается свыше двух десятков, в XI в.—уже около сотни, в конце XII в.—свыше двухсот, в начале XIII в.—около трехсот (см. Тихомиров, ДГ). А между тем былины—высшее творческое достижение Древней Руси в области фольклора—ученые XIX—начала XX в. нередко связывали, вопреки содержанию и оформлению русского эпоса, с «глухими» деревнями. Городское происхождение былин ни в коей мере ведь не снимает того, что выражали они общенародные идеалы и интересы, что их эстетическая основа покоятся на глубоких народных традициях.

Не следует только представлять себе древнерусский город каким-то искусственным образованием, чуждым народной жизни. Едва ли нужно доказывать теперь, что культура Киевской Руси генетически связана с культурой коренного населения, жившего на этой территории, что именно богатства Руси привлекали в ее города иноzemцев.

Вероятно, новый жанр устного народного творчества мог распространяться по сельским местностям, входившим к тому же в городскую округу, именно многочисленными «молодшими» дружиинниками, часть которых к тому же и жила по селам¹, пока их не вызывали на во-

¹ См. в «Повести временных лет» под 1096 г. о Мстиславе Владимировиче, сыне Мономаха, который «распусти дружину по селом» (ПВЛ, 169).

енний сбор в Киев или другие города, бродячими скоморохами (за одного из которых и признают Добрыню на пиру), гостебниками («гостьнице») — разносчиками товаров (Рем., 469) и самими крестьянами, конечно, посещавшими города, хотя бы те же рынки. Но и воин, и скоморох были выходцами из народных масс.

Новый эпический жанр, сильно отличаясь от традиционной поэзии и обрядового фольклора сложностью и изысканностью формы, новизной многих образов и коллизий, сугубым историзмом (и в то же время актуальностью — например, борьба со степью), находил, вероятно, в сельской аудитории также горячий прием. Иначе бы былины и не сохранились бы именно в среде крестьян. Былины были таким же новшеством, как и те городские изделия — оружие и украшения, по которым отличают по преберия дружинников и их семей в сельских могильниках. Но все эти изделия, хотя и были городского происхождения, принадлежали ведь не феодалам, а рядовым дружинникам. Это были относительно дешевые массовые изделия городских ремесленников, работавших уже частично на рынок (Рем., 120—121, 462—464).

Как известно, былины сохранялись до XX в. главным образом у черносошных крестьян Севера, не знавших крепостного права, и у казаков, стекавшихся на юг из разных местностей России; но отдельные записи получены из самых различных местностей России, и последнее обстоятельство наиболее интересно для истории бытования былин. Несомненно все же, что основной массив былин на Севере располагался вдоль водных трактов, в прошлом оживленных и связывавших населенные пункты типа посадов и факторий, а не в «медвежьих углах», как считали некоторые собиратели.

Конечно, былины оставались близки средневековым крестьянским массам. В новых образах героев эпоса, действующих в пышной обстановке богатого города, крестьяне легко угадывали прототипы этих образов — своих исконных поэтических героев, генетически связанных нередко еще с дохристианскими представлениями: в Вольге — охотника-оборотня, в Садко — удачливого рыболова и музыканта-чародея, в Добрыне — борца с чудовищем и т. д. Элементы сельского быта, содержащиеся, конечно, в былинах, играют все же подчиненную, а не организующую роль в них. Большой вклад в нацио-

нальный эпос был внесен, видимо, на «заставах богатырских» ратниками пограничных укреплений, и выявление этого вклада могло бы послужить темой специальных изысканий.

Переработка былин в сложные произведения с включением сюжетов и образов светской и церковной литературы связана с определенным историческим этапом — обособлением городской культуры от сельской в эпоху Киевской Руси, особенно в XII в. Однако это не значит, что они — жанр, принадлежащий верхушке городского общества, не народны. К ним относится то, что писали историки о городской материальной и духовной культуре в целом; например: «Конечно, памятники литературы, архитектуры, живописи, прикладного искусства, дошедшие до нашего времени от Древней Руси XI—XIII вв., — это произведения, сделанные по преимуществу по заказу феодалов. Но ведь и они отражают народные вкусы, притом в большей степени даже вкусы ремесленников, чем самих феодалов. Произведения искусства делались по замыслу мастеров-ремесленников и руками мастеров-ремесленников. Крупнейшая роль в создании предметов искусства в Древней Руси принадлежала мастерам-горожанам» (Тихомиров, ДГ, 261—262). К этим мастерам следует отнести и первых слагателей и исполнителей былин.

М. Г. Халанский приводил как аргумент против создания былин в Киевской Руси отсутствие детального описания Киева в былинах: «Трудно понять, наконец,— писал он,— чем объяснить чисто механическую роль Киева и Владимира, если действительно Киевский цикл установился в Киевской Руси. Непременно было бы более жизни в лице Владимира и более географической определенности в изображении Киева» (Халанский, 215). Но дело здесь в условности изображения города, свойственной и иконографии того периода, что хорошо понял Б. А. Рыбаков как археолог и историк: народ воспел «в лице Владимировых богатырей самого себя — тот русский народ, который стоял на Суле и на Стугне, ограждая Русь от степняков. Так средневековый художник-миниатюрист, когда ему было нужно изобразить город, рисовал только одну башню, как символ всей крепости» (ДР, 62). Действительно, в изобразительном искусстве эпохи Киевской Руси повторяются те же излюб-

ленные образы в той же обобщенной и отчасти условной трактовке, как и в русском эпосе.

С ростом городов городская культура, все более проникая в сельские местности, должна была захватывать другие жанры фольклора, не только повествовательные прозаические и песенные, но и пословицы, загадки и даже заговоры. Городским влияниям в фольклоре открывалась широкая дорога. Но именно былины, видимо, из всех жанров фольклора в наибольшей степени оставались урбанистичными.

Городской колорит в былинах, как уже говорилось выше, не случаен, а составляет их специфику, обусловленную сложением эпоса как жанра в период становления раннеклассового общества, один из определяющих признаков которого — развитие городов. Это помогает конкретно хронологизировать возникновение русских былин как жанра эпохой Киевской Руси. При современном уровне исторических знаний о Древней Руси, в особенности археологии, невозможно, изучая былины, игнорировать ее богатую городскую культуру.

* * *

Признание городской специфики былин издавна пробивало себе дорогу в русской исторической науке, хотя в фольклористике и не стало ведущим.

Взгляд на былины многих ученых XIX — начала XX в., как на почти исключительно крестьянское творчество, базировался на устаревших в наши дни представлениях о целиком аграрном (и даже по преимуществу присваивающем) хозяйстве Киевской Руси. Немалую роль в формировании этого взгляда сыграли славянофильские, а затем и народнические традиции, оказавшиеся чрезвычайно цепкими в фольклористике. Однако и в дореволюционной науке, несмотря на архаизацию былин большинством ученых, настойчиво повторялась мысль об урбанистическом характере этого жанра.

До недавнего времени слова В. Ф. Миллера о городской природе русских былин приводились лишь как один из пунктов обличения его якобы целиком ошибочных взглядов. В. Ф. Миллер считал, что былины слагались «в богатых городах», и «песенными центрами» называет Киев, Новгород, Чернигов и Переяславль

(«Очерки», III, 28). Следует напомнить, что на Е. Ф. Миллера, наиболее полно из дореволюционных ученых проводившего мысль о городской специфике русского эпического творчества, оказали большое влияние взгляды В. О. Ключевского, считавшего города центрами общественной жизни и искусства в «первый период» русской истории.

Однако и кроме Е. Ф. Миллера на протяжении всего XIX — начала XX в. здравый смысл и трезвый взгляд на содержание былин заставляли многих исследователей самых различных направлений писать о создании былин в городах и о городской стихии в русском эпосе. Так, Квашнин-Самарин отмечал: «При Владимире Россия была под властью одного князя, и власть эта была сильная и всеми признаваемая», почему и в былинах великий князь всея Руси сидит в столичном Киеве на Непререке. Песни напрерыв воспевают красоту и величие Киева. Он называется «красным городом», «славным столичным Киевом градом» (Квашнин-Самарин, I, 80). Иными словами, Киев как бы олицетворяет в былинах всю Русскую землю.

А. Н. Веселовский, возражая М. Г. Халанскому, отосившему былину о Дюке по бытовой обстановке, отраженной в ней, к московскому периоду русской истории, писал: «У нас есть сведения о великолепии Десятинной церкви в Киеве, о Киеве как одном из главных украшений «Греции» (Адам Бременский) с 400-ми церквами и 8-ю рынками (Титмар Мерзебургский), городе богатом, производившем именно такое впечатление на внука Чингисхана, посланного для его осмотра ханом Угедеем в 1239 году». В стиле «Дюковых убранства и построек,— пишет он далее,— отразилась пора его жизненности на юге (т. е. в Киевской Руси.—Р. Л.), а не переживание его в XVI веке» (Веселовский, 158).

Следует, конечно, оговориться, что сообщения хронистов содержат гиперболизацию. Но показательно, что примерно так же описывают средневековые хронисты и города прибалтийских славян, и, значит, Киев стоял с ними на одном уровне¹.

¹ Л. Нидерле собрал высказывания хронистов о прибалтийских городах: Герберт называл неприступный Щецин «civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum»; Адам Бременский — Ретру «vulgatissima civitas», и т. д. (Нидерле, 117—118).

Четче всех высказал мысль о городской специфике эпоса И. Е. Забелин: «Нам кажется, что древняя былина вообще есть истинный свидетель и достоверная летопись о том именно времени, когда доисторическая русская жизнь, сложившись в независимое друг от друга городство, проходила этот своеобразный путь развития... По всему видимо, что былины воспевают именно быт нашего доисторического города, который сам олицетворен в образе стольного и ласкового князя Владимира» («История русской жизни», ч. 1, 575—576).

Соответственно и дружинников Забелин считает не столько княжескими военными слугами, сколько городским войском. Говоря, что их самих и их подвиги «воспевают наши народные былины и до сих пор», он, видимо, имеет в виду былинные диалоги между князем Владимиром и приезжими богатырями, отражающие отношение городов к дружинам: «Для города... каждый новый пришлец был гостем очень надобным и очень дорогим, особенно, если это был товарищ мечу, храбрый и отважный дружиинник. Таких людей город необходимо отыскивал повсюду и с особою ласкою растворял для них широкие двери своей гридницы. Собрать хорошую дружиину было первою задачею города... Только с храброю дружиною он мог держать себя независимо» и т. д. (там же, 575).

Пиры Владимира он считает местом сбора дружиинников из разных городов (и сословий) и в этой связи говорит о пожалованиях им, о распределении мест на пиру (там же, 575—579), а сами былины называет выразителями интересов «городовой общинны» (там же, 583).

В советское время городская специфика былин была наиболее полно выявлена в трудах Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова. М. Н. Тихомиров при характеристике жизни и бытовой обстановки в городах Древней Руси последовательно опирается в числе других источников на русские былины, разносторонне и красочно отразившие этот быт. Он показывает, как в былинах утверждается объединительная роль Киева в создании русской «империи Рюриковичей». «Громадное культурное значение Новгорода,— пишет он,— подчеркивается русским эпосом. Былины «новгородского цикла» о Василии Буславе, о богатом госте Садко и т. д. принадлежат к зо-

лотому фонду русской народной литературы» (ДГ, 383). «Память о древнем богатом Чернигове прочно удержалась в народном эпосе» (там же, 344), — отмечает он, говоря об упоминании Чернигова в византийских договорах с начала X в. и относительно самостоятельной династии черниговских князей и пр. Описывая высокую и изощренную культуру Галича-Волынского в период его процветания, он обращает внимание на эпитет Галича в эпосе — «богатый» в связанный с этим городом былине о Дюке. Аналогичны упоминания М. Н. Тихомирова об эпических отзывах былого значения Суздаля и Владимира (там же, 401, 407).

Называет он и возможные исторические прототипы героев эпоса (не высказывая, впрочем, новых предположений), характеризует оценку исторических событий в эпосе их современниками. Так, борьбу горожан за «городские вольности» он видит в конфликте новгородца Ставра — «защитника новгородских прав» — с князем Владимиром.

Конечно, при специальном исследовании русского эпоса перечень «городских» мотивов и образов в нем, приводимых М. Н. Тихомировым, не говоря уже о сюжетах былин, мог бы быть значительно расширен. Та же борьба за «городские вольности», когда «княжеская власть отступает перед разъяренными народными массами» в городах, где идут «голка» и «мятеж» (там же, 185, 191—192), с большой несомненностью отражена в былине о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, чем в былине о Ставре, имеющей другое звучание.

То, что князей «сажают» на стол горожане по своему выбору, как и тысяцких воевод, очевидно, отражено не только в упомянутом Тихомировым сюжете былины об Илье, но и в былине о Соловье Разбойнике, где «мужики» черниговцы, бекетовцы или жители другого города, освобожденного тем же Ильей от осады, предлагают сделать его князем или воеводой.

Требование именно городских воев, чтобы Изяслав Ярославич выдал им оружие и коней для продолжения борьбы с подступившими к Киеву половцами в 1068 г., отражено, по мнению ряда исследователей фольклора, в былине о Василии Игнатьевиче (Пьянице), вступившем, помимо того, в конфликт с правящей верхушкой при осаде города кочевниками.

М. Н. Тихомиров ищет соответствия в былинах и другим сложным явлениям в жизни городов. Разбирая установления купеческих и ремесленных корпораций, в том числе Иванского ста в Новгороде, он замечает: «Надо предполагать, что празднование престольного праздника сопровождалось «братчиной», т. е. большими пирами, память о которых сохранилась в народных былинах» (ДГ, 118).

Заморская торговля Руси, морские караваны, киевские и новгородские пристани — все это, по его мнению, также не могло не отразиться в эпосе: «...Именно «гостьба» создавала купеческие богатства, производившие большое впечатление на современников. Соловей Будимирович, Садко «богатый гость», Чурило Пленкович оставили о себе память в народе как заморские купцы» (там же, 103).

Широкое использование в эпосе ситуаций заморской торговли можно было бы объяснить, по нашему мнению, богатой драматизмом жизнью «гостей», тем, что «средневековые купцы отличались необыкновенной подвижностью» (там же, 102) и посещали с вооруженными караванами отдаленнейшие страны Востока и Запада.

Говоря о высоте архитектурного искусства, достигнутой при Владимире I, и о восхищении современников «богатством и убранством» этих „красных“ (красивых, прекрасных) построек Киева (там же, 259), М. Н. Тихомиров отмечает, что именно в конце X — начале XI в., когда создавалась русская государственность, «произошли какие-то крупные сдвиги в развитии Киева, расширилась его территория, увеличилось население, появились каменные постройки, группировавшиеся вокруг Десятинной церкви, предположительно — дворцовые строения» (там же, 289), в которых археологи видят остатки гридниц. «Недаром в былинах так часто встречаем,— пишет он,— упоминание о светлой гриднице, где расхаживает князь Владимир Красное Солнышко со своими могучими богатырями» (там же, 259).

Б. А. Рыбаков в ряде своих работ — «Древняя Русь», «Древности Чернигова», «Ремесло Древней Руси» и др.— находит в былинах множество аналогий ситуациям, явлениям, бытовой обстановке городской жизни Киевской Руси, которые привлекаются в данной работе.

СОСТАВ ЭПИЧЕСКОЙ ДРУЖИНЫ

ДРУЖИНА

Собирательный термин «дружина» в былинах очень широк по охвату и означает не только войско, но и профессиональное объединение для любой производственной цели, причем воинские и остальные функции в нем не четко дифференцированы. Дружины Вольги — Волха не только воюет, но и занимается охотничьим и рыболовным промыслом; дружины Соловья Будимировича ведет корабль, плотничает и торгует.

Хозяйственной деятельностью, охотой например, заняты в мирное время и богатыри Владимира Святославича. Так же широко значение «дружины» и в древнерусских письменных источниках, и в современных диалектах. Это — синоним «товарищей», людей, объединенных для общих целей и единых также по своим социальным симпатиям. «Высадим дружины свою из погреба», — говорят во дворе Изяслава восставшие киевляне (ПВЛ под 1068 г., 114). Название «дружины» для псковских рыболовных артелей сохранилось еще в XIX в.

Термин «дружина» встречается в записях из разных очагов былинной традиции: в олонецких текстах (Г., I, 328 — «Заберал себи дружины он хоробрыя»), урало-сибирских (КД, 62, 238 — «дружинушка хоробрая»), беломорских (М., 441 — «дружина-то хоробрая»), колымских (Шуб, 231 — «Собирайтесь, дружинки, во един кружок») и др. При этом, как отмечал В. Ф. Миллер, в былинах дружины безлика, не индивидуализирована и по существу ей отведена довольно скромная роль по сравнению с

богатырем. «Народная эпика,— писал он,— не может обойтись без определенного лица: для нее «друдинушка хоробрая» только эпическая подробность при русском богатыре,— подвиги он совершают единолично, истребляя целые полчища врагов» («Очерки», III, 69). Невольно напрашивается сравнение эпической дружины с изображением дружин в древнерусской живописи: та же плотно сбитая масса во главе со своим предводителем, где лица намечены лишь у переднего ряда, а дальше живописца удовлетворяло изображение шлемов, тесно прижатых друг к другу. Можно видеть в этой аналогии общий стиль искусства той эпохи.

Корень «друг», лежащий в основе собирательного термина «дружины», имеет много аналогий в терминах, означающих сообщество сверстников — молодых мужчин у разных народов.

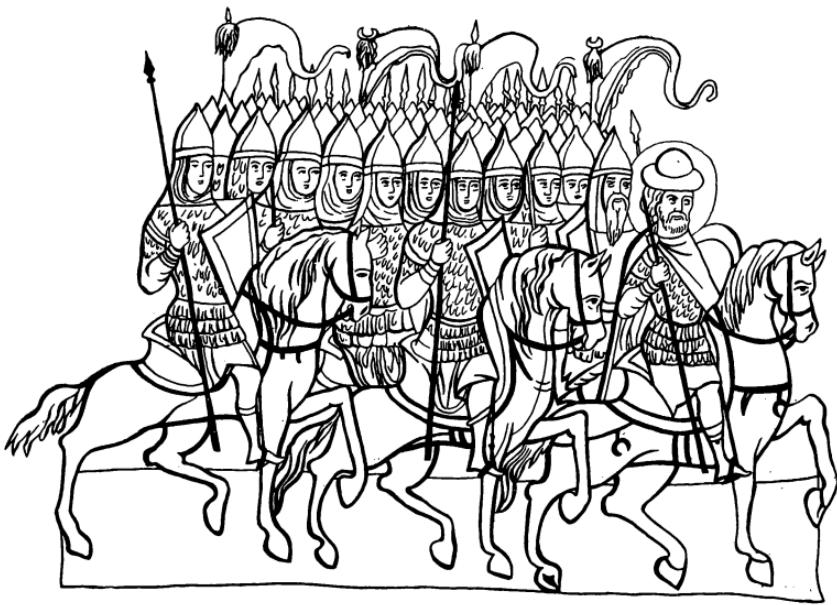
Можно добавить, что термины «войско» и «ватага» (последний термин почти равнозначен дружине) имеют и архаическое значение семьи в славянских языках. В последнем значении слово «ватага» употреблялось наравне с «чадью», «челядью» в XIX в. в Яренском уезде Вологодской губернии (Попов, 31, 32).

Члены древнерусской дружины некогда должны были объединяться по родственному принципу. Однако с распадом родовых связей и становлением государственности этот принцип заменялся иным. В дружину феода-

Бой русских с печенегами

С миниатюры рукописи Иоанна Скилицы

Поход на печенегов

С миниатюры Сильвестровского сборника

лизирующейся Руси, как указывает Б. А. Рыбаков, объединялись воины из разных земель и городов — из Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска, Ростова, Новгорода, концентрируясь в Поднепровье (см. Рем., 114).

Л. Нидерле последовательно развивает мысль о родовых истоках организации дружин и шире — вообще воинских объединений у славян: «Организация набора войска вначале просто основывалась на родовых порядках. Каждый род, каждое племя или жупа обязывали в нужное время всех годных мужчин вооружаться и воевать. Группа воинов определенного рода составляла тем самым естественную и первичную наименьшую войсковую единицу, а глава рода был военным вождем этой группы. Имеющиеся у нас сообщения относятся лишь к концу языческого периода и началу христианской эпохи, когда древняя родовая организация претерпела уже многие изменения. Здесь мы иногда уже видим постоянное

войско, частично наемное, а славянские воины начинают нести службу и вооружаться в зависимости от имущественного состояния. Так появляются категории всадников и пеших, а у пеших, в свою очередь, разные специальные подразделения.

Постоянным подразделением княжеского войска была прежде всего так называемая княжеская дружина... Несомненно, что зачатки такой дружины развились во владениях славянских князей издавна и самостоятельно. Было естественно, что вождь рода, а потом и целого племени окружал себя группой избранных мужчин, которые составляли его свиту во время публичного выступления на сходке (вече), при отправлении языческих обрядов, при выступлении на войну», — писал он (Нидерле, 366—367).

Следует добавить, что при возникновении городов такие дружины, уже со смешанным племенным и этническим составом, стали, по-видимому, образовываться и при городских общинах.

Выражением двойственности принципа организации войска — архаичного, по родовому и племенному признаку, и более нового можно считать два явления, отраженных в русском эпосе: побратимство и отголоски военно-административной десятичной системы структуры русского войска — деление его по численности (десятки, сотни, тысячи).

Богатыри-побратимы

Пережитком организации войска по признаку общей родовой принадлежности в былинах является побратимство. Пары богатырей-побратимов в былинах устойчивы: Илья Муромец и Добрыня, Добрыня и Алеша Попович и т. д. Каждый из них носит название «брат названый» (КД, 247) или чаще «крестовый» (БПК, 217), «подкрестовый» (там же, 285). Вместе с тем из двух побратимов один занимает по отношению к другому несколько подчиненное положение, как бы младшего брата (особенно в случаях, где «крестовый брат» выполняет обязанности оруженосца).

Во время военных действий такие побратимы составляют неразлучную пару и должны выручать друг друга

при опасности; об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче поется:

Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.

(КД, 125)

Напомним, что речение «ездить у стремени» в древнерусских письменных памятниках означает и союз, и какие-то отношения подчиненности.

Для совершения обряда побратимства между русскими богатырями в былинах достаточно поменяться нательными крестами (откуда и «крестовый»). При этом богатыри (например, Добрыня и Илья) даже письменно скрепляют договор о верности:

Как у его было с Ильюшенькой побратоносъ,
Как у ево было крестами-то поминяносъ,
...Как на крестовой-то его было сказано.

(БПК, 285—286)

В других вариантах при заключении обряда побратимства богатыри обмениваются конями и платьем:

Да кбнями с Чурилом-то помёняносé,
Да цветным-то платьем побратаносе.

(Г., III, 184)

Так как побратимы становятся «братьями», побратимство в былинах исключает возможность брака с вдовой побратима; поэтому, видимо, в половине вариантов былины о неудачной женитьбе Алеси Поповича Добрыня предупреждает жену, если он погибнет:

А не ходи за Олешу Поповица,—
Олеша Поповиц мне крестовый брат.

(БПК, 434)

(В остальных вариантах причина другая: Алеша — «бабий пересмешник», ненадежный человек.) Побратима нельзя и убить, поэтому, вероятно, Добрыня оставляет в живых Алешу Поповича в той же былине.

Желание побратима — закон; у них «заповедь положена» «слушать друг друга», и поэтому Илья Муромец, упорно отказывавшийся мириться с Владимиром, вынужден идти к нему на пир, когда об этом его просит Добрыня; «знал кого послать», — говорит он о князе.

Может быть, отголоском обычая побратимства следует считать слова Змея Добрыне (или Тугарина Алеше Поповичу), лицемерно предлагавшего богатырю стать для него «младшим братом», а тому «старшим братом». В былинах эта формула вплетена в договор о мире (БПК, 111—112). Договор этот, на который иногда соглашаются простодушные богатыри, впрочем, тут же нарушается, как нарушались исторически такие союзы русских князей с вождями кочевников, один из которых — Тугоркан, ставший даже тестем русского князя Святослава, и выведен в образе Тугарина, как полагает большинство исследователей.

Обычай побратимства, входящий в сюжеты многих былин, а также упоминания в эпосе о богатырях-побратимах чрезвычайно интересны в историческом отношении. Замена родовых отношений, скрепляющих в до-классовом обществе воинские отряды, отношениями случайно объединившихся в них людей характерна для эпохи возникновения военной демократии, ставшей отрицанием основ родового строя. Узы, соединявшие военное или иное сообщество этих людей, стали сильнее, чем узы родства, но по традиции принимали еще форму последних. Мысль о превосходстве этих новых форм связи лаконично выражена в русском эпосе: «Крестовый брат лучше рóдного» (БПК, 434). Еще О. Ф. Миллер отмечал, что на богатырской заставе *«братия крестовая, названая, приборная, это — община богатырская»* (О. Миллер, 461), «все вообще богатыри находятся между собою в союзе названного родства» (там же, 476). В качестве аналогии он приводил сербский эпос, где отражены такие же отношения между воинами (там же). О том же «крестовом братстве» писал А. В. Марков, что «это общественное явление в значительной степени основывалось на военном режиме древнерусского общества» (БЧ, 62). Таким образом, уже давно исследователи улавливали новизну в отношениях русского побратимства, лишь использовавшего архаичный обычай. Трудно согласиться с исследователями, видящими в эпическом

побратимстве только «связь с древними обычаями приятия в род», без учета трансформации этого обычая (Жирмунский, 94). По сути побратимство в эпосе, наоборот, именно отрицание значения родовых связей и замена их крепкой дружбой случайных соратников.

Десятичная система разделения войска

В былинах дружины богатырей содержат определенное число воинов: счет их ведется на десятки, сотни («ста») и тысячи. Такое деление войска соответствует, очевидно, и исторической действительности. До сих пор не решено окончательно, что представляли собой «десяцкие», «соцкие» на пирах Владимира («Повесть временных лет» под 996 годом), но функции тысячного — командующего городским войском, «тысячью» — ясны¹.

Конечно, численность дружины, представлявшей некогда спределенный род, точно предугадать было нельзя, так как она определялась наличностью боеспособных мужчин в роде; но со становлением государственности войско стало возможным формировать более единообразно и упорядоченно по численности.

Воины в Киеве, Новгороде и других городах в X—XI вв. делились по численности на отряды, откуда и появились, видимо, наименования начальников этих отрядов².

В Древней Руси число дружиинников, по летописям, колебалось в пределах нескольких сот или тысяч у князей или городов.

Новые численные подразделения войска были отрицанием родового принципа его организации. Этот новый принцип также отражен в былинах. Наиболее распространено в них эпическое число дружиинников — тридцать.

¹ Характерно, что в фольклоре тысяцкий — свадебный чин, и в былинных свадьбах им обычно бывает глава дружины — Илья Муромец.

² Л. Нидерле указывает на существование «десятников», «сетников» (сотников) в войске и у русских, и у хорват (стр. 369).

Дружина Василия Буслаевича, как и Вольги, насчитывает

Тридцать молодцов без единова,
Он сам, Василем, тридцатой стал.

(КД, 62)

Когда Вольга просит оратая Микулу ехать с ним «вотоварищах», тот отвечает в одном из вариантов былины:

Не срамись, удалой доброй молодец,
У тебя есть дружиночка хоробрая,
А немало-немного — три десяточка.

Но Вольга объясняет ему:

Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ай дружиночка моя все молодая,
А молодая все ненадежная.

(БПК, 129)

В былине об Иване Годиновиче (в печорских вариантах), во время военной экспедиции для добычи невесты, богатырь предлагает своим помощникам ехать каждому со своим отрядом — «десятком», хотя они не хотят оставлять его одного:

Скрычал-то Иван сударь Горденович:
«Говорят поезжай со всем десяточком!»

(Онч., 31)

Любопытно упоминание «десятников» в былине о Сауле Леванидовиче:

Тут десятники засовалися,
Бегают оне по Угличу.

(КД, 178)

В других вариантах былины об Иване Годиновиче, при снаряжении отряда, речь идет уже о «стах» воинов:

Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,

У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле — о сватанье,
Честью не дают, ты и силою бери.

(КД. 100)¹

Дружины охотников и рыболовов князя Владимира в былине о молодости Чурилы также насчитывают по «три ста» «незнаемых людей» (КД, 110—112).

Возможно, что с делением войска на сотни и тысячи связан эпизод в былине о Даниле Ловчанине, где жена заготавливает мужу в дорогу то или иное число сотен или тысяч стрел; муж ее берет только часть их (тоже определенное число сот или тысяч). Можно предполагать, что, по сюжету, стрелы были заготовлены его веющей женой на ту реальную воинскую «силу», с которой ему пришлось столкнуться, и стрел не хватило, что и было причиной его гибели.

Младшая («молодшая») дружина

Так как картина эпического социального быта в свете современных исторических изучений близко соответствует той, которая существовала в Киевской Руси, особенно в ранний период, естественно искать там и аналогии в отношении богатырской дружины. Ближе всего к ней именно «молодшая» дружина (см. ПВЛ под 1097 г., 176).

«Молодшая» дружина,— пишет В. В. Мавродин, отделяя от нее старшую, представлявшую, по его определению, родовитое «дружинное боярство»,— состоявшая

¹ То, что свое «сто» войска есть и у князя, и у княгини, издавна привлекало внимание исследователей, указывавших аналогии и в западноевропейском и в восточном эпосе.

Напомним лишь одно место из саги об Олафе Тригвисене, в переводе Ст. Сабинина: «У сильнейших конунгов того времени был обычай, что супруга конунга имела половину гридней (в ориг. *hirdina*), и содержала их на своем изждивении, и получала на то казну и все, что нужно». Дальше идет спор между супругами «об отличных людях, ибо тот и другая хотели иметь их в своей службе» (Ст. Сабинин. Извлечение из саги Олава, сына Триггвиеva, короля Норвежского. Пребывание Олава Тригвиеvича при дворе Владимира Великого, стр. 53).

из слуг-воинов, первоначально чаще всего носила название «гридьбы», а члены ее «гридинов» или «гридей». Гриди обслуживали дом и двор князя, составляли штат ближайших, младших слуг, прислуживавших на пиру; но... во время войны составляли ближнюю, личную дружину князя» (ИКДР, II, 10).

В. В. Мавродин, однако, связывает этимологию термина «молодшая дружины» (приведя ряд синонимических ее наименований — «гриди», «отроки», «детские», «парубки», «уные», т. е. юные) только с «подчиненным второстепенным значением» ее по сравнению со старшей, а не с архаичным возрастным признаком, лежащим в основе всех этих терминов, потерявшим уже в это время первенствующее значение.

Характерно, что сам термин «дружины» в летописях иногда относится только к части воинства, приближенного к князю. Ей противопоставляются иногда (в тексте «Повести временных лет» под 996 г.) «мужи», или «нарочитые мужи»; термин «люди свои» иногда включает обе части дружины, а иногда «люди» тоже отделяются от дружины в узком составе. Еще Н. И. Костомаров, отмечая эти разнотечения в летописи, считал, что там, где упомянуты «люди», речь идет о более расширенном совете князя не только с дружины, но и со всеми участниками пира-совета: «Были и такие изменения, относительно которых теперь нам уже трудно решить, какая редакция древнее и правильнее, напр., в известии о том, что Владимир советовался с близкими себе людьми о строении земли: в Лаврентьевском списке эти близкие названы дружиною, а в Софийском они названы просто люди, и последнее, быть может, точнее, так как и по Лаврентьевскому списку смысл предшествовавших слов не дает нам права заключать, чтобы здесь речь шла о дружины в тесном смысле этого названия» (Костомаров, 380).

В то же время нечетко выражено в письменных памятниках, какое именно воинское объединение понимается под дружиной: она то отделяется от остального войска, то служит его синонимом: «се дружина у тебе отня и вои» (Ип. л. под 1015 г., 118). Но «в мале дружине» (Ип. л. под 1219 г., 738) и «со малом ратник» (там же под 1231 г., 764) употребляется, видимо, безразлично.

Ошибочно было бы считать эту дружину «стихиею, отрезанной от народа», которая лишь «постепенно сливалась с ним», как это делал Н. И. Костомаров (стр. 331). Конечно, все было наоборот. Однако он справедливо утверждал, что именно дружина «стала зародышем государственности» (там же, 332), причем постепенно «запрос на присоединение к дружине... стал превышать призыв к этому присоединению, и таким образом не все уже примыкавшие к дружине составляли ее тело и не пользовались выгодами бывших в этом теле» (там же, 333). Собственно дружине Костомаров противопоставляет «рать» и ссылается на былину о Вольге и Микule (там же). Но можно было противопоставить также две категории дружин: княжескую (в прошлом родовую) и ополчение территориальных городских общин («гридни» Новгорода, например, и, вероятно, других городов). К этим двум категориям не относятся наемные иноземные дружины (в Древней Руси — варяжские и отчасти кочевнические).

Н. И. Костомаровым была намечена и мысль о пестром этническом составе туземных дружин в Киевской Руси. «... При господстве... киевского элемента в дружине,— пишет Костомаров, несолько архаизируя этап исторического развития Киевской Руси и отождествляя земли с племенами,— последняя все-таки никогда не была, да и не могла быть герметически заперта для других русских племен... Походы и нападения, в которых рати земские содействовали дружине, соединяли их взаимными интересами. Микуле Селяниновичу постоянно приходилось идти в товарищи к Вольге Святославичу» (там же, 334). В наши дни эта мысль самостоятельно на историко-археологическом материале разработана и аргументирована Б. А. Рыбаковым.

Можно предполагать, что быlinы в основном были творчеством именно младшей дружины. Набор Владимиром Святославичем русской дружины, куда влились свободные смерды наряду с горожанами, взамен наемных варяжских дружин был не нововведением, а возращением к древней практике выделения дружины из местных родовых, а затем сельских и, наконец, городских общин.

В былинах богатыри не постоянно живут в Киеве, а частично живут по селам, куда Владимир и направляет

за ними гонцов, чтобы звать их в Киев на сбор при военной опасности.

Илья Муромец, например (уехавший на подвиги в свое время из села от пашни), нередко находится в сельской обстановке, у своих родителей. Он сидит за обедом в Караварове, когда к нему прискакал гонец из Киева, развозивший княжеские грамоты богатырям или устно сообщавший им о зове князя; Илья быстро собирается: «Недосуг ему дообедовать» (Кр., I, 119).

Богатыри, живущие по селам, вероятно, и есть те сельские дружинники, которые лишь отлучались для военной службы в Киев и другие города, когда их собирали бирючи. На сельских общинах кладбищах находят погребения дружинников, отличающиеся от погребений односельчан наличием оружия и металлических украшений городского типа, о чем уже говорилось. Едва ли феодалом можно считать прототип былинного Алеша-Поповича (см. Лихачев, Летописное известие об Александре Поповиче). Сведения поздней Никоновской летописи в этом отношении ненадежны и сбивчивы, связь с преданием об Александре Поповиче, кроме имени, очень условна; к тому же в современных записях былин он всегда сын попа, а не феодала, а на подвиги выезжает из города (Ростова).

От городского ополчения (воев) и от остального городского населения младшая дружина не была отделена непроницаемой стеной. Поэтому и воинские былины, как и другие элементы культуры, должны были получить довольно широкое распространение и в городах, и в селах.

Дружины тогда были уже сильно дифференциированы в социальном отношении: в ряды защитников Новгорода, Киева, Чернигова и других городов, как и «застав» — укрепленных пограничных черт, вливались все новые и новые переселенцы и беглецы со всей Руси, в том числе и смерды¹.

Дифференциация дружины отразилась, видимо, и в былинах. Илья Муромец и Добрыня, например, конечно, не рядовые дружинники, выступая как основ-

¹ Б. Д. Греков, приводя разнообразные термины, означающие древнерусских дружинников, суммирует: «Одни эти термины уже говорят о наличии отдельных прослоек в дружине и отчасти об их назначении» («Киевская Русь», М., 1953, стр. 344).

ные советники князя, с которыми он вынужден считаться в военных и других вопросах. Они диктуют ответ татарскому послу, обсуждают стратегию и тактику военных действий, решают, послать ли отказ иноземному царю, сватающемуся к племяннице князя, или, наоборот, притворно согласиться на это сватовство, чтобы выиграть время, и пр.

Самый эпитет Ильи Муромца «старый», «стар» мог иметь смысл не только возрастной, но означать и его положение в дружине. Ведь в Киевской Руси название «старейшей» носит «наиболее заслуженная... часть княжеской дружины» (см. В. В. Мавродин, ИКДР, II, 16). Илья Муромец действительно стар — «голова бела да борода седа», он «старый, седатый» (Кр., I, 86), т. е. с проседью, он «старая старыньшина» (М., 438). Но возраст Ильи — не позднейшее ли это осмысление? Ведь в былинах он — и старший над богатырями, «на большани».

Объединяет оба значения эпитета то, что при родовом строе именно из среды старшего поколения выделялись люди, руководившие жизнью общин, в чьих руках сосредоточивались административные и судебные функции; молодые же несли непосредственно воинские обязанности.

Однако и Илья Муромец, при наметившейся резкой оппозиционности младшей дружины к княжескому окружению, выражает именно ее интересы. Илья Муромец в спорах с князем всегда поддерживает своих товарищей против «князей-бояр», в которых можно видеть отчасти и старшую дружибу. Взгляды исследователей на отражение в былинах дифференциации дружины были различны.

Л. Н. Майков считал, что «того различия, которое замечается в летописях между дружиной старшею и младшею, в былинах не видно», но все же сопоставлял «наущничество князю» в былинах и летописях (Майков, 67—68). А. В. Марков подчеркивал социальную разность между двумя частями дружины: «...Почти везде Илья заступается за свои права, как деятельного друдинника, против князей-бояр» (БЧ, 53). Вследствие разного положения в дружине, по мысли Маркова, одни богатыри на пиру «занимают места у окольных столов или у печного столба», другие — «за княжеским столом» (БЧ, 64).

То, что Владимир «думает думу» не со всей дружиной, а только с наиболее знатной и богатой ее частью, воспринимается в эпосе как нарушение установленных норм.

Столкновениям между младшей дружиной и «передней» дружиной, с которой «князь советовался о войнах и походах, о сношениях и договорах с соседями» (см. ИКДР, II, 16), уделили большое внимание советские историки, отмечавшие, что «гридьба» старалась оттеснить и в этом старшую дружины.

Распри князя с дружиной и антагонизм обеих частей дружины в былинах основываются на розни между «князьями-боярами» (в которых А. В. Марков и Б. А. Рыбаков видят «старшую друдину») и богатырями («младшей друдиной»)¹. Богатыри вступают в конфликт с князем, если он не привлекает их к совету («думу думати») и «жалует» не их, а своих дурных советчиков — «князей-бояр». Победителями в конфликтах всегда являются богатыри-друдинники. Даже если наветы бояр приводят к гибели богатыря, его правота бывает признана посмертно (Сухман, Данило Ловчанин). Известны устойчивые формулы отказа друдинников от службы у князя. Самсон Самойлович, крестный отец Ильи Муромца, выступающий в олонецких вариантах в роли, по-видимому, главы самостоятельной дружины, которую зовет на помочь своей дружине Илья, в ответ на его просьбу принять участие в отражении вражеского приступа к Киеву говорит:

Кладена у меня заповедь крепкая:
Не бывать бы мне во городе во Киеве,
И не глядеть бы мне на князя на Владимира
И на княгину Апраксию не сматривать,
И не стоять бы больше мне за Киев град.
Он слушает князей-бояр,
А не почитает богатырей.

(Р., 2, 673)

¹ Однако летописные данные не позволяют все же полностью идентифицировать эпических «князей-бояр» с друдиной, хотя бы и «старшой», «передней». О Святополке говорится в Ипатьевской летописи под 1116 г.: «И плакашеся по немъ бояре и дружина его вся» (ПВЛ, 196) и т. д.

В другом олонецком варианте тот же Самсон Самойлович подчеркивает, что князь не только не советуется с богатырями, но и не одаривает их:

Он слушает князей-бояр,
А нас-то ничем не жалует.

(т.—м., II, 44)

Этой конфликтной ситуацией — отношениями между слабым князем и дружиными, а также между частями дружины и между князем и боярами объясняется отчасти, вероятно, и противоречивость обрисовки образа князя Владимира: то сочувственной, то иронической. А. П. Скафтымов указывал, что «Владимир является собою собирательный образ, не скажем русского князя, а тех представлений, какие имел русский певец о князе..., они сами по себе уже свидетельствуют и о самом князе и о той реальной точке зрения, какая была у певца на князя» (Скафтымов, 116).

Но если в эпизодах с голями кабацкими (в былинах о ссоре Ильи Муромца с Владимиром, о Василии Пьянице, а также о Хотене) подчеркивается оппозиционность народных масс социальной верхушке, то в эпизодах о конфликтах дружины с князем и с князьями-боярами сказываются противоречивые интересы в самой дружинной среде. Социальное звучание, близкое к теме голей, внесли, вероятно, и сюда в значительной степени позднее многие поколения крестьян-сказителей. Это доказывается, в частности, разработкой таких мотивов сказителями-импровизаторами.

Следует учитывать, что от младшей дружины, военной силы, на которую опирался князь, более или менее тесно связанной с низовыми слоями городского и сельского населения, от численности этой дружины и ее настроения зависело и положение самого князя. В записи из Бухтармы, сделанной Г. Н. Потаниным, Владимир не случайно жалуется на свое бессилие, когда богатыри покидают его:

Нет-то теперича помощников,
И за Киев-град нет пристателей
...Нет сильных, могучих богатырей.

(см. Гул., 1939, 145)

В былинах роль князя довольно пассивна, в отличие от богатырей. Сам прием в дружину князя обусловлен предшествующими воинскими заслугами богатыря, уже совершенным подвигом, прославившим его. Так, Илья Муромец пленил Соловья Разбойника и освободил осажденный иноземными врагами город; Алеша Попович убил Тугарина и, хотя отказывается первоначально от службы у князя, в конце концов также становится киевским богатырем и т. п.

Л. Н. Майков писал о былинном князе Владимире: «Князь дорожит своей дружиной, и, конечно, она дала ему прозвище ласкового» (Майков, 63). Чтобы упрочить свое положение на престоле, князь старался обычно привязать к себе дружину щедростью (если даже и ущемлял ее права). В этой щедрости особенно нуждалась именно младшая дружины. В летописях, начиная с повествования о Владимире Святославиче, который «любил дружину», «люди своя», проходит этот лейтмотив.

Эпический Владимир ищет богатырей к себе на службу и с почетом велит проводить к столам на пир Добрыню, когда тот приезжает к нему впервые в Киев, чтобы поступить в его дружину; Добрыня же сообщает ему при первом свидании:

«Я приехал ко городу ко Киеву,
Ко славному князю ко Владимиру
Послужить ему да верой-правдою,
Показать свою удаль молодецкую».
Говорит Владимир стольно-киевский:
«Таки мböлодцы да нам надобны».

(БПК, 157)

Характерен следующий диалог между приезжими богатырями и Владимиром:

«Уж ты батюшка Володимир князь!
Тee нада ль нас, принимаешь ли
Сильных, могучих богатырей,
Тee, батюшке, на почесь-хвалу,
Твоему граду стольному на изберечь?»
...«Да как мне вас не надо-ты!
Я везде вас ишуши, везде спрашиваю».

(Кир., 3, 38)

Когда же ему не удается удержать у себя богатыря (они разъезжаются или неудовлетворенные отношением к ним князя, или обиженные заточением Ильи Муромца и т. п.), он начинает горько жаловаться:

И слезно Владимир князь расплакался:
«Раздразнил как я сильных могучих богатырей,
Все богатыри разъехались».

(Р., 2, 669)

Любопытно выражено в одной из былин стремление Владимира обеспечить себя богатырями. Потыку, решившему жениться, Владимир говорит:

Чем тебя за эту выслугу будет жаловать?
...А и тех-то послал, чтобы женилися,
А они, молодцы, не догадались,
Обзарились на золото и серебро.
В нашу державу свято-русскую
Пойдут семена — плод богатырский:
То лучше злата и серебра.

(Р., 2, 609)

Пиры Владимира, когда он сразу сажает за стол привезжих богатырей, по существу и означают в былинах, что князь берет их на свое полное обеспечение,— у князя они питаются, получают «по приезде» по «добру коню» и «золотую казну».

Дружина сверстников

Некоторые герои былин набирают себе дружину сверстников с 12 или 15 лет (эпический возраст — 12 лет наиболее типичен¹). Эпической, конечно, является и численность дружины в тридцать, триста человек или в семь и тридцать тысяч. Так, в наиболее архаичной былине о Вольге — Волхе

Стал себе Вольх он дружину прибирать,
...Он набрал дружину себе семь тысячей;

¹ Так и в саге об Олафе Тригвисене он в 12 лет совершил свой первый поход «и тем стал конунгом» (Сабинин, Извлечение, 51). Аналогии этому есть и в восточных эпосах.

Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет.

(КД, 40)

Друдинники во всем подобны своему предводителю и друг другу; на образном языке былин это выражено полным сходством друдинников между собой:

Прибирал он дружью-ту, дружины всё хоробыя,
Шьтобы были всё да одного росту,
А да голос к голосу да волос к волосу.
А ис тридцать тысяч только выбрал триста
добрых младцов.

(М., 431)

Вся дружина одета в одинаковые платья, ездит на конях одной масти; в былине о Чуриле у его друдинников

Все конюшки да одношерстные,
А на молодцах-то платья однопарные,
Добры молодцы да плечо в плечо,
Добры молодцы да лицо в лицо.

(БПК, 70)

Князь Владимир Святославич — явно сверстник своих богатырей в былине о его женитьбе. На пиру он говорит им:

А и все-то вы да поженены,
Только я один да неженат живу,
Неженат живу да холостым слыву.
...А подумаем мы за обще, за одиное,
Как мне молодцу да поженитися.

(БПК, 121)

Характерно в этой устойчивой формуле и участие дружины в сватовстве князя (вернее, добыча ему невесты путем военного набега), очень близкое к поведению «дружины» жениха в свадебном русском обряде, связанному с архаичными обычаями реального участия группы сверстников в устройстве брака одного из них.

Такая дружина юношей-сверстников, возглавляемая предводителем того же возраста, широко известна и по историко-этнографическим данным, и по эпосам различных народов.

Эти молодежные группы сверстников — в прошлом возрастной класс воинов общины — в эпоху Киевской Руси, конечно, стали уже специализированными воинскими отрядами — дружинами.

Кроме случаев, когда князь захватывал власть над чужим племенем или народом, он сам был выходцем из той же среды. Противопоставляя себя все больше родовой общине, он и сделал своей гвардией дружины своих сверстников. С течением времени возрастная принадлежность в известной степени утратила свое значение. Если в прошлом гриди были младшими по возрасту среди способных мужчин и этим определялась их подчиненная роль, то в Киевской Руси это могло быть обусловлено социальными причинами, их общественным и имущественным положением, и пр.

Переломный характер эпохи Владимира I сказался не только в ряде социальных институтов, но и в изменении значения терминов, в прошлом определявших возрастные группы, а в Киевской Руси — административные, должностные и профессиональные.

С. П. Толстов на обширном этническом материале показал связь архаических дружин с мужскими союзами, значение которых возросло именно в эпоху военной демократии. Дружины в его глазах — представители «утерявшей связь с родами прослойки»; они были «наиболее подвижным элементом в консервативном укладе племенного быта»; поэтому данная прослойка и стала ведущей в общественных отношениях эпохи военной демократии (см. Толстов, 213). Эпос и воспевает дружины эпохи военной демократии, что обусловлено именно исторической значимостью процесса их образования. Бурное развитие героического эпоса в Киевской Руси в конце I — начале II тысячелетия было обусловлено переломным характером этой эпохи. И здесь раннеклассовое общество постепенно сбрасывало «маскирующую скорлупу» первобытнообщинных установлений (там же, 207).

Богатыри-слуги

Герои былин — молодые богатыри не случайно так часто занимают в былинах в той или иной мере зависимое положение, исполняя разного рода обязанности военных слуг. Это Иван Годинович, Дунай, Чурила, даже молодой Добрыня, Данило Ловчанин, а также безымянные и безличные приворотники и придверники, чашники, конюхи и пр.

Разнообразие воинских и хозяйственных должностей, а также обилие слуг, упоминаемых в былинах, характерно для периода становления раннеклассового общества, когда создавался развитой административно-хозяйственный аппарат при дворах властителей. Это может служить одним из аргументов в пользу того, что былины выкристаллизовались как жанр именно в этот период, и того, что слагались они в основном в среде этих полузаисимых людей.

Исторические письменные источники содержат обширные аналогии всем категориям былинных военных слуг, как свободных, так и стоящих на разных ступенях зависимости. В летописях это «отроки», «паробки», «дети», или «детские», «гриди» и «милостники». По-видимому, местом их сбора и служила гридница.

В былинах богатырей-слуг и безымянных слуг можно разделить на несколько категорий. Первая категория — военные слуги, «приворотники» и «придверники», т. е. стражи. Они так и названы «сторожами» в поздних олонецких былинах, записанных в 1930-х годах. Так, когда нож, брошенный Идолищем, ударился о дверь,

А высадило дверь с придверниками,
А много там убило сторожа да и татаровей.

(БПК, 200)

С этими придверниками и приворотниками вступают нередко в схватку богатыри, чтобы попасть во двор или в гридню (чаще, впрочем, не к князю, а к иноземному властителю). Так, Дунай, когда татары преграждают ему путь в королевскую гридню, расталкивает их, а часть даже убивает (БПК, 345). Когда Добрыня Никитич приехал домой,

У дверей не спрашивал придверников,
И у ворот приворотников,
Взашей прочь да всех отталкивал,
Взошел он во вдовиной дом.

(БПК, 392)

Обычно же богатырь просто как-то игнорирует стражу и «не спрашивает» ее, заходя в гридню с княжеского двора:

Ну как сам-то он пошол во гридню столовую,
Не спрашивал у дверей ён придверницьков,
Как у ворот топерь приворотницьков.

(БПК, 279)

Вторая категория — слуги, занятые в различных отраслях княжеского хозяйства,— ловчие (Данило Ловчанин), охотники, сокольники, кречетники из дружин Чурилы и князя Владимира (КД, 110—112), конюхи (Р., 1, 280). Конюхом служит первоначально иногда и известный богатырь (Дунай и др.— см. БПК, 121, 348 и пр.). Эти слуги могут быть несвободными: мать Чаины Чесовны, посылая сыновей взять в плен Хотена, предвкушает свою месть:

И поставлю я его конюхом,
Да и будет он у моей дочери прислугою,
Коней засёдливать и рассёдливать,
В конюшню убирать и кормить-поить.

(БПК, 363)

Третья категория — слуги, ведающие непосредственно домом, бытом князя и его семьи, постельничьи, или «постельники» (Р., 2, 463), ключники, или «ключники», и «ларешники» (тоже род ключников). Исторически ключник ведал всеми ключами дома (т. е. его запасами). Кстати, именно в качестве ключника Чурила выдаст «платьица женское цветное» — «сяян хрушетой камки» — невесте Дуная, привезенной в княжеский дворец в одной накидке — «епанечке» на свадебный пир (см. КД, 76).

Особенно обширна в былинах категория слуг, обслуживающих пиры: позовщики (Р., 2, 463), чашники (Р., 1,

Отрок Святослава держит коня

Деталь миниатюры рукописи Иоанна Скилицы

280), кравчие (Кир., 2, 7), стольники (Р., 1, 180; КД, 157, 159). Эти слуги работают с помощниками:

А и стольники-чашники
Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли-та питья медвяныя.

(КД, 158)

Зависимое, подчиненное положение ряда богатырей вызывает драматические коллизии в былинах. Браку с богатырем-слугой препятствует родня невесты; пугает этот брак и саму невесту, так как замужество с несвободным человеком обратило бы и его жену в несвободную. Королевна Настасья Микулишна тайно вступила в связь со слугой отца-короля — постельничим, а до этого стольником и музыкантом Дунаем. Когда затем, побежденная им во время поединка в поле, она должна, по прежнему уговору с отцом (выйти за победителя), сочетаться с ним браком, отец противится этому, так как такой брак роняет дочь в его глазах не меньше, чем тайная связь. Невеста Ивана Годиновича Авдотья Лебедь белая, также дочь короля, легко поддается уговорам Идолища не выходить замуж за Ивана, так как ее станут звать «холопкой» (КД, 103), «портомойницей да поломойницей» (БПК, 145) и самой ей придется «скрести»

дворец Владимира. Не может противиться приказу князя Владимира о поимке чудовищного вепря ловчий Данила (хотя в отдельных вариантах былины и он «князь»), и тот злоупотребляет покорностью слуги, чтобы устроить его со своего пути и завладеть его женой.

Многие молодые богатыри в былинах последовательно переходят с одной должности на другую: «стольничают», «чашничают», «у ворот» стоят, служат конюхом, постельничим, гусляром и пр. Так,

По три годы Добрынушка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынушка чашничал.
...На десятое-то лето стал конем владеть.

(Г., III, 216)

(Не означает ли это, что он поступил в конное войско?)

Иногда после дворовой службы богатыри отправляются «пословничать» в чужие страны. Во время же войны они занимаются ратным делом¹.

Именно для среды младшей дружины была характерна оппозиционная настроенность в социальном плане, звучавшая в былинах. Конечно, позднее сказители могли вложить в нее иное, более широкое содержание.

Социальное положение многих молодых богатырей в былинах близко к той зависимости, которая для большинства дружинников существовала в исторической действительности. Едва ли их зависимость и подчиненность в эпосе можно объяснить лишь тем, что они только начинают службу. Возрастной критерий уже не доминировал в феодальном обществе. «Кроме холопства,— пишет М. Н. Тихомиров,— Древняя Русь знала еще другие формы зависимости, нашедшие распространение в городах. Таковы прежде всего «милостники»... Милостниками были зависимые княжеские люди, получавшие от князя «милость» — коней, оружие, а вероятно, и землю» (ДГ, 150—151). Источники, привлеченные им, относятся к XII в., но институт «милостников» должен был, очевидно, сложиться ранее. Уже в IX—X вв., по его мнению,

¹ На разнообразную деятельность молодых дружинников в былинах издавна обращали внимание исследователи былин, изучавшие их в историческом аспекте.

киевский детинец был населен «княжескими слугами и зависимыми людьми» (ДГ, 45).

Один из путей, которым могут стать зависимыми военными слугами богатыри в былинах,— заклад своей «головы» при различных состязаниях, против денежных крупных сумм соперника, после того как богатырь проигрывает коня и пр., т. е. своего рода долговая кабала, так распространенная в Киевской Руси. (В конечном счете, богатырь никогда, однако, не остается в проигрыше при состязаниях.)

Так, Михайло Потык при игре в шахматы с царем Вахрамеем Вахрамеевичем против сорока тысяч «золотой казны» царя

Условляется да он решается
Служить царю Вахрамею Вахрамееву
...Да ровно три года.

(БПК, 139)

При следующих партиях царь увеличивает в несколько раз ставки, а Потык — срок службы. Это — зависимость на определенный срок, широко известная в Киевской Руси.

В другой былине Добрыня Никитич, приехавший к иноземному королю, также уславливается с ним при игре в шахматы:

А ты меня как нунь и побиграшь,
Буду я заступа тоби крепкая,
А буду я слуга тоби да верная.

Царь входит в азарт и предлагает, проиграв, новую партию, так как

Слуги ему такого захотелосе.

(БПК, 219—220)

Заклады наиболее известны по былине об Иване Гостином сыне, который, согласившись участвовать в конских состязаниях, закладывает князю Владимиру свою голову, т. е. обязуется в случае проигрыша стать зависимым от него:

А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о ста рублях, не о тысячу —
О своей буйной голове!

(КД, 49)

Закладывают свою «голову» и другие богатыри: Але-ша Попович в турнире с Тугарином при дворе Владимира, Добрыня при игре в шахматы, борьбе и состязаниях в стрельбе при дворе иноземного короля.

Зависимыми слугами в былинах могут стать и пленники, причем даже сограждане. В былине о Хотене, когда шесть сыновей Чесовой вдовы взяты в плен, он спрашивает у своей матери.

«Им каку работу прикажем делати?»
Отвечает ему родная матушка:
«А как мог ты их в плен забрать,
Так сумею я им и работу дать».

Одного из них она заставила работать поваром, другого — придверником, третьего — приворотником, четвертого — конюхом и т. д. (БПК, 366).

Зависимым слугой князя мог стать и заложник, взятый князем «во двор» с целью обезвредить опасного соперника — его отца. По поводу службы Чурилы чашником у князя Владимира такое предположение, вслед за историком И. Д. Беляевым, высказал О. Ф. Миллер¹. Чурила живет с отцом в укрепленном замке, несказанно богат и имеет сильную дружину, т. е. явно не нуждается в службе, на которую он даже «усмехается» (БПК, 74).

ВОЗРАСТНЫЕ ТЕРМИНЫ В БЫЛИНАХ

В былинах выступает двойственное значение «молодежных» терминов в наименованиях богатырей. Обусловлена эта двойственность тем, что в раннеклассовом

¹ Он проводит по статье И. Д. Беляева «Сказания о начале Москвы» аналогию к истории Чурилы с русской исторической действительностью: «... В одном из сказаний о Москве... князь Даниил Александрович просит у боярина Кучка двух сыновей к себе во двор: «аше не да даси сынов своих мне во двор, и яз на тя войною пойду и тебя мечем побью, а села твои красные огнем пожгу» (О. Миллер, 574).

обществе новое понятие специализированной военной дружины (даже наемной) по традиции определяется терминами, обозначавшими при первобытнообщинном строе возрастные классы. Такие термины, подобные славянским (паробки, отроки, дети, гриди и пр.), имеются и в других языках, как индоевропейской семьи, так и др.¹ В древнерусских терминах такого рода, сохранившихся в былинах и письменных источниках, уже произошла подмена возрастного понятия обозначением члена замкнутого воинского отряда молодых сверстников, дружины. Однако в текстах былин записи XIX — XX вв. второе значение успело выветриться, и термины «дети» и «отроки», например, воспринимаются современными сказителями только как обычные возрастные, причем означающие ребенка или подростка (а не юношу), что и могло в известной мере содействовать утверждению сбраза богатыря-малолетки.

Возрастной признак перестает быть основным при становлении раннеклассового общества, конечно, не только в терминологии, но и в практике мужских объединений, особенно при приеме в них. Если раньше это должны были быть мальчики или холостая молодежь, то в более поздний период принимают, наоборот, только женатых, а ступень, занимаемая в мужском союзе, определяется уже не возрастом, а величиной взноса, угодностью кандидата более влиятельным фамилиям и пр. «Такие изменения обычны в жизни народов и выступают всегда в тех случаях, когда перемены в общественном организме выливаются в предельных формах своих», — писал Г. Шурц (Шурц, 108)².

На мой взгляд, однако, наиболее существенным изменением прежнего «сообщества» всех мужчин племени служит обособление членов мужского союза и сужение круга входящих в него.

¹ Монгольское «нукер», древнегреческое «курос», древнеперсидское «парна», древненемецкое *kint*, старофранцузское *enfant* и пр.

² В качестве примера Шурц приводит клуб Сукэ на Банковых островах в Меланезии; этот клуб «распадается на известное число степеней, которые могли первоначально соответствовать возрастным классам, но в которые теперь можно вписываться за известную плату... Более богатые и пожилые люди располагают значительной властью, и между прочим, по своему усмотрению, допускают или не допускают кандидатов на высшие степени» (Шурц, 108—109).

Г. П. Снесарев, суммируя большой этнографический и исторический материал, в основном о мужских объединениях в Средней Азии, показывает «возрастную специализацию» мужских союзов: «...Из старших возрастных подразделений выходили руководители публичной власти, законодатели, судьи, жрецы; из младших — воины и их низовые начальники» (Снесарев, 165).

«Институт дружинников,— пишет он в другом месте своей работы (имея в виду именно молодых «воинов»),— ...генетически связан с мужскими союзами поздних этапов их истории. В дружине, состоявшей из молодых, в большинстве случаев неженатых воинов, находящихся на содержании своего военачальника и служащих ему, мы видим возрастную молодежную ячейку..., вышедшую на... путь дальнейшего развития» (там же, 182).

Отроки

Термин «отрок» в русском эпосе связан неизменно с малолетством богатыря. Сын Ильи Муромца при встрече с ним в поле перед поединком говорит отцу: «Зачем ты на малого отрока напущаешься?» (Гул., 77). Бытовое, возрастное значение слова «отрок» вошло в противоречие с новым, профессиональным его содержанием, почему отрок и превратился в былинах в богатыря-малолетку. Так получилось и с малоупотребительным в народной речи термином «юноша»; в другом варианте былины о бое Ильи Муромца с сыном богатырь увидел

На гнедом коне млада юношу:
Из-за копья щита не видать его.

(Гул., 79)

Между тем в древнерусском языке «отрок» — это не только подросток (ср. «отрок» — кожемяка. — ПВЛ под 992 г., 85), но и молодой воин. Иначе русские князья не отправлялись бы с такой уверенностью в поход, хвалясь своими дружинами, насчитывающими сотни отроков: «Имею отрок своих 700», — говорит Святослав (ПВЛ под 1093 г., 143). Значение термина «отрок» в русском эпосе привлекало внимание исследователей. О. Ф. Миллер писал по этому поводу о службе Добрыни в юности при дворе князя Владимира как о ступени к настоящей воинской службе (О. Миллер, 417).

В летописях отроки — военные слуги («отрокы в оружьи»), выполняют функции и домовых слуг.

В предании о княгине Ольге она, угощая древлянских послов медом, «повел... отроком своим служити пред ними» (ПВЛ под 945 г., 41—42). О воеводе XI в. говорится: «Пристрои Ратибор отрокы в оружьи, и истобку пристави истопти им» (ПВЛ под 1095 г., 149).

Владимир Мономах ставит себе в заслугу, что он не пользовался услугами своих отроков в походах и на ло-вах, а делал все для себя сам: «Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил» (ПВЛ под 1096 г., 163).

«Княже отроце», т. е. княжеские слуги, как и отроки бояр, упоминаются в летописи чрезвычайно часто (чего нельзя сказать о слове «гриденъ»; возможно, что слово «отрок» и было синонимом первого). Они были до известной степени привилегированными, судя по свидетельству «Русской Правды», где штраф за их убийство приравнен к штрафу за конюха и повара — 40 гривен, тогда как за холопа и смерда платили только 5 гривен (ПР, I, 24).

Б. А. Рыбаков считает «отроков» былин синонимом «молоди» — легкой конницы. Мотив былины об отроке Михайлे Игнатьевиче, вырвавшемся вперед на поле битвы и попавшем с конем в подкоп, он убедительно связывает с функциями именно этого рода войска: «Русская легкая конница — «молодь», «стрельцы», на которых обычно возлагалась погоня (и в числе которых должен был быть молодой отрок Михайлушка)» (ДР, 117).

Паробки

В былинах слово «паробок» не утратило в такой мере своего социального значения, как «отрок». Тем не менее первично «паробок» — тоже возрастной термин, сохранившийся и в современном украинском языке в смысле юноша (соответствует русскому «парень»)¹.

Паробок в былинах — обычно не вполне равноправный товарищ-слуга богатыря, его оруженосец, основные

¹ Очень интересное сопоставление сделала К. В. Тревер по поводу древнеперсидского термина «парна» — название группы юношей-воинов, стражи и прислужников царя, совершающихся в

обязанности которого в пути — седлание коня и уход за ним. Однако нередко он совершает и самостоятельные воинские подвиги, подменяя и опережая богатыря. К тому же паробок нередко является его побратимом — «братьем крестовым».

Наиболее известен в былинах Еким (Яким, Аким, Ефимша) паробок — спутник и слуга Алеша Поповича. Примечательно, что в сохранивших наиболее старую традицию колымских текстах он прямо назван «Ефимша, слуга верная», а к Алеше Поповичу он обращается «хожаин»: «ласковый хожаин мой, приветливый» (Шуб, 213, 216, 219). В другом тексте к Якиму обращаются: «Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!» (Мил., 98).

Известны в эпосе и другие паробки, например Марк паробок (Кир., 2, 83), Иванушка Дубровиц (Р., 1, 46). Илья Муромец говорит Ивану Горденовичу: «Ты оставь себе меньшого слугу паробка» (Онч., 318); Добрыня послал с поручением «паробка да слугу верного» (Р., 2, 316). Хотинка (Хотен) ездит по городу «со своим со паробком любимым» (Р., 1, 95). Богатырь говорит: «А служил я королю да ровно девять лет; три года-то служил я парубком», а затем конюхом и стольником (БПК, 121).

Наиболее подробно описан в былинах уход паробка за конем:

Что изволил Алеша опочив держать,
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.

Утром:

Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил до добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку,
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.

(КД, 126—127)

текущее десяти лет в военном искусстве под руководством своего начальника: «...В культуре Древней Руси,— пишет она,— сохранились следы этих древнейших представлений и образов... в термине «спарни», обозначающем юношей, молодых неженатых мужчин» (Трепер, 84).

Паробки обладают и высокими воинскими качествами, причем они даже различаются, видимо, специализацией по родам оружия. В тех же колымских текстах встречается такое место:

Давала к ниму тры пárька,
Тры слуги верные, слуги неизменные —
Ещо первую слугу под востру саблю,
Вторую слугу под востро копье,
Еще трэччью слугу под тугой лучок.

(Шуб, 218)

Паробок Алеша Попович решает вступить в бой с мнимым Тугарином (переодетым в его платье Алешей) и чуть не убивает его; паробок же перехватывает на пиру брошенный в Алешу нож и т. д.

В былине о Гордене (Хотене) Блудовиче его паробок вместо того, чтобы разбудить уснувшего богатыря при приближении врагов, как тот ему приказал, сам справляется с ними. Он побеждает и связывает один девять сыновей Чесовой вдовы (БПК, 365), а в другом варианте, с обычной для эпоса щедрой гиперболизацией,— даже сорок тысяч войска, высланного против Хотена князем Владимиром. Отметим, кстати, что именно эти социально заостренные моменты имел в виду сказитель, заметивший по поводу былины о Хотене: «У нас, видишь, ее боялись сказывать, там против князя есть» (БПК, 494).

Во многих текстах былин выступает, как будто, что паробки — несвободные люди. Их передают из рук в руки и договариваются о них между собою Владимир и посторонние богатыри (впрочем, следует оговориться, что и о своих товарищах-богатырях, которых подбирают в дружину при походах, тоже уславливаются с князем, не спрашивая их согласия). Так, Дунай отказывается от со- товарищей при экспедиции за невестой для князя Владимира:

«А и только пожалуй одново мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Которой служит Алешки Поповичу».
Владимер-князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
«Вот-де те, Дунаю, будет паробочек».

(КД, 70)

Женит паробка в былинах его хозяин, причем браком с ним — видимо, как с несвободным человеком — герой былины даже грозит упрямой невесте и ее родне, когда выступает сватом за себя или князя. Дунай предупреждает, что если невесту не отадут «в честь» за князя Владимира, он ее возьмет

А не в честь Опраксу за товарища,
За того... за паробка любимого.

(Р., 1, 74)

Хотен говорит Чайне Часовичне:

Если волей пойдёшь замуж, то за себя возьму,
А неволей, так за парубка.

(БПК, 364)

К определению роли паробка в былинах обращались многие исследователи. Так, О. Ф. Миллер относит паробков к «служилым», или «служебным», богатырям, но отмечает их особое положение, считая, что эти слуги (как и отроки) проходят одну из ступеней «богатырства», являясь в то же время уже побратимами богатырей (О. Миллер, 417). Он доказывает суровую простоту жизни Ильи Муромца тем, что у него — наиболее демократичного из богатырей — нет паробка (там же, 445). Однако в одном тексте былины есть паробок и у Ильи. М. Н. Сперанский, поместивший в свою антологию этот текст (Г., II, 22—23) и другие, где упоминаются паробки, дал в словаре двойное значение термина: «Паробок — слуга, малый» (Сперанский, 447).

Каково же было значение паробка в Древней Руси? Это те же слуги, как и в былинах. Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет: «Научиша бо и паропци, да быша собе налезли, но оному налезоша зло» (ПВЛ под 1096 г., 165). Паробок Андрея Боголюбского, по летописи,— его ближний слуга (Ип. л. под 1175 г., 586). В Новгороде «владычни паробки» составляли какую-то категорию епископских слуг; часть из них была писцами (см. Рем., 685—688). Термин «паробок» в значении военного слуги употреблялся еще в XV в. Менгли-Гирей в письме к Ивану III пишет, что поручает выбрать панцирь для

себя своему паробку, который «пансырь велми знает» (Рем., 169).

Уже упоминалось выше, что слово «паробок» для обозначения юноши сохранилось на Украине. Однако еще в XIX в. оно означало зачастую не просто юношу, а члена особого замкнутого товарищества — «парубоцтва», войти в которое можно было лишь с согласия остальных членов, после выполнения особых (в этот период уже несложных) обрядов и взносов. Видимо, парубоцтво выполняло некогда и воинские функции. (В русских деревнях, хотя парни и объединялись, конечно, в группы, оформлено эта никак не было.)

Парубоцтво привлекло к себе пристальное внимание украинских исследователей конца прошлого века в связи с обострившимся интересом к изучению институтов первобытного общества, следы которых они справедливо увидели в парубоцтве. Может быть, однако, следовало бы в большей степени считать парубоцтво новообразованием в своеобразных условиях жизни Украины в XVI—XVII вв., хотя, конечно, корни его были архаичными. Вопрос о парубоцтве неоднократно освещался на страницах «Киевской старины»¹.

По этим статьям вырисовываются некоторые характерные черты парубоцтва. При приеме в товарищество юноша вносил взнос вином, его подвергали некоторым испытаниям, пели величальные песни об «удальце на коне». На собрания парубков не имели право проникать посторонние и терпели за такую попытку наказания. Парубки сообща выходили на некоторые сельские работы. Деньги, полученные за платные работы, они вносили в общий котел на пирушки. Члены «славна парубоцтва» приобретали большую самостоятельность в общественной жизни села и противопоставляли несколько себя ему, даже терроризуя население (больше в шуточной форме). При женитьбе парубок выходил из товарищества навсегда, причем также выполнялись определенные обряды. Вместо ушедшего мог только тогда вступить в

¹ См.: В. Боржковский. «Парубоцтво» как особая группа в малорусском сельском обществе. КС, 1887, август, стр. 765—776; Н. И. Чернышев. К вопросу о парубоцтве как особой общественной группе. КС, 1887, ноябрь, стр. 492 и др.; В. Н. Ястrebов. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России. КС, 1896, октябрь, стр. 110—128 и др.

парубоцтво его младший брат. Все это составляет комплекс, характерный для мужских объединений, широко известных и по историческим, и по этнографическим источникам.

Сведения эти приведены в основном по статье В. Боржковского, который справедливо считал современное ему парубоцтво «осколками молодших братств» (см. стр. 767) известных в старину, т. е. возрастных объединений, и определял как «остаток давно минувшей жизни, где нередко дух и смысл давно испарились и осталась одна только форма» (там же, 766). Статья его, однако, имела в основном описательный характер. В статье же Н. И. Чернышева были сделаны и любопытные сопоставления историко-этнографического характера. Проведя ряд таких сопоставлений об организации «мужских домов» и мужских объединений у народов мира (в основном по Зиберу), он вскрывает в своем определении украинского парубоцтва его древнюю сущность поло-возрастной группы: «У народов как Старого, так и Нового света проводится грань между юношами, достигшими и не достигшими зрелости, и между ними и женатыми... Обособленное сими гранями молодое поколение, достигшее брачного возраста, образует особую группу, в высшей степени интересную в социологическом отношении» (Чернышев, 493). Возникновение парубоцтва как общественной группы Чернышев относит «в несравненно более отдаленное, выходящее за пределы исторического, прошлое»; «впоследствии,— пишет он,— жизнь, под давлением известных условий и требований, лишь воспользовалась уже готовою формою и приорорвала ее к своим целям» (там же, 492—493).

Яркие и непосредственные в значительной степени наблюдения над времяпрепровождением ватаг украинских парубков в середине прошлого века содержат этнографические повести Н. В. Гоголя («Майская ночь», «Ночь перед Рождеством»).

Изучение пережиточного института парубоцтва на Украине (по литературным и архивным данным) несомненно было бы чрезвычайно ценно для истории мужских объединений.

Дети боярские

«Дети боярские» в былинах часто также изображены малолетками. С ними, как своими сверстниками, пошутивают свои «шуточки» малолетние богатыри: Вольга — Волх, Василий Буслаевич и другие, наделенные с детства непомерной силой. «Дети боярские», нередко называемые также «ребятами», «ревут» и идут жаловаться «отцам-матерям».

Следует, однако, обратить внимание на текст из сборника Кирши Данилова, где «дети», которых увекит девятилетний Костентин Саулович, принадлежат к разным сословиям, причем это взрослые люди:

Стал с ребятами шутку шутить,
С усатами, с бородатами,
А которые ребята двадцати годов
И которые во полутридцети;
А все ведь дети княженецкие,
А все-та ведь дети боярские,
А все-та ведь дети дворянских,
Еще ли дети купецкия.

(КД, 173)

В Древней Руси слова «дети», «децкие», как и в других славянских языках, имели значение не только малолетних детей, но и юношей. В современном русском языке «детина» также означает не ребенка, а взрослого человека и равнозначно «молодцу», с некоторым, впрочем, оттенком ухудшения значения.

О. Ф. Миллер, разбирая понятие «дети боярские» в эпосе, указывал, что в славянских языках слова «дете», «детенце», «диетё» могут означать юношу, а не дитя (О. Миллер, 710). Когда Владимир Мстиславич «рече възрев на децкыя: „а се будуть мои бояре“» (Ип. л. под 1169 г., 536) ясно, что речь идет не о детях, а о младшей дружине.

По мнению М. Н. Тихомирова, «корень слова «детинец» ведет к термину «детский», княжеский дружины. Внутренний замок получил свое название от детских, составлявших его гарнизон» (ДГ, 44). (Впрочем, может быть и «детинец» означало укрепленное убежище, куда можно было «деться», спрятаться, «деть себя»?)

В былинах под «детьми боярскими», возможно, следует понимать боярских дружиинников, их слуг, «молодцов». Эпитет же «боярские» в былинах, применительно к «детям» привел к тому, что эти персонажи тоже стали антипатичными, трусливыми, коварными (именно их Илья Муромец называет «воронятами»). Если принять это толкование, станет ясным и то, почему в былинах они всегда в конфликте с дружииной князя — богатырями эпоса, почему занимают крайне неравноправное положение на княжеских пирах (Кир., 4, 47 и др.).

Храбры

А. В. Марков предполагал, что обнаружил в былинах еще один древнерусский термин — «храбр», означающий воина, витязя. Он видел его «в стереотипном окончании (былины. — Р. Л.), призывающем герою славу» (БЧ, 59); далее он приводит примеры:

Только, ведь, молодец и жив бывал;
Да тому хоробрú такова слава.

(Г., III, 381)

Тому хоробру и славу поют.

(Р., II, 574)

Однако можно видеть в этом и краткую форму прилагательного, а не существительное.

Гриди

Термин «гриди» совсем не встречается в русских былинах, но их наименование несомненно звучит там в названии «гридница». Гридей, как и «отроков», «паробков», следует также считать преемниками возрастного класса молодых воинов первобытнообщинного строя, в условиях раннеклассового общества ставших дружииной, состоящей при князе или городском магистрате. Их молодой возраст и недостаточная опытность как воинов определили их общественные функции. Поэтому они и стали воинами-слугами (не в смысле домашнего слуги,

а прислужниками, проходившими эту ступень к настоящей воинской службе). Двойное значение аналогичного по семантике и близкого по звучанию термина встречается в чешском языке: «грдина» в нем равнозначно «юнаку» (в прошлом тоже возрастной термин — «юный») уже в значении «герой». Сопоставление «грдины» с богатырем сделал еще Ф. И. Буслаев: «...О слове богатырь... Вместо его употребляется то юнак, то грдина, то какое-нибудь другое речение» (стр. 144).

С. М. Соловьев, отмечая древность терминов «гриди» и «гридьба», применяет их только к младшей (и по возрасту) дружине, но подчеркивает, что возрастное некогда определение получило уже иной оттенок, в зависимости от положения, занимаемого в войске: «...Младшая дружины называется также просто: *молодь, молодые, молодые люди*, продолжает носить название *гридей, гридьбы*» («История России», III, кн., II, 19).

Спорно определение, кем же именно являлись гриди? Вопросом этим занимался ряд ученых (Даль, Беляев, Никитский, Костомаров, Забелин, Греков, Тихомиров, Рыбаков). Взгляды их резко различались зачастую, и тем более странно, что в энциклопедических словарях слово это толкуется исключительно как «княжеская стража», «княжеская дружины», «княжеские воины», а о том, что гриди могли быть и воинами городского самоуправления,— не упоминается.

Мнение о княжеской принадлежности гридей стало преобладать еще в XIX в. Н. И. Костомаров называл новгородских гридей прямо княжеским «гарнизоном, державшим город в повиновении» (хотя, казалось бы, факт найма гридей у Новгорода говорит о другом) («Северорусские народоправства», ч. I, 35), а А. И. Никитский утверждал даже, что этих гридей приводил с собою сам князь, «преимущественно с Низу» («Военный быт», 170).

Однако другие исследователи упорно связывали гридьбу с городами, считали ее городским постоянным воинством, а не ополчением. Еще В. И. Даль, упомянув о гридах как «княжих телохранителях», а о гридьбе как «княжьей гвардии, конвое», отметил, что в Новгороде XI в. гриди составляли «войско посадников, тысяцких, наемное, служилое, городское войско», позднее ставшее «земскими... людьми на жалованье» (Даль, т. I, 395).

Наиболее категорично высказался И. Е. Забелин: «...Слой собственно городских защитников именовался собирательно гридь и грильба, а единично гридин» (История..., I, 554). Он настаивал, что слово «гриди» должно означать не только «отряд княжеский», но и «городовую военную общину или городовую дружины» (там же, 555) и поэтому функция гридницы как общинного строения, восходящая через городскую общину к архаической родовой общине, должна была быть первоначальной.

В советское время ту же точку зрения поддержал М. Н. Тихомиров, который утверждал, что городское ополчение имело в военных делах вообще большее значение, чем княжеская дружины (см. ДГ, 228). «Вечевой городской строй», указывал он, был свойствен не одним северо-западным городам — «вольным городам» эпохи Киевской Руси, но в значительной степени определял устои жизни и других городов, в том числе и южных, во главе с Киевом.

На пиру князя Владимира, по летописям под 996 г., не случайно вместе с грилями упоминаются и горожане: «десятские», «сотские» и «старцы градские», которых без колебаний относят обычно к городским должностным лицам.

Так как гриди многократно упоминаются в летописных известиях XI — XIII вв., в «Русской Правде» и других источниках вместе с разными категориями городского населения, их и следует считать членами городской общинной дружины, причем преемственно городская община и установления в ней во многом слагались по образцу древней родовой и сельской общины. Это не исключает, конечно, того, что какие-то дружины гридей могли служить непосредственно князю, который мог их набирать самостоятельно, параллельно с дружиной гридей-«градников», горожан. И тут и там гриди, составляя категорию военных слуг, выполняли в мирное время административные и хозяйственные обязанности и в княжеском детинце и в городских гридницах.

Нельзя даже установить, подразумевался ли под грилями в «Повести временных лет» под 996 г. особый воинский отряд самого князя, что весьма вероятно, или же они составляли подсобную воинскую силу, которую князю предоставил город.

Значение грильбы как городского войска, подчиняющегося городскому самоуправлению, отчетливее выступает в истории Новгорода Великого, где наряду с развитием городского строя и слабостью власти князя больше сохранялись архаичные устои жизни славян; но то же значение грильбы можно проследить и в известиях о ряде других древнерусских городов. В Новгороде Великом, где находят даже здание «вечевой гридницы», эти гриди, возможно, представляли и мелких служащих типа клерков при городских гридницах, бывших, по определению Б. А. Рыбакова, своего рода «канцеляриями». Но таковы же могли быть их функции и в южных «княжеских» городах.

Как видно из летописного повествования о договоре Ярослава Мудрого (ПВЛ под 1015 г.) с Новгородом Великим о предоставлении князю нового воинского пополнения — гридей, эти гриди были частью новгородского войска. Распоряжаться ими князь не мог, хозяином гридей было, видимо, городское самоуправление; оно и согласилось послать их — за твердую оплату — с князем в Киев, в чем и сами правители Новгорода были заинтересованы. Причина же избиения до этого новгородской дружины князем лежала в столкновении между наемной варяжской дружиной Ярослава, бесчинствовавшей в городе, и новгородскими воинами, что привело к убийству варягов. Ярослав, опасаясь, по-видимому, что и его самого постигнет участь варягов, предательски истребил новгородскую дружины. Видимо, с помощью какой-то части войска, преданной ему (возможно, тех же варягов), во время конфликта он «собра вои славны тысячию, и, обольстив их, исече» (Новг. л. I, 174). Лишь необходимость вновь получить войско для борьбы с братом за киевское княжение заставила Ярослава опять прибегнуть к помощи города, каяться перед новгородцами «в безумье своем», а Новгород потребовал не только высокой денежной платы за каждого воина, но и ряд политических льгот городу, которые и были даны Ярославом после победы над Святополком.

Долгое сохранение термина «грилья», как можно судить по письменным источникам XV — XVI вв., в качестве собственного имени или фамилии-прозвища подтверждает в известной мере мысль, что этот термин мог быть обозначением какой-то многолюдной социальной

прослойки не только друдинников, но и прислужников при гриднице. Кроме того, нельзя быть уверенными, что это наименование всегда следовало транскрибировать с прописной буквы; оно, может быть, являлось просто обозначением профессии упоминаемого лица, а не собственным именем¹. К семантике слова «гридин» еще придется вернуться.

¹ В грамотах XV—XVI вв. упоминаются: Гридя попов сын Антомаков, Гридя Ярцев, Гридя Каликин, Гридя Черный (Срезневский, Мат-лы, т. I, 592). Неясно, профессия это или имя в сочетаниях такого рода, как и в тех, где Гридин стоит на втором месте, а имя че прикреплено ничем к определенному лицу более точно, например Васка Гридин, Иван Гридин. Но едва ли можно сомневаться, что это слово служит собственным именем в случае, когда профессия также упомянута: «Гридя, дьяк Борисоглебский, Макарий, дьяк Никольский» (Тип. л. под 1491 г., 207). (См. высказывания А. В. Маркова о названии дер. Гридина в Поморье.— А. В. Марков. Отчет о поездке в губернии Пермскую и Архангельскую летом 1909 г. СПб., 1911, стр. 72).

ПИРЫ, ИХ СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

«ОБЩИЕ МЕСТА» О ПИРАХ В ЭПОСЕ

Для хронологизации былин особенно плодотворно проследить в эпосе и в исторических источниках описание пиров, происходящих в гриднице, определить их общественное назначение.

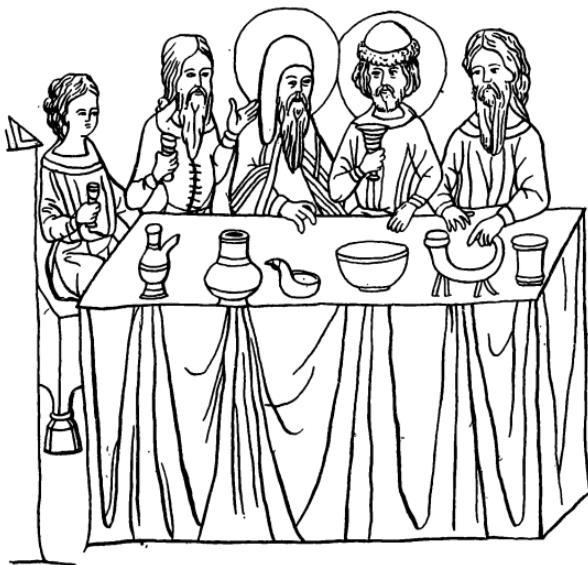
Пиры Владимира в эпосе — не только зacin былин, но зачастую и мотив, организующий сюжет, место завязки сюжета, а также кульминационных моментов в его развитии, иногда и концовка.

Это не случайно. Видимо, и сами былины как жанр были в какой-то мере «пирами песнями», исполнявшимися большей частью на пирах. Былины, в особенностях о свадьбах, о состязаниях, где почти все действие развертывается на пиру (в отличие от воинских, где оно, начавшись иногда на пиру, продолжается в «чистом поле», чтобы потом снова вернуться во Владимиров город), тесно связаны с пирами. Еще В. Н. Татищев, подметив эту их особенность, с большим основанием говорил о былинах как о «песнях же старинных о увеселениях Владимира»¹, а И. Н. Болтин определял их как «старинные песни, о пирах князя Владимира»².

Об архитектоническом значении картины пира в былинах писали многие их исследователи. Так, А. М. Ло-

¹ В. Н. Татищев. История Российской с самых древнейших времен, т. I, М.—Л., 1962, стр. 118.

² «Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным», т. II. СПб., 1788, стр. 60.

Пир у князя Изяслава

С миниатюры Сильвестровского сборника

бода в своем обзоре былевого эпоса отмечал, что «наиболее излюбленным и распространенным началом былины является картина пира... На этом пиру и завязываются узлы дальнейших событий. Пиром начинаются не только былины, связанные с именем князя Владимира, но и такие, как о Василье Буслаеве» (Лобода, 117). Аничков указывал: «Пиры Владимира и стали точкой отправления, местом встреч и местом подвигов наших „славных и могучих богатырей“» (Аничков, 157).

С наибольшей полнотой архитектоническое значение эпизодов пиров для былины как художественного произведения вскрыл А. П. Скафтымов: «Во всех сюжетах,— пишет он,— где появляется Владимир, былина всегда и неизменно застает его на пиру. Кто-то приезжает, кто-то уезжает, а у Владимира всегда пир во полукире, стол во полуустоле... Герой получает на пиру или задание на подвиг, или признание за подвиг... Пир дает удобную ситуацию для выделения героя... На пиру ставятся заклады великие, судят и предсказывают, отговаривают и опасаются, хващаются и соревнуются.

Святослав совещается с дружиной

С миниатюры рукописи Иоанна Скилицы

Помещая исход главного эпизода в обстановку пира, былина тем самым вводит его в атмосферу заинтересованности и взволнованных суждений и признаний» Скафтымов, 116—117).

Характерно, что описание пира сохраняется в памяти сказителей дольше всего из основного содержания эпоса и даже может послужить основой нового произведения. Таковы свидетельства последних десятилетий. Так, участники фольклорной экспедиции Пушкинского дома 1961 г. писали, что на средней Мезени «былины уже не поют и не пересказывают даже те, кто еще помнит их»; однако из шестнадцати записанных текстов многие представляли «небольшие отрывки о пире у князя Владимира. Как и на нижней Мезени, это наиболее запоминающееся место былин»¹. Сестра известной сказительницы Марфы Семеновны Крюковой, Павла Пахолова, сделала попытку сложить новую былину из «общих мест» эпоса. При этом она ограничилась «Пиром у князя Владимира», вставив туда пение на пиру «старин» про самого Владимира (БПЗ, 327, 328) и угадав, таким образом, историческую правду.

¹ В. В. Митрофанова, С. Н. Азбелев. Фольклорная экспедиция Пушкинского дома в 1961 г. СЭ, 1963, № 1, стр. 135. Тексты опубликованы в сборнике «Песенный фольклор Мезени» (Л., 1967, № 237—248).

Картина пира приобрела в эпосе чеканную, величавую форму, которая сама как бы вводит нас в его торжественную обстановку:

У ласкова князя Володимира
Было столованье-почестной пир,
На многих князьев и бояров,
На всю поленицу удалую,
На всю дружину храбрую,
Он всех поит, всех чествует,
Сам по гридне похаживат,
Белыми руками помахиват,
Могучими плечами поворачиват;
Сам говорит таковы слова:
«И кто меня, князя, есть славнее,
И кто меня, князя, есть выше,
И кто меня, князя, есть богаче?»

(Гул., 129)

То, что формула пира в былинах стала одним из «общих мест», очень существенно. Ведь архаика этих «общих мест» (или «типовидных мест», *loci communes*), помещаемых в подвижной текст, как уже говорилось, обуславливает наиболее достоверные исторические свидетельства в области материальной и духовной культуры.

В другом варианте Владимир говорит:

Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица богатая,
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне князю верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю Поленецкую...?

(Гул., 91)

В. П. Аникин, считая даже одной из «жанровых особенностей былин» эти формулы «привычного изображения некоторых повторяющихся из былины в былину ситуаций», в том числе «пирования в гридне» (Аникин, 168), и правильно указывая на древность «типовидных мест» в эпосе, не случайно приводит в качестве примера

именно картину пира, со ссылкой на летопись (Аникин, 172).

Хотя формулы пира, конечно, не встречаются повсеместно в былинах, они не только несут большую смысловую нагрузку, но и зачастую вставлены в поворотные моменты сюжета (например, при описании пира, на котором заключается у иноземного короля в былине о Василии Казимировиче решающий заклад о том, кто кому будет платить дань).

В концовках также присутствует более сжатая, чем в зачине, формула: как князь Владимир начал «пир сбить» для совершивших подвиг богатырей, которых он часто своевременно «не участвовал». Иногда такая концовка очень близка к сказочной: «Задал пир на весь крещеный мир» (БПК, 155), но есть и другие концовки:

И на том пиру вси расходятся,
И пир тот весь да нынь кончается.

(Г., I, 609)

Развернутая концовка напоминает обычное описание пира в зачине, но также со включениями из сказки. После многолетней разлуки Саул Леванидович встретился с сыном и женою:

И съехалися со царицою, обрадовались.
Не пива у царя варить, не вина курить.—
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешалися.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное сонце закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем старина и кончилася.

(КД, 181)

В отношении русского эпоса возможно предположить линию развития именно от кратких самостоятельных повествований о сборах в поход, о поединках, о пире и т. п., ставших затем «общими местами» в усложнившемся жанре былин. Такие типические эпизоды составляют, например, у казаков все содержание их былин, и едва ли правомерно видеть в этих произведениях только признаки распада жанра.

ФУНКЦИИ ПИРОВ

Описание пира Владимира в былинах обладает тем преимуществом перед всем остальным эпическим материалом для определения исторической его достоверности, что параллельное свидетельство дает «Повесть временных лет» под 996 г., включенная позднее в состав многих летописных сводов. Протограф «Повести временных лет» историки возводят к XI в., т. е. он синхронен или почти синхронен эпохе Владимира Святославича.

Постоянно возвращаясь к вопросу о соответствиях в эпических и летописных картинах пира, исследователи былин и историки прослеживали общность и расхождения в содержании и настроенности повествования как в целом, так и в отдельных чертах. Подводя итог всем высказываниям, известным в его время, А. В. Марков писал в начале нашего века: «...В общих чертах картина пира в стереотипном зacinе былин верна преданию XI в.; в ней сохранилось даже старинное название комнаты для пира — „гридница, гридня“ (БЧ, 63—64).

Однако надо отметить, что в эпосе нет такого налета христианизации, как в летописном рассказе, изложенном монахом-летописцем. Князь Владимир полностью лишен в былинах ореола благости и святости, а пир — значения благотворительности. Характерно, что пиры по случаю освящения церкви в какой-либо праздник, обычные в летописях, в былинах отсутствуют. Это служит одним из доказательств, что слагались былины или еще в языческий период, или тогда, когда введенное извне византийское христианство не успело пустить сколько-нибудь крепких корней на Руси. Иной, чем в летописях, и состав гостей в былинах, как уже говорилось. Таким образом, хотя пиры в эпосе издавна принято сравнивать со знаменитыми «пирами Владимирами», описанными в летописях, едва ли было бы правильно безоговорочно отождествлять их, как это иногда делается.

Пышные киевские пиры (носящие также название «беседа», «столованье», «почестный пир» и пр.) в гриднице князя Владимира не укладываются в эпосе, как и в исторической действительности, в рамки простого увеселения. Это или именно «почестный пир», т. е. в честь кого-либо, имеющего общественные заслуги, совершившего подвиг (военная победа, удачно выполненное дип-

ломатическое поручение и пр.), или своеобразное совещание князя, хотя и сопровождаемое пиршеством, со своей военной дружиной и другими советниками по какому-либо серьезному поводу. На пиру решаются вопросы войны и мира или ликвидации военной угрозы («Илья Муромец и Калин-царь» и другие сюжеты), причем дружины нередко непосредственно с пира направляются в бой. Здесь обсуждается отсылка или получение дани («Василий Казимирович и Добрыня», «Ставер» и другие сюжеты) с точным, типичным для древнерусских документов перечислением ее состава. Здесь же происходит прием посла и составляются ответные посольские грамоты и назначаются послы. На пиру в гриднице князь «накидывает», «накладывает» службу на отдельных богатырей, т. е. дает важное поручение, причем сложилась даже традиционная формула обращения Владимира к собравшимся: «Кто бы послужил мне князю верой-правдою?» (Гул., 91) или

И кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную?¹

(КД, 136)

На пиру же богатыри и докладывают о выполнении «заочных» поручений.

В гриднице заключаются и торговые договоры (например, с Соловьевым Будимировичем, которому Владимир разрешает торговать в Киеве «безданно-беспошлинино» в вознаграждение за щедрые дары). Здесь же организуется сватовство к далекой невесте для князя или дружинника, более напоминающее военную экспедицию, а в случае его успеха,правляется и свадьба.

Еще Л. Н. Майков сумел выявить основные, типические поводы для пиров; вслед за ним о функциях пиров высказывались почти все исследователи эпоса, но определения этих пиров как социального института, в зависимости от общетеоретических установок исследователей, были весьма неоднородными.

¹ В рукописи XVI в., по-видимому представляющей пересказ изустных эпических произведений, говорится о таком пословничанье богатырей: «У князя Володимера было храбрых богатыров много; и начат их посыпали по всем градом и странам, послы своя слати» (см. А. Соболевский. К истории русских былин, стр. 17).

Пир-совет

Одна из основных функций пирующих в эпосе — «совет», «дума» с князем. Совет князя с его окружением, через ряд этапов, восходит, конечно, к советам племен, а затем к общению вождя с воинами и родовой верхушкой в эпоху, переходную к раннеклассовому обществу. Что совет — одна из древних функций пиров, видно из названия пира — «беседа»: «Веселая беседа — на радости день» (КД, 113) ¹.

«Беседа» в издании 1938 г. сборника Кирши Данилова правильно объяснена как «собрание, общество» (297). С этим можно сопоставить объяснение М. Н. Тихомировым названия здания (или места). «Пасынчя беседа» в летописи («конец Пасынъче беседы». — ПВЛ под 945 г., 39) как места собрания дружиинников, так как слово «пасынок» он связывает с посвящением в дружиинники, с опоясыванием мечом (см. ДГ, 19).

Мотив пира-совета выступает в завязке сюжета ряда былин. Князь Владимир обращается иногда ко всем богатырям:

Ай же вы, русские могучие богатыри,
Подьте ко князю ко Владимиру,
На туу думу на великую.

(Р., 2, 105)

Иногда же князь Владимир просит одного Илью Муромца, как главу дружины, «думать» с ним о том или ином важном событии и даже снимает для этого с него опалу:

Гой еси, Илья Муромец,
Пособи мне думушку подумати,
Сдать ли мне, не сдать ли Киев град?

(КД, 119)

¹ Аналогичные по смыслу термины, означающие пир, в смысле собрание, в мужских объединениях Средней Азии XIX в. отражают, как указывает Г. П. Снесарев, «одну из характерных сторон этих собраний..., на которых широко обсуждались насущные вопросы общины — хозяйственные, военные, бытовые» (стр. 171). Такие термины есть и у ряда других народов.

Богатыри привычно обсуждают неотложные дела на военном совете:

Как сидят-то за столами дума думают,
Да как бы нам повыручить черниговцев.

(БПК, 274)

Пудожский сказитель Ремезов повествует о судебном деле, обсуждаемом богатырями на пиру,— о заточении в темницу Ставра:

Ну как недолго они тут думу думали,
Как недолго ёны тут советсоветовали.

(КД, 119)

«Важные стратегические и тактические вопросы решались на совещаниях князя с дружиной...,— пишет Б. А. Рыбаков.— Бывали случаи, когда дружины не хотела идти в поход, и тогда князь бывал бессилен» (ИКДР, I, 407).

Возможно предположить, что в XII в. бояре Рагуйло Добрынич, Михаль и Завид говорили не только от своего лица, но и от своих дружин, когда отказывались участвовать в походе князя Владимира Мстиславича, не узнавшего заранее их мнения; когда он послал за этими боярами, «являя им думу свою», они ответили: «...А собе еси, княже, замыслил. А не едем по тебе, мы того не ведали» (Ип., л. под 1169 г., 536).

В эпосе дружины богатырей считает своим неотъемлемым правом участие в совете с князем — «думе» и пренебрежение князя этим установлением вызывает ее недовольство и активный протест (см. выше). Конфликт князя с богатырями объясняется нередко ограничением совета только «князьями-боярами», в ответ на что богатыри покидают Киев.

Отказывают первоначально Владимиру в военной помощи, видимо, и городские низы,— презрительное название которых в былинах, проникшее из терминологии господствующих классов,— «голи кабацкие» и пр. В печорской былине «кабацкая подсушина» говорит князю: «Ты не с нами думу думаешь, с боярами» (Онч., 29).

В исторической действительности, в эпоху Киевской Руси старшая дружина составляла постоянный совет

при князе; младшую привлекали к нему, очевидно, только в отдельных случаях. Такому положению и противилась младшая дружина, что нашло отражение в эпосе. В X веке, судя по летописи, Святослав еще совещался со всеми воинами дружины, как и сын его Владимир перед крещением. Как идеал, такие отношения между дружиной и князем, внимательным к ней и привлекающим ее к совету, и отражены в «Повести временных лет» в известной фразе: «Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем» (ПВЛ под 996 г., 86) ¹.

Причины такого внимания ясны. Помимо пережитков военной демократии, действовали и новые побуждения. В квалифицированных, хорошо вооруженных воинах на Руси ощущался недостаток (как и во всей средневековой Европе); к тому же дружины, как уже упоминалось, имела право в любое время покинуть князя. Этим отчасти и обусловливалась требовательность дружины к соблюдению издревле установившихся норм, а в наемных дружинах — и условий договора.

Исследователи русского эпоса всегда придавали первостепенное значение думе князя с дружиной, причем они указывали, что богатыри очень чувствительны к утеснению своих прав. Еще Л. Н. Майков доказывал, что «по былинам, дружинники — и думцы князя, и постоянные его товарищи» (Майков, 67).

Любопытно предположение В. П. Аникина, принимающего, что «пиры киевского князя были своеобразной формой совещания князя с дружиной». «Великую вину» (как говорится в былинах) князя Владимира перед Ильей Муромцем, не позванным им на пир, Аникин видит в том, что Илья — глава дружины — оказывался,

¹ Летописи полны таких упоминаний о совете князя с дружиной, причем нередко в выражениях, близких к былинным. Владимир Мономах и его брат Ростислав во время похода «созваша дружины свою на совет, хотяче поступити через реку и начаша думати» (ПВЛ под 1093 г., 144); в другом месте: «И седе Святополк с своею дружиною, а Володимер (Мономах.—Р. Л.) с своею в едином шатре. И почаша думати и глаголати дружины Святополча» (ПВЛ под 1103 г., 183) и т. д. Д. С. Лихачев подчеркивает, что в словах Владимира I «Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем» и т. д. дана характеристика не личным свойствам «Владимира, а типичному для этого периода положению дружины» (ПВЛ, II, 349).

таким образом, лишенным возможности участвовать в решении задач государственной важности, что «и толкнуло Илью на резкие бунтарские действия» (Аникин, 101)¹.

С функцией совета связано в эпосе в известной мере и значение пиров как места суда. Здесь, в гриднице, во время пира, разрешаются не только мелкие конфликты, но князь ведет и своего рода судебное разбирательство. На пир в гридницу приходят к Владимиру его ловчие и огородники с жалобами на Чурилу; там решается судьба Соловья Разбойника; оттуда ведут заточить в «погреб» оклеветанного Илью Муромца; в гридницу же князь велит привести забытого в заточении Дуная и дает ему свободу с тем, чтобы он выполнил посильное для него одного поручение. На пиру затеваются «процессы» против Дюка и Ставра, причем их богатое имущество князь, видимо, стремится «описать», по мнению А. В. Маркова, в свою пользу, как это имело место в исторической действительности (см. БЧ, 46), и пир оканчивается для них иногда заключением в темницу.

После ссоры двух богатырей в шатре в «чистом поле» — Добрыни и Дуная — Илья Муромец как старший богатырь привозит их обоих в Киев к князю Владимиру — «ко гридне ко княжеское» — и говорит князю:

Рассуди у их да ты все разведай-ко,
Ише сеть-ко-се, князь, да ты на руськой стол,
Ты придумай-ко думу да нам веть крепкую,
Ишше дай-ко-се нам да слово тайноё,
Слово тайноё дай да не объявноё;
Я привёс как удалых их добрых молощоф.

(Гр., III, 101)

Не случайно ведь и в летописном описании пиров под 996 г. князь Владимир думает с дружиной на пиру и «о татах» (о наказаниях для разбойников). Судебное разбирательство в гриднице не было новизной. Эта тра-

¹ М. Н. Тихомиров, подкрепляя свою концепцию о живучести ветхого, «городского строя» в Древней Руси, пишет: «Люди гораздо чаще «думали» вместе с князем или без него, чем это обычно представляется в нашей литературе» (ДГ, 224). В другом месте своей работы (стр. 216) он приводит эталон разумного поведения князя, не пренебрегающего «думцами», — известный по «Слову Даниила Заточника».

диция идет еще от родовых советов доклассового общества. Но в былинах князь — уже верховный судья всей своей земли, а не только «судья своей дружины» (Майков, 63).

Почестный пир

Наиболее обычен для былин почестный пир, устраиваемый «за честь» (БПК, 108), «на» кого-либо или «для» кого-либо. Во многих былинах князь Владимир говорит богатырю, что станет для него «пир сбирать». «Тут для Алеши и стол пошел» (КД, 135); в другом тексте пир собран «на три брата названья» — «светорусских богатырей» — того же Алешу, Добрыню и Потыка. После ссоры с Ильей Владимир на другой день «вздернул» для него пир (БПК, 288).

При этом почестный пир легко переходит в свадебный. В том же тексте былины о Потыке богатырь просит Владимира:

Гой еси, ласковой сударь Владимир-князь!
Хотел было сделать пир простой
На три брата названья,
А ныне для меня одново
Доспей свадбенный пир веселой,
Для Потока Михаила Ивановича!

(КД, 151)

Дунай присоединяется к свадебному пиру Владимира, привезя в Киев свою невесту: «Во том же столе столовати стал» (КД, 76). В записях «гисторий» в XVIII в. освобожденные богатырем черниговцы «привели Илью Муромца во светлу полату белокаменну, и сотворили ему великой пир» (Аст., Б-ны, 129).

Отметим, кстати, что обычай «почестных пиров» отражен и в древнерусской литературе. О таких пирах часто упоминается в летописи. Таково, например, лукавое приглашение Ольгою древлянских послов: «Зоветь вы Ольга на честь велику» (ПВЛ под 945 г., 41). И. Н. Жданов находит соответствие былинам в повести о Вавилоне, где рассказывается о почестном пире, даже в сходных выражениях: «...Сотвори царь пир на князи и

на бояра и на велможы и на оных трех мужей» (Жданов, 28). Очевидно с почестными пираами связана бытовавшая еще в XIV в. формула — позвать кого-либо к себе «на честь».

Почестные пиры в былинах устраиваются также для занявших новую должность у князя: гости «допьяна напивалися для нового стольника Чурило Пленковича» (КД, 116). Особое место занимают почестные пиры для послов и даже для особо важных пленников:

...У великова князя
Ради посла было пирование почестное
На великих на радостях.

(КД, 96)

Пленного царя Афромея Владимир встретил:

...честно-хвально и радошно,
Посадил ево за столы дубовыя.
Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.

(Там же, 104)

В эпосе, как и в исторической действительности, «почестные пиры» легко обращаются в свою противоположность — западню для намеченной жертвы, средство осуществить коварный умысел князя. «Княженевски пиры злы омманчивы», — говорится в былине (Онч., 124). Мотив пира-западни особенно отчетливо выступает в былине о Даниле Ловчанине (в других вариантах — князе Борисе), которого жена предупреждает об опасности пира у князя Владимира, куда его зовут:

Не велела бы я тебе, да князь Борисюшко,
Во Киев-град да в гости ехати,—
Ни на добро зовут тебя да чостуют,
На гибель, на смерть на скорую!

(Кр., II, 13)

На пиру гибнет и Идолище, хотя в данном случае Алеша Попович действует не по замыслу князя и, кроме того, против врага Руси; Б. А. Рыбаков видит в этом эпическом мотиве исторически известное убийство Итла-

ря (см. ДР, 109—110). Русские летописи запечатлели зловещую атмосферу таких пиров-западней (см. повести о Ростиславе Полоцком¹, о Васильке Теребовльском).

Пирсы сопровождались военно-спортивными состязаниями со всевозможными «закладами» — пари (Дюк и Чурило, князь Владимир и Иван Гостиный сын, Дунай и Настасья и др.), которые были своего рода испытанием воинских качеств участников пира.

Таким образом, функции пиров в эпосе, как и в летописях, очень разнообразны и многосторонни, а гридница, в которой они происходят, — центр общественной жизни Киевской Руси.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ПИРА

Весьма неоднороден в различных вариантах былин состав участников пира, хотя первоначальное их ядро выявляется легко. Вместе с князем Владимиром, богатырями и «князьями-боярами» во многих вариантах пируют люди самого различного общественного положения. Однако это в значительной степени обусловлено социальными симпатиями самих сказителей, так как каноническая формула пира содержит значительно более узкий состав: богатыри (под этим и другими наименованиями — дружина, поленица), князья и бояре, иногда — гости торговые. Примечательно, что в текстах XVIII в. «Сказания о трех богатырях» упорно повторяется такой же состав:

Во столном было граде Киеве,
У великого князя Владимира
Было пированье почестное на многия князи и бояря
И на силных, могучия богатырь...

(Аст., Б-ны, 148)

¹ Князя Ростислава Мстиславича жители города Полоцка — «полоцане» пригласили на братчину, чтобы убить его там; Ростислав узнал об этом и предусмотрительно надел на себя броню «под порты», — и «не смеша на нь дързнути» (Ип. л. под 1159 г., 495). О том, что в городской гриднице был устроен пир-совет, говорит отказ князя вторично встретиться с горожанами, так как все «речи» должны были быть сказаны на пиру (см. ДГ, 127). Этот летописный эпизод свидетельствует, кстати, и о том, что княжеские пиры и пиры городской выборной организации сосуществовали в Киевской Руси.

В былине о Ставре, также в записи XVIII в., на пиру, кроме того, присутствуют «и мужики торговые» (Аст., Б-ны, 198).

В классических текстах Прионежья, Западной Сибири, даже Поволжья, записанных в середине прошлого века, когда текст меньше поддавался модернизации, та же формулировка очень устойчива:

У ласкова князя у Владимира
Заводился пир на вёселе:
Собралися князья, бояра,
Сильные могучие богатыри
И вся поленица удалая.

(Гул., 67)

Иногда богатыри заменены дружиною в древнем смысле воинского объединения; например, пир — «на всю дружину храбрую» (Гул., 129).

Значение же слова «поленица» было основательно забыто сказителями, и поэтому в текстах появляются то «злые паленицы да преюodalыи» (Онч., 161), то «поленица богатая».

В олонецких записях Гильфердинга пир, кроме перечисленных категорий участников, собран и «на всех зашлых да добрых молодцов» (Г., I, 542), для «всех гостей приходящих» (Т. — М., II, 250). В любопытном фрагменте былины в анонимной записи, помещенном в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве», сказитель начала прошлого века незаметно для себя заменил в начале отрывка упоминание бояр на слишком знакомых ему «бар»:

Во славном городе Киеве
У князя у Владимира,
У солнышка Святославича,
Было пирование почетное,
Почетное и похвальное,
Про князей и про бояр,
Про сильных могучих богатырей,
Про всю поляницу удалую.
В пол-сыта баря наедалися,
В пол-пьяна баря напивались.

(Предисловие
к «Слову о полку Игореве», 2).

К этому основному контингенту присоединяются чаще других «гости торговыи» (Мил., 179), просто «купцы» (там же), «купцы торговые» (Г., II, 162), корабельщики (Кр., I, 77), «мужики посадские», «мещане городовые» (Онч., 321) или «пригородные» (там же, 102). т. е. городские категории населения. Во многих записях в состав пирующих входят и крестьяне: черные пахари (Кр., I, 77), «все мужики деревенские» (Г., I, 162), «крестьяне-мужички богатые» и «небогатые» (Т.—М., II, 204), «хрестьянушка прожитосьни» (Мил., 174), рыболовы (Кр., I, 77), «бурлаки», «сироты» (возможно, в древнем значении крестьян или же нищих), «калики» (Гр., III, 6), «казаки» (там же). В различных комбинациях с ними встречаются в вариантах былин и другие участники пира, причем своим появлением многие из последних персонажей явно обязаны индивидуальной фантазии сказителя (перечень участников пира см. в работе П. П. Ухова «Типические места...»). Наиболее же развернутый и пестрый состав пирующих вводится сказителями, отличающимися наибольшей склонностью к импровизации и внесению в традиционные сюжеты и мотивы личного творчества: у Щеголенка, у М. С. Крюковой и др. Кроме того, эти сказители указывают даже, чем каждый из пирующих хвастает соответственно своему социальному положению (см. Т.—М., II 204; Кр., I, 77 и др.).

В одной из поздних записей пир собран для приезжих из разных земель: «Со всех-то он краёв, со всех крайчиков» (БПК, 288). Любопытно, что некоторые сказители учитывают, у кого именно собран пир, и, применяясь к этому, определяют состав гостей (см. о пире у Леонтия Ростовского.—Онч., 301).

ПРИВОРОТНИКИ И ПРИДВЕРНИКИ

Вопрос о характере пиров князя Владимира постоянно привлекал внимание фольклористов и историков Древней Руси, и каждый из них решал его в зависимости от своих общих концепций.

Идеализация и архаизация эпохи Киевской Руси О. Ф. Миллером, как и многие другие его славянофильские положения, вошли в свое время в учебную литературу.

туру и стали восприниматься по инерции в течение длительного времени (в некоторой части даже и сейчас) как аксиома.

Нащупывая древние общинные моменты в пирах Владимира, О. Ф. Миллер воспринимал архаичную форму пиров как их суть. (В этом он солидаризировался с Ф. И. Буслаевым, который также принимал эпические пиры в былинах и летописи за точное отражение исторической действительности: «...Пиры Владимира на весь народ,— писал он,— о которых свидетельствует Нестор». — Буслаев, 118).

О. Ф. Миллер упорно рисует образ «настежь открытой гридни» для всех киевлян и приезжих. «Гридня его столовая — это какое-то сборное место, вечно открытое всем и каждому» (О. Миллер, 326). Как всегда, смешивая былины с летописью, он привлекает выражение летописца, что пиры в гриднице могли идти не только в присутствии князя, но и без него, как доказательство, что в былинах доступ в гридницу был совершенно беспрепятственным. В основе этого утверждения лежало стремление обосновать свою концепцию о всесословном единении в Древней Руси.

То же противопоставление Киевской Руси царской России делали по-своему и сказители в начале XX в.: «Раньше было все вольно, и князь Владимир, виши, пиры разводил, всех приглашал, а царь уж этого не делал» (БПК, 31). Между тем то, что приезжие богатыри действительно находят путь в гридницу князя и идут туда уверенно, в эпосе представляет, вероятно, отголосок одного из древних назначений общественных зданий, к которым принадлежала некогда и гридница,— гостевого помещения, где каждый приезжий мог найти приют. Главное же, в эпосе Владимир «ищет» богатырей для воинской «службы» в Киеве, потому и охотно допускает к себе приезжих воинов.

Общественный мужской дом с функциями гостевого помещения и княжеское дворцовое здание для дружины — две стадиально различные формы одного и того же социального явления, но в эпосе они сосуществуют без хронологической перспективы.

Но во двор и во дворец Владимира в былинах не так-то уж легко попасть. Вооруженная стража стоит и при воротах, запирающих «стену городовую», которой

окружен Владимиров город, и при дверях гридницы; это «приворотники» и «придверники»— персонажи, настолько же постоянные в былинах, как «стольники» и «чашники» на пиру в самой гриднице.

Приезжий богатырь должен был вступать со стражей в переговоры:

И спросил он у ворот приворотников,
И спросил он у дверей придверников.

(Гул., 58—59)

Иногда те даже идут с докладом в гридницу:

И приехал он на княженецкий двор,
Приворотники доложили стольникам,
А стольники князю Владимиру.

(КД, 151)

Стража иногда сопровождает приезжих: «караульнички, приворотнички» проводят сами приезжих «во грины княженеские» (БПЗ, 347).

Таков нормальный порядок, но большей частью он нарушается для усиления драматического звучания текста былины.

Приезжий богатырь попадает на «широкий двор» князя, перескочив на коне через стену городовую, минуя гравратную стражу:

...не спрашиват
У ворот приворотников,
Едет прямо через стену городовую,
Через ту башню наугольную.

(Онч., 86)

В записи XVIII в. «гистории» об Иване Годиновиче он разбивает ворота оружием, т. е. берет эту преграду как крепость: «Как будет Иван Годинович под городом Черниговым, у ворот приворотников не спрашивал, а у дверей придверников, но ударил он в ворота стеколчные копьем своим, воротечка скочили серед двора и раскололися, и вереи пошаталися, тынинки все повалились» (Аст., Б-ны, 195).

Попав во двор, богатырь игнорирует и внутреннюю охрану — придверников:

Он не спрашивал у дверей придверничков,
У ворот приворотничков.
Он идет в гридню светлую.

(БПЗ, 191)

В этом случае он обычно также «не привязывает» и «не приказывает» никому коня во дворе.

В основе этой ситуации лежит или молодечество богатыря, или крайняя спешка, вызванная важными обстоятельствами, а у вражеских иноземных послов — стремление показать пренебрежение к хозяину.

Во всяком случае, если стражи почему-то нет в воротах и дверях княжеского замка,— это какое-то искажение в варианте былины или пропуск в ней¹.

Вооруженную стражу дворца в былинах составляют молодые богатыри-слуги, соответствующие, видимо, летописным «гридям», «отрокам».

РАСПОРЯДИТЕЛИ ПИРОВ

В эпосе князь Владимир является хозяином пира, исторически — преемником родового старейшины, может быть в недавнем языческом прошлом и жреца. Такая роль его в былинах понятна. Но иногда в некоторых вариантах былин видно, что распорядителем пира становится оттесняющий Владимира в эпосе фактический вождь военной дружины — Илья Муромец. Именно он определяет, когда начать и когда кончить пир перед походом², иногда даже иронически требуя ухода князя

¹ Кроме того, простота быта во дворце может быть в былинах не признаком старины, а, наоборот, влиянием условий позднейшего бытования былин. Ведь и в волшебных сказках не историческое же воспоминание представляют такие бытовые черты, когда, например, царь приказывает дочери: «Жарь жареху!» (поджаренная мелкая рыба — обычное блюдо на Нижней Волге, где записана сказка).— Запись Р. С. Липец в с. Камызяк Нижневолжского края в 1930 г.).

² Когда Владимир через три дня, проведенных богатырями за пиршественным столом, напоминает им, что пора ехать в поле, Илья Муромец говорит: «Мы без тебя-то знаем, без тебя ведаем» (М., 134).

из гридницы к княгине Апраксии; он принимает и представляет собравшимся приезжих (Дюка, например, или молодого Добрыню), разбирает конфликты между участниками пира. Иными словами, в этой довольно часто встречающейся ситуации в былинах можно видеть в известной мере отголосок процесса вытеснения родовой верхушки военными вождями, свойственного более ранней эпохе — военной демократии, следы которой очень сильны в эпосе.

В данном случае особый интерес представляет отражение в этих смутных эпизодах былин какой-то организационной структуры пира, имевшейся в исторической действительности и находящей аналогии в этнографических данных.

Организация общественного пира имела формы, выработанные столетиями, если не тысячелетиями. Они слабо известны по княжеским пирам в Киевской Руси, но отдельные черты зафиксированы для пиров-братчин, во многом более архаичных, чем остальные пиры, но имеющих общее с ними происхождение. А. А. Попов в своей работе неоднократно подчеркивает близость пиров и братчин и на основании этого выявляет общие для тех и других установления.

В Псковской судной грамоте, которую Попов привлекает в своем исследовании, он находит руководящих пиром лиц: «пирового старосту», «пирового государя». «Пировой староста» облечён властью разбирать конфликты на пиру¹. Попов упоминает и об устойчивости обычая избирать распорядителей пира в крестьянской среде в XIX в.

К этому можно добавить, что в древнерусской переводной литературе встречается слово «пирник» в значении хозяин, устроитель пира (Аничков, 35), слово «дом пировный», т. е. специальное здание, где происходит пир («Слово Дан. Заточника», 22).

¹ См. в Псковской судной грамоте: «А у которого псковитина у какова учинится татба... в пиру, ино в (к? — Р. Л.) пировому старосте, или пивцам явити, а государю пировому... нет» (ПСГ, 9). «Из приведенного постановления,— пишет Попов,— видно, что были пировые старости, государи, обычай, сохранившийся и до настоящего времени: на братчинах избираются старосты, которые распоряжаются пиром» (Попов, 32).

МЕСТА НА ПИРУ

Для эпического пира характерно размещение гостей за разными столами («передними», «средними» и «окольными») или в определенной последовательности за одним столом. «Не дошло тебе от князя место доброе?»— спрашивают богатыря, уходящего с пира недовольным (Гул., 92), «Верно, мистичко тебе было не по разуму?» (БПК, 387).

Обычно в фольклористике эти мотивы связывают с московским местничеством, так как иногда место на эпическом пиру дают «по изо(т)чёству, по именю» (КД, 130). Однако в Киевской Руси, к которой следует отнести время сложения былин как особого, уже оформившегося жанра (первоначально известного в какой-то, может быть более простой, форме и в IX в.), этот обычай вполне мог иметь и самостоятельное значение. Старшая и младшая дружины и другие участники пира и в Киевской Руси должны были, видимо, размещаться в каком-то устойчивом порядке, причем первые занимали место за столом князя, а вторые—за «середними» и «окольными» столами (на что было обращено внимание еще А. В. Марковым (см. БЧ, 64)).

Богатырям в эпосе на пиру отведено особое место, причем не всегда самое почетное (место напротив себя, например, князь предлагает богатырям в виде особого благоволения, милости; в этом случае Добрыня говорит: «...Как место мне-ка было первое».— БПК, 289). Об Алеше Поповиче говорится:

Тут ставаёт удалой да доброй молодец,
Из того же из угла да из переднего,
Из того же порядку да богатырского,
Из-за того же из-за стола середнего,
Как со той же со лавки, да с дубовой доски.

(Онч., 23)

В колымской былине: «От сэрэнного стола да колесом... пошел, швет по имени Данилушко Игнатьевич» (Шуб, 224).

В другой былине для богатыря предназначено также «место середнее» (Гул., 92). Иван Гостиный сын «выступает»

Из тово стола княженецкова,
Из той скамы богатырская,
...И скочил на свое место богатырское.

(КД, 48)

В другом варианте о нем же сказитель говорит, уже забыв смысл определения и играя художественным приемом отрицательного параллелизма, что тот выходит

Не то было из места не из большего,
Не из среднего, не из меньшего, с дубовой скамьи.

(Гул., 140)

Приезжих богатырей, не известных князю и никому из присутствующих, сажают на «непочетное» место. Узнав же в приезжем прославленного Илью Муромца, Владимир спешит исправить ошибку и предлагает ему на выбор любое из мест за столами. То, что богатыря сажают на неподобающее ему место, часто в русском эпосе служит причиной конфликта между ним и князем Владимиром.

Еще более «непочетны» были места для паробков — богатырских слуг-оруженосцев. Паробки, дети боярские, отроки были младшими не только по положению в дружине, но и по возрасту; поэтому Илья Муромец и говорит князю, что тот посадил его с «воронятами». Скоморохов же и вовсе сажают «по-край зáпеши» (БПК, 223).

Исторические корни строгого и нерушимого порядка размещения участников пира очень глубоки, они уходят еще в доклассовое общество. Известно, что в определенном порядке рассаживались участники общественных пиров в различных «мужских домах». Принцип размещения мог иметь разную основу¹. Важно, что в русском эпосе руководитель пира в гриднице — князь может уже

¹ Г. Шурц, например, сообщает о порядке размещения членов мужского дома у южноамериканских индейцев бороро: «Каждый имеет определенное место: кто живет рядом с рекой, сидит в углу, обращенном к реке — и каждый сообразно местонахождению дома ближайших родственников» (Шурц, 105—106).

В мужских объединениях Средней Азии члены их на пиру также должны были не только занимать определенное место, но даже сидеть в определенной позе, иногда повторяющей ту, которую принял в этот момент руководитель пира; последнее имело, видимо, целью выработку дисциплины (см. Снесарев, 187).

нарушать установленный порядок, предлагая гостю место или выбранное для него самим князем или любое другое.

Довольно устойчив в былинах мотив испытания силы впервые приехавшего в Киев богатыря, для чего ему предлагают потеснить сидящих за столом остальных богатырей, чтобы самому получить место на пиру. Так, Илья Муромец, пришедший в гридницу под именем Никитушки Залешанина, добывает по предложению Владимира этим способом себе почетное место, причем он жмет богатырей до «красного соку»— до крови:

Зашел Илья Муромец с коннинчка,
Пожал он всех князей и боярь
И сильных могучих богатырей:
Учтился он супроти князя Володимира.

(Кир., 1, 39)

Этот мотив, смысл которого уже затемнен обычно в записях XIX—XX вв., еще явственно выступает в записи XVIII в. сюжета об Илье Муромце и Соловье Разбойнике («черниговская версия», по Астаховой.— См. Аст., Б-ны, 25, 26): «И князь Володимер еще не уверяетца, что он (Илья Муромец.— Р. Л.) силной могучей богатырь. Сажал всех за столы за дубовыя, за скатерти за браные, за есты сахарные, и все богатыри сели по своим местам, а Илье Муромцу князь Владимир приказал выбрать место, где похочет. И все изведывает силы ево Муромцовои..., для тово велел ему выбирать место между сильных богатырей. А Илья выбрал креслы, что ни луччия, подле князя Владимера и стал на них садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а он пожал с конца и до другово конца инова богатыря между кресел мертвова и поломал все решетки железныя. И князю Владимеру все это в досаду не кажетца, все это приемлет за великое щастие, что такой силной могуучей богатырь в славном Киеве граде проявляетца» (Аст., Б-ны, 136). В том же тексте и конь Ильи Муромца отогнал от корма всех других коней, что вообще в былинах служит средством испытания силы самого богатыря.

Любопытно, что Г. Р. Державин в своей драме «Добрыня», близкой по времени написания к записям

былин XVIII в. (1804 г.), также вводит этот эпизод; в ремарке он пишет, что Добрыня, «пришедши к концу одной скамьи, присел и подвинулся, отчего сидящие на ней богатыри попадали, а с другой (скамьи.—Р. Л.) вскочили упавших подымать» (Державин, IV, 86).

В аналогичном шенкурском варианте XIX в. Илья Муромец, подвинувшись на отведенном ему месте,

Поломал он скамьи да дубовыи,
Он погнул сваи да железныи.

Однако поломка свай в этом варианте вызывает даже недовольство князя Владимира, так как мотив испытания силы приезжего богатыря забыт:

Погнул ты у нас сваи, да все железныи:
У меня промеж каждым богатырем
Были сваи железныи,
Чтоб они в пиру да напивалисе,
Напивалисе да не столкалисе.

(Кир., 1, 85)

Что это за «сваи» и «решетки» — непонятно; может быть, это смогут прояснить археологи или историки.

В поздних записях былин смысл «испытания силы» забыт. Владимир сам предлагает гостям подвинуться, чтобы дать место Илье Муромцу, и те слушаются:

А вы-ка ище нуньку да подвиньтесь-ка,
А дайте-ка Ильи вы мистичка.

(БПК, 195)

Старики так же «пораздвинулись», чтобы дать место у печи и Добрыне-скомороху, т. е. в сюжете, где мотива «испытания силы» никогда и не было (там же, 223).

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПИРА

Для пира в былинах типично, что он начинается рано — очевидно, с утра — и тянется много часов подряд, а иногда возобновляется и в следующие дни. Это действительно «пир продолжительный» (БПК, 225 и др.)

Можно наметить четыре группы эпических пиров: пир длится один день, три дня, двенадцать дней, месяц.

Наиболее обычен пир с утра до вечера, что стало одним из «общих мест» былин, с разными вариантами:

Будет день в половине дня,
Будет пир во полуторе.

(КД, 47)

А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полуостоле.

(Там же, 68)

Так же лаконична формула и о завершении пира к «закату», «западу» солнца, когда пир идет «под конесь» (Мил., 103). Однако часто пир затягивается допоздна, он в разгаре («навесели») только к вечеру («навечери») (см. Аст., Б-ны, 184, 194).

Как пир идет у них навеселе,
А день идет ко вечеру,
Красно солнышко идет да ко западу.

(Т.— М., II, 208)

Когда «солнышко катится ко западу», «княженечская радость о полурадости» (Онч., 52).

Развернутая формула длительности пира включает в себя и другие характеристики состояния гостей, кроме веселья: степени их насыщения, опьянения. Очень полна и художественна эта формула в текстах из собрания С. И. Гуляева:

Во славном во столном городе во Киеве
У ласкового князя Владимира
Было пированье — почестной пир,
Было столованье великое.
Собиралися все князья и бояры,
Могучие, сильные богатыри,
Вся их поленица удалая.
День-то стоял со полудня,
Стол-то стоял во полуостолье,
Сладкие кушанья в половине кушанья,
Белая лебедь в половине рушанья.

Гости напиваются «во полупитье», наедаются «во полуwyти» (Гул., 140). В тексте былины об Иване Горденове к описанию «полупира» добавлено: «Да князь от Владимир о полуухмеля» (Онч., 314).

Трехдневные пиры в былинах встречаются нечасто; так,

У солнышка у князя Владимира
Пированьице идет по третий день.

(Р., 2, 55)

Продолжается «почесен пир трои суточки» в печорской былине о детстве Добрыни (Онч., 259) и т. д. В поздней записи былин есть и пир «на четыре дня» (БПК, 127). Упоминания о двенадцатидневном пире в былинах также единичны; так, пир «на 12 ден» устроен у князя Владимира для Василия Игнатьева (Г., I, 609).

В одной и той же печорской былине пир тянется неделю у Данилы и месяц у султана (Онч., 273—274). В «лужской» былине, записанной С. И. Гуляевым от Е. П. Быкова, пир у Владимира «на тридцать дней» (Памятники, тетр. II, 150).

Многие исследователи былин без колебаний относили упоминания в них о многодневных пирах за счет эпической гиперболизации, тем более что длительный пир типичен для эпосов разных народов. Соображения такого рода о художественной специфике эпоса не лишены основания, но не следует забывать, что многодневные пиры в Древней Руси действительно имели место (см. в летописи под 996 г. о восьмидневном пире по случаю освящения церкви Преображения в Василеве в память избавления от печенегов). Широко известны такие пиры и по этнографическим данным у русских еще в XIX—начале XX в., когда престольные праздники (а значит, и пиры) в деревнях продолжались по три дня, а свадьбы — и больше.

СКЛАДЧИНА НА ПИРАХ

В былинах отражены два принципа распределения расходов по устройству пира. На княжеском пиру, несомненно, Владимир «поит и кормит» сам гостей у себя в гриднице; на пирах новгородских городских братчин господствует складчина. Эти два принципа принадлежат разным общественным установлениям, и хотя исторически братчина древнее, в Киевской Руси они сосуществовали. Исследователи института общественных пиров у разных народов отчетливо выявляют три этапа в их развитии: складчина, устройство пиров всеми членами сообщества по очереди, пир в доме вождя. Промежуточные, переходные формы между общинной складчиной и угощением в доме властителя характерны для периода становления раннеклассового общества¹.

Складчина была, конечно, не наиболее древней формой организации пиров, так как в родовой общине, где все запасы составляли общее достояние, она была не нужна. Но складчина более архаична, чем угощение в былинах богатырей в княжеской гриднице, сопровождаемое одариванием их, а в летописи — и раздачей припасов и «кун» населению на княжеском дворе.

Не случайно складчина сохранена в былинах, посвященных жизни горожан, в том числе и их общинам-братчинам (откуда и название пира), а не парам в княжеском детинце, обитателей которого связывала лишь служба у князя; происхождение этих людей из разных земель Руси, а отчасти и из других стран, переходы дружиинников от князя к князю создавали значительную пестроту состава участников княжеских пиров.

Характерно, что организация пиров территориальных (приходских) или пиров ремесленных, торговых

¹ Так, Ю. А. Андреев отмечает, что участники пира во дворце в «Одиссее» еще в виде складчины сами доставляют для пира скот и хлеб, сами же готовят пищу. Далее он сравнивает гомеровские пиры с потлачом североамериканских индейцев (см. Андреев, 40).

Г. П. Снесарев на среднеазиатском материале прослеживает, что пир во дворце — «позднейший вариант очень древнего и сложного социального института» (Снесарев, 157).

братчин-корпораций, цементировавших отдельные ячейки городского населения, оставалась замкнутой, и вследствие этого складчина (или, может быть, единый взнос — «ссыль» при вступлении в братчину), о чём говорится в новгородских былинах, была естественной и легко осуществимой.

И будет во Нове-граде
У тово ли Николы Можайского,
Те мужики новогородские
Соходилися на братшину Никольшину,
Начинают пить канун, пива ячныя.

Садко просит их:

...Примите меня во братшину Никольшину,
А и я вам ссыль плачу немалую.

(КД, 187)

С этим следует сопоставить указание А. А. Попова, что участники братчины назывались «сыпци» и «братьчики» (Попов, 34). «Братские» пиры носили также название «ссыпщина», «складьба».

Организация же княжеских пирам, наоборот, как бы нивелировала в принципе всех горожан в Киеве, взламывала эту общинную замкнутость; потенциально в княжеских пирах могли участвовать все «кыяне» горожане. В особо торжественных случаях князь (не нарушая ограниченного состава постоянных участников еженедельных своих пирам) призывал, как уже упоминалось, на пир всех жителей города (хотя и отделял их от постоянно пирующих с ним). В таких условиях складчина на княжеских пирах становилась невозможной.

Пиры-братчины в новгородских былинах о Садко и Василии Буслаевиче известны хорошо, но можно напомнить два основных мотива, связанных с ними: участники их должны внести свою долю каждый; незваным на пир являться нельзя. Конфликт Василия Буслаевича с устроителями пира-братчины вспыхнул именно из-за нарушения его дружиной последнего правила; даже «ссыль немалая», внесенная им — видимо, насилино — за себя и дружину (что имеет место в неко-

торых вариантах), нигде не смягчает возмущения старейшин — «настоятелей»¹.

В новгородских былинах эти «братские» городские пиры сохранились устойчиво. В Новгороде, где власть князя была всегда слаба, а затем ее сменил республиканский строй, естественно, сохранилась, как доминантная, древняя форма общинных пиров, с их «ссыпью» и руководством «старцев», хотя сама община уже претерпела, конечно, радикальные изменения. В былинах запечатлелась и двойственность названия «братчина»: как наименование и объединения определенной группы горожан, обычно имевших уже свою патрональную церковь («братчина-никольщина» в былине о Садко, членом которой он стал), и самого пира (в былине о Василии Буслаевиче).

Мысль о том, что в новгородских былинах «картина именно братского пира принадлежала к древнейшему составу былины», высказывал И. Н. Жданов («Рус. был. эпос», 210). Братчины, по-видимому, были архаической основой и княжеских пиров.

Замкнутость корпоративных пиров в исторической действительности была на Руси настолько твердо установлена обычаем, а архаические корни этого были настолько глубоки и крепки (так как для всех форм общины характерна именно замкнутость, противопоставление всем другим общим), что для «братчин» долго делали всевозможные исключения из общих новых правил, складывавшихся в Русском государстве, даже в XIV — XVI вв. В отношении их щадили остатки самоуправления, беспощадно преследуемые в других областях жизни. Даже представители администрации не могли по своей инициативе проникать на эти пиры, что отразилось в уставных жалованных и судных грамотах, образцы которых были подобраны А. А. Поповым: «В некоторых жалованных грамотах говорится: «в

¹ В этом, может быть, следует видеть отголосок борьбы за власть между феодальной аристократией Новгорода и организациями самоуправления торгово-ремесленного города, носившими то же название, что и их пиры — «братчины». Эта борьба и привела к вооруженному столкновению между двумя соперничающими общественными силами. Характерно, что в былине оно завязывается под прикрытием древних традиционных состязаний, сопровождавших пиры.

села по празнику и по пирам и по братчинам никому незваным не ездити»; «на пиры и в братчины и о праздницах незваны пить не ездят и не ходят никто»» (Попов, 35).

На пирах же, устраиваемых в былинах Владимиром, прямого запрета, собственно, ни для кого нет. Что гостей — две категории, уже говорилось, но в принципе князь на своем пиру кормит и поит весь город (а иногда даже и сельских жителей). В этом, по нашему мнению, отражены уже новые — государственные нормы древнерусской жизни. Поэтому так легко сказители и помещают на княжеских пирах все социальные слои Киевского государства, не думая о дроблении населения на мелкие замкнутые группы, в том числе и братчины, примешивая сюда и более поздние социальные категории.

В то же время большое число пирующих в гриднице князя (вмещавшей, по источникам, до четырехсот человек), относительная свобода доступа на эти пиры для остальных киевлян и весь строй этих пиров могут говорить и о другом: о неизжитых полностью традициях доклассового общества, о переходном характере эпохи Владимира I. Конечно, в эпосе, в каких-то частях сложившемся, несомненно, еще в довладимирово время, эти традиции выступают ярче, чем в действительности X—XII вв.

Отдельные слабые следы складчины, может быть, все же возможно обнаружить и в княжеских пирах в некоторых вариантах былин. Внимание многих исследователей былин привлекал спорный эпизод в былине о молодости Чурилы, когда он приезжает служить в Киев и Владимир посыпает его приглашать гостей на пир, причем «зватова приказал брат со всякова по десяти рублев» (КД, 115). Это «зватое» исследователи считали то «почетным подарком Чуриле», то взносом за участие в пиру Владимира, устраиваемом якобы «на таком обычном у нас в старину основании, как «братчина-складчина», так как предполагалось, что богатства Владимира могло не хватить на постоянные пиры (Квашнин-Самарин, I, 80; О. Миллер). Но «всенародные пиры» были редкими, а кормить своих дружинников князь все равно должен был. Этот эпизод со «зватым» в русском эпосе стоит изолированно.

В поздних записях, однако, есть и термин «зазывальщик» (БПК, 85), и характерный упрек «невежище», за- бравшемуся на пир к Владимиру «не зван да... и не приказыван» (там же, 208). В летописи упоминаются позовщики — бирючи и подвойские, оповещающие всех горожан о пире, устраиваемом по поводу важного со- бытия, в котором те могут принять участие, но о склад- чине, конечно, в данном случае не может быть и речи (см. Ип. л. под 1148 г., 369)¹. Однако возможно, что о складчине говорит одно место летописи о пире, устро- енном в XI веке братьями-князьями: «И... обедаша братья на скупь, каждо с бояры своими» (ПВЛ под 1072 г., 121).

Советские историки и археологи отчетливо пред- ставляют себе стадиальную сложность института пиров в Киевской Руси эпохи Владимира Святославича и их переходный характер, как и всей этой эпохи становле- ния раннеклассового общества. Н. Н. Воронин, говоря об устройстве братчин сельскими и городскими общи- нами, подчеркивает: «Отзвуки таких патриархальных коллективных пиров еще слышатся в рассказах лето- писи и былин о пирах князя Владимира» (ИКДР, I, 275—276). «Отживающая старина причудливо оплета- ет своими последними побегами явления новой фео- дальной действительности», — пишет он в другом месте этого труда вместе с М. А. Тихановой (ИКДР, II, 513). В то же время Н. Н. Воронин подчеркивает государ-ственные функции, которые приобрели эти пиры: «Богатые пиры и обеды, о которых говорит летопись, — это по преимуществу события политической важности» (ИКДР, I, 276).

Если некогда все члены родовой общины (как за- тем и сельской) участвовали в общественном пире, так как число их было довольно ограниченно, то впоследст- вии, в разросшихся городах, уже не все население могло непосредственно присутствовать на одном пиру. Таким образом, именно городские условия закрепляли дроб- ность и замкнутость братчин-пиров, постоянный и ог-

¹ Обычай приглашения на пир в устойчивой форме сохранялся еще в XIX — начале XX в. в крестьянской среде на Севере и мог быть привнесен сказителями в былину также из современной быто- вой обстановки.

раниченный состав их членов. Б. А. Рыбаков выявляет эту специфику городских братчин по сравнению с сельскими: «Эта же замкнутость братчин сквозит и в былинках. Если в деревне братчина объединяла всех членов деревенской общины..., то в городе такая связь могла распространяться лишь на небольшую часть горожан, связанных между собой какими-то другими нитями, кроме чисто пиршественных интересов. Пир мог только завершать и закреплять связи, возникшие вне его» (Рем., 763). Это не исключает, конечно, того, что и в деревне пир был выражением определенных социальных связей, но с большими включениями родовых отношений.

Архаичные корни пиров и братчин издавна пытались прощупать исследователи культуры Древней Руси.

А. А. Попов видел в братчинах и других общественных пирах древний социальный институт: «Такие пиры не были только случайными собраниями народа повеселиться без определенной цели и мысли; но составляют явление постоянное, соединенное с определенными понятиями, освященными обычаем, долговечным и неизменным». Он видит в братчинах и пирах «такой обычай, который составлял некогда одно из важных явлений в общественной жизни времен давно минувших» (Попов, 38), и правильнее утверждает их языческое происхождение.

Ценность наблюдений О. Ф. Миллера — в интуитивно угадываемой подоснове института пиров в Киевской Руси, сложившегося еще в рамках первобытнообщинных отношений.

* * *

Существенные изменения в институте пиров в Киевской Руси, по сравнению с пираами эпохи первобытнообщинного строя, когда этот институт сложился, и даже по сравнению с самой начальной эпохой становления раннеклассового общества отразились и в эпосе. В былинках это сказывается и в социальном разделении гостей, и в использовании дворцового помещения для пира, и в употреблении роскошной утвари, и в оплате

на пиру наемной дружины под видом архаических даров.

Не следует делать слишком резкий акцент на ритуальном значении пиров в русском эпосе, отдельные элементы которого сохранялись и будут рассмотрены нами в другом месте работы. Ритуальное, тем более дохристианское, значение пиров в Киевской Руси уже было сильно стерто и в отношении него надо придерживаться установки, очень удачно сформулированной А. В. Марковым: «Религиозные черты можно видеть в тех местах былин, которые понимались в качестве религиозных черт в эпоху сложения былин» (БЧ, 76).

Советские исследователи далеко продвинули изучение института общественных пиров, в том числе и древнерусских.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ГРИДНИЦЫ В БЫЛИНАХ

Гридница в эпосе — основное место действия, если оно развертывается в пределах города, а не в «чистом поле». Описание пира в гриднице — городской резиденции князя Владимира или части ее — наиболее устойчивое «общее место». Пребывание героев эпоса на пиру в гриднице связано с поворотными моментами развития сюжета. В ряде сюжетов гридница — и место совещания князя с разными категориями его советников.

Термин «гридница» очень важен для доказательства сложения героического эпоса в эпоху Киевской Руси. Наличие термина «гридня», «гридница» в смысле здания или помещения для пиров во всех очагах былинной традиции — олонецком, западносибирском, приуральском, беломорском, печорском, на Колыме и пр. — несомненно свидетельствует о принадлежности его к древней основе былин.

Термин этот, давно ушедший из быта, крайне архаичен, как и определяемое им понятие. Именно поэтому до настоящего времени и не выяснены по существу его генезис и семантика. Определение термина «гридница» с помощью эпоса, при отсутствии точных и бесспорных данных о гриднице в истории архитектуры, приобретает большое значение для установления самого понятия.

Термин «гридница» употребляется в былинах с несколькими эпитетами, из которых для определения ее назначения наиболее существенны «столовая» (т. е.

место трапезы — пира) и «княженецкая». В большинстве случаев в былинах гридница упоминается во дворе у князя Владимира, реже — у иноземного короля (Ляхоминского, Василия Окульевича и др.), у князя черниговского. В сборнике Кирши Данилова есть гридня у Чурилы, Ставра, «гостя» Терентьища, матери Добрыни и пр. Иными словами, это преимущественно княжеская резиденция, часть дворцового комплекса. Гридниц, принадлежавших городской общине (известных, как и княжеские, по письменным источникам), в былинах не встречается.

Об особой важности данных лингвистики в области терминологии древнерусского светского зодчества, археологические сведения о котором весьма скучны, В. Ф. Ржига писал: «Самая фрагментарность сохранившегося материала заставляет группировать его не только в историко-архитектурной перспективе, а скорее в порядке отдельных терминов, что дает возможность лучше сопоставить данные литературных памятников. Результаты археологических поисков подлежат...сведению воедино» (Ржига, 7). Комплексное изучение древнерусского зодчества и других отраслей культуры широко проводится археологами.

При этом широко привлекаются данные фольклора, где наиболее полно сохранился древнерусский словарный запас. Из всего же фольклора особенно цепны свидетельства былевого эпоса, так как сказители былин старались сохранить в неприкосновенности весь текст передаваемых от поколения к поколению эпических произведений, признаваемых ими за устную историю, хотя изменения, конечно, были неизбежны.

А. Ф. Гильфердинг писал, что в случаях, когда при записи былин попадалось какое-нибудь непонятное слово, объяснение он получал, только если оно было «местным провинциализмом»; если же слово уже не бытовало в живом употреблении, то всегда слышал в ответ: «так поется» (Г., I, 54). Гильфердинга изумляла эта сила традиции у певцов былин, благодаря чему «в былинах могла удержаться такая масса древних, ставших непонятными народу слов и оборотов,... бытовые черты другой эпохи» (там же).

Термин «гридница» — один из наиболее архаичных и значимых элементов этой традиции в русском эпосе.

Изменения звучания слова зависят, по-видимому, от того, как закреплялось в поздней фонетике русского языка «р» сонорное при замене его обычным «р» и как оно изображалось графически (ср., например, «гридня» и «гирня» в былинах; аналогично начертание слова «горн» и производных от него в древнерусских памятниках: «гърнъ», «грънъ», «грънило»)¹. Кроме того, это могло зависеть и от забвения чрезвычайно древнего слова, что и вызывало ряд искажений.

Слова, аналогичные по звучанию и семантике древнерусской гриднице, имеются в ряде живых славянских и летто-литовских языков². Это в значительной мере опровергает возведение термина «гридница» многими учеными XIX и XX вв. (Я. Грот, С. Сабинин, А. Преображенский³) к скандинавским заимствованиям в древнерусском языке (от древнесканд. *gred* — меч или *grid* — дом и т. п.), хотя, конечно, оно могло быть и вторично занесено с варяжскими дружинами в Киевскую Русь. Вернее искать объяснение всем этим совпадениям в общем этно-лингвистическом субстрате древней Европы. Однако наличие уже в санскрите слова *griha*, означающего дом, с различными производными, показывает, во всяком случае, что для выяснения истоков этого термина необходимо спуститься в более глубокие исторические слои, чем средневековые.

Для расшифровки понятия «гридница», конечно, нужно учитывать семантику слов «гридин», «гриденъ», или «гридя», собирательное — «гридьба», в основном — воин. Этот термин, обычный в письменных памятниках Древней Руси с XI в., непосредственно в былинах не сохранился, но звучит в производном термине «гридница».

¹ Разночтения термина «гридница», «гридня» в эпосе очень значительны: гирня, грёдень, грёня, грень, гривины, гривница, гривня, гридина, грия, гридьня, грыня, тряда, грянь.

² Ср. русское грыдня — изба (Даль, I), украинское грыдница в смысле комната (А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I, стр. 159); польское *hrydnia* в смысле сущильня (там же), литовское *griničia* (Срезневский, Мат-лы, I) и т. д.

³ Яков Грот. Замечания к «Опыту словаря областного русского языка». Рукопись. Архив АН СССР, ф. 216, оп. 8, № 170, л. 1 об.—2; «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий протоиерея Стефана Сабинина». Рукопись. Архив АН СССР, ф. 216, оп. 8, № 218.

ОТДЕЛЬНОЕ ЛИ СТРОЕНИЕ ГРИДНИЦА В БЫЛИНАХ?

Представление о гриднице в былинах двойственno: это или отдельное здание, или часть дворца. Характерно, что в местах наиболее ранней записи русского эпоса (сборник Кирши Данилова) гридница отчетливо предстает как отдельное строение, как, впрочем и во многих других записях. В некоторых же былинах гридница нередко стала восприниматься сказителями как парадный покой. Составители словарных пояснений к сборникам былин, пренебрегая этой двойственностью, в большинстве говорят лишь о втором ее значении.

Архаичное значение слова «грыдня» как дома, избы вскрывается в локальном, диалектном значении этого слова, сохранявшемся в XIX в. в Орловской губернии: «Гры(и)дня... изба, избенка, лачуга» (Даль, I, 396). Это драгоценное свидетельство бытования древнего термина в XIX в. сопровождено Далем пословицей: «Хоть растопись, а все грыдня холодная».

Сделав выборку из большого числа былин, можно убедиться, что во многих из них под гридницей подразумевается именно отдельно стоящее строение. Классическим свидетельством того, что гридница была отдельным, к тому же роскошно отделанным зданием, служат знаменитые тексты былин о Ставре, Чуриле и госте Терентьище из сборника Кирши Данилова. Конечно, и в этих текстах нельзя не видеть причудливого смешения исторически достоверных деталей со свойственными эпической идеализации. Так, у Чурилы:

Двор у нево на семи верстах,
Около двора железный тын,—
На всякой тынинки по маковке,
А и есть по земчужинке,
Среди двора светлицы стоят,
Гридни белодубовыя,
Покрыты седых бобров,
Потолок черных соболей,
Матица-то волженая,
Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.

(КД. 112—113)

В былине о госте Терентьище «светлиц» нет, упоминается только «гридня», стоящая «середи двора» (КД, 17).

В былине о Ставре из собрания С. И. Гуляева слово «гридня» заменено «домишком не корыстненьким», видимо для того, чтобы хвастовство Ставра своим богатством от этого пренебрежительного названия выглядело еще внушительнее. Описание настолько близко к текстам из сборника Кирши Данилова, что закономерно предположить первоначальное название «гридня» и для этого строения. К тому же предполагаемая замена «гридни» «домишком» лишний раз подтверждает, что гридня — синоним отдельного строения, а не помещение во дворце.

Ясно из контекста, что о целом здании, а не о столовом зале дворца повествуется в былине, где Идолище «заселился он ко князю ко Владимиру, как во ту его во гриню княженевскую» (Онч., 89). Исходя из этого, можно утверждать, что Илья Муромец, преодетый каликой, подходит с улицы «под красно, под трубно окно» именно к гридне — дому (там же, 95) ¹.

Особенно ясно это в сценах приезда богатырей в Киев: преодолев «стену городовую» с воротами и башнями, они подъезжают прямо к гридне (или гридням), заходят в нее непосредственно с улицы, всходят на крыльце (иногда проходят через сени) и оказываются в пиршественном зале. Ряд других мотивов также подтверждает, что гридня в былинах, по представлению сказителей,— отдельное строение.

Как видно из описаний приезда богатырей или послов, гридня — последнее звено в цепи: Киев или, реже, иноземный город — стена — двор — гридня. Никаких других основных частей дворца не называется, а сама гридня сказителями смешивается с «палатами белокаменными», «хоромами», т. е. тоже отдельными строениями.

¹ Косвенным подтверждением того, что гридница была отдельным строением и что вообще существовали специальные пиршественные здания, может, вероятно, служить «Слово Даниила Заточника», где этот попавший в немилость человек, в свое время приближенный к князю, вспоминает не только о княжеской трапезе «многоразличных брашен», но и о «доме пировном» («очи безумного желают дому пировному»).— «Слово Дан. Заточника», стр. 22).

Описание пути дается от развернутого до самого сжатого. В наиболее распространенных описаниях, приехав в Киев, на окруженный стенами княжеский двор, герой привязывает коня на широком дворе к столбу с кольцом — коновязи, иногда же его оставляет «непривязана и неприказана» «середь двора» или «середка улицы» (см. Кир., 4, 40; Онч., 28, 71) и подходит к гридне, стоящей в этом дворе.

В других вариантах описание начинается с преодоления стены (а Киев только подразумевается). Стена может быть заменена «тыном», «железным тыном», откуда дверь ведет в гридню (М., 205—206). Менее распространенное описание пути богатыря начинается со двора (КД, 98, 166—167). В самых кратких описаниях приезда богатыря упоминается только Киев и гридня (Онч., 233).

Но всегда здание, к которому приезжают, названо именно гридней; гридня здесь — не часть какого-то здания, а оно само. Особенно это ясно, если взять эти «маршруты» в контексте. Так, жена Ставра «приездя ет ко грине княженевской» и вяжет коня у столба (Онч., 118); героя былины предупреждают: «Когда приедешь ты к своим ко гринам княженеским же» (БПЗ, 385); Соломан, пробравшись в город царя Василия Окульева, «приходит ко гридни княженецкия» (Т. — М., II, 251); в другой былине Илья Муромец под видом калики появляется в Киеве-граде, причем князь Владимир отсылает его «на юлицу, на красно крыльцу» (Онч., 134); Алеша Попович привозит в Киев голову Тугарина на копье «ко гриденке ко светлоей» и сбрасывает ее (там же, 337), и т. д.

В одной из былин богатыри Владимира «ставились... на высокий двор, и приходили во гредни столовыи» (БПК, 317). Или:

Ен поехал тут да во город Киев-от,
Прямо едет через стену городовую,
Через ту башню что да не большую,
Приезжат ко гриденки столовыи,
А й ко столбику да ко точёному,
А й к колецушку да к золочёному.

(Г., III, 101)

В записях на Печоре близкая картина дана в былинах об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче (Онч., 333) и о Дунае (там же, 339), но в последней гридня — «в городе Леховитском». В одном из вариантов былины о Хотене гости князя Владимира «на почесен пир скоро подходили ко грины княженесью» и у крыльца уже их встречают «придворнички, караульшички» (БПЗ, 347).

Наглядно видно, что гридня — отдельное строение в одном из текстов былины-баллады «Князь, княгиня и три старицы», где герой приезжает «к своим ко гри нам княженеским». В том же тексте грины упомянуты наравне с другими строениями на княжеском дворе:

Он пошел-то князь скоро во свои во грины княженеские,
...Он из грины-то пошел да княженескою,
...Он пошел-то ко анбарам же,
А как дорожечки к анбарам были не уторены,
Не уторены дорожечки, не утоптаны.

(БПЗ, 385)

Наиболее же убедительно выступает гридница как отдельное строение в былине, где, отдав ультимативную грамоту Владимиру, чтобы еще больше устрашить киевского князя,

Выходило Идолище вон на улицу,
Он как подпадывал своим плечом правым
Как под ту гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская.

(Онч., 138)

В былинах говорится часто о том, что гридни (или гридня)¹ «с боку на бок пошатились, ставенки в окнах помитусились» (Кир., 4, 19), что гридня «задрожала» (Онч., 88), или «подрожала» (там же, 230), или «зашаталася» (Мил., 119) от походки, зычного голоса, свиста богатыря, от хлопанья дверьми. Это, конечно,

¹ В былинах нередко гридницы упоминаются во множественном числе, но из контекста видно, что они мыслятся как одно помещение, так как Владимир, расхаживая «по гриднам», обращается с речью ко всем присутствующим зараз.

больше подходит для отдельного строения, чем для комнаты, покоя.

Из гридни — отдельного строения, видимо, выходит во двор и идет к воротам неузнанный Илья Муромец, назвавшийся Никитой Заолешанином:

...Никитушка из гридни вон:
Дверми хлоп,— ободверины вон;
Воротьми хлоп, — вереюшки вон,
Как точеные приосыпались.

(Кир., 4, 51)

О гридне-покое, возможно, идет речь в пудожских текстах, где, войдя в палату или терем, затем проходят в гридню, а из гридни — в светлицу (БПК, 67, 112, 123).

Двойственность понимания термина «гридница» или «гридня» в былинах и как отдельного строения и как части здания в значительной степени объясняется забвением понятия; однако она могла быть обусловлена отчасти и историческими изменениями назначения гридницы.

Гридница эволюционировала от отдельного нерасчлененного здания к выделенному в комплексе здания помещению. Генетически ее следует считать связанной с общественным зданием родовой общины (домом совета), затем с большой отдельной постройкой со сложными функциями «мужского дома» (места собрания мужчин, сохранившего черты обрядности, караульни, военно-спортивной «школы» и «клуба»), а также с постройкой или помещением в семейном жилище (фамильном, с выделением семейной общины и семьи) — в основном как гостевым помещением. С появлением городов гридницы стали общественным зданием городской общины — братчины, своего рода «присутственным местом», в основном административно-военного назначения и местом пребывания гридей — молодых воинов и слуг города. При феодализации такие гридницы стали ставить, конечно, и на княжеском дворе. Князь мог и просто узурпировать гридницу.

В эпоху, когда слово «гридница» вошло в русский эпос, в Киевской Руси оно получило уже последнее,

специфическое значение. Гридница стала частью княжеской резиденции, входящей в комплекс дворцовых построек на княжеском дворе,— с функцией помещения для пиров и совещаний князя с приближенными и военной дружиной, а также места пребывания дружиныхников и даже тронного зала. И в эпосе и в летописях княжеская гридница связана со сложным институтом общественных пиров. В значении пиршественного зала термин «гридница» в письменных источниках встречается почти исключительно в период Киевской Руси, и поэтому такое значение гридницы в былинах служит веским аргументом в пользу приурочения времени формирования былинного жанра к концу I—началу II тысячелетия н. э. При усложнении планировки в гриднице могли выделяться и подсобные помещения, отчасти по линии заимствования архитектурных принципов каменного строительства Византии.

* * *

В толковых словарях и в различных публикациях отсутствует единое определение термина «гридница». В XVIII—середине XIX в. в словарях была отражена двойственность этого понятия. Так, в «Словаре Академии Российской» 1806 г. дано толкование: «Гридница или гридня: 1) чертог, покой в княжеском дворце, определенный для приему вельможей, 2) называлась так же судебная храмина». В академическом словаре 1847 г. указано: «1) Комната или особое строение при древних княжеских дворцах, где содержали стражу гридин; 2) приемная комната в древних княжеских дворцах»— со ссылкой на былинные пирсы.

В середине XIX в. сибирский фольклорист С. И. Гуляев, опираясь на тексты алтайских приговоров дружки, определил «гридню, гридницу» как «комнату, в которой играют свадьбу». Это определение вошло в толкование данного термина в словаре, составленном В. И. Дальем и в «Опыте областного великорусского словаря» (1852), в котором дана прямая ссылка на опубликованный Гуляевым приговор дружки. Это объяснение в свою очередь было использовано в академическом словаре 1895 г. В. И. Даль допускал и другое историческое значение термина «гридница» как отдельного здания:

«Гридня, гридница — покой или строение при дворце княжеском для гридней» (о грыдне-избе уже говорилось) (Даль, I, 396).

Однако в дальнейшем значение гридницы как отдельного строения в Древней Руси в энциклопедических словарях было забыто (см., например, «Русскую энциклопедию» 1911 г., где ставится знак равенства между гридницей и сенями и она называется «главной комнатой, приемной древнерусского дома»).

В советский период, под влиянием археологических открытий, когда гриднице в научных исследованиях твердо стали считать «отдельно стоящей постройкой» (ИКДР, I, 221), в энциклопедических словарях вновь начало проскальзывать определение гридницы не только как «части постройки, входившей в состав княжеского дворца» (для гридей), «судя по летописям и былинам, приемного зала, где давались праздничные пиры», но допускалось, что «иногда гридница была отдельно стоящим строением» (БСЭ, изд. 2)¹.

Колебания в определениях толковых словарей, конечно, обусловливались нечеткостью представления о гриднице в Древней Руси у историков, работавших на протяжении XIX — начала XX в. Так, Н. М. Карамзин произвольно толковал известное место в летописи под 996 г. о пирах Владимиrowых: «С того времени сей князь всякую неделю угощал в гриднице, или в прихожей дворца своего» («История государства Российского», т. I, СПб., 1830, стр. 262). С. М. Соловьев считал гридницу частью терема, соединяя два разных известия летописи: о каменном тереме бабки Владимира Святославича — Ольги и о пирах самого Владимира: «...В Киеве был каменный терем княжеский с двором; он состоял из разных покоев, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пиров и, вероятно, для совета» (Соловьев, I, 248).

Определение же гридницы как отдельного строения давал в своих работах И. Е. Забелин. Он называет ее «храминой» «обширной клетью» (в смысле дома, избы)

¹ Отметим, кстати, что в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, изданном еще в 1935 г., очень глоухо указывается, что гридница была «помещением при княжеском дворце в древней Руси, где жила грида».

на «княжом дворе», чем тот и отличался от боярских дворов. «...В его составе,— пишет Забелин,— всегда находилась обширная клеть, носившая... наименование гридницы (в песнях гридня)» («Домашний быт русских царей», I, 21—27). Характеризуя гридницу как отдельное общественное здание, И. Е. Забелин считал ее не только «принадлежностью... княжого двора», но и местом собрания городской общины для совещаний (и пиров, конечно) и судебной палатой («Домашний быт русских царей», 21, 22). В другой работе он пишет: «Гридницею вообще называлась обширная храмина, в которой собирались горожане, по всему вероятию, для суда или для совещаний» («История русской жизни», I, 555).

Б. А. Рыбаков, рассматривая понятие «уличане» (от «улица») как ячейку городского «территориального самоуправляющегося объединения» и приводя летописное сообщение о гриднице, поставленной в Новгороде на Славковой улице, пишет: «Уличане могли иметь свое общественное здание... Гридница была и уличанским управлением, и канцелярией, и местом уличанских братчин» (Рем., 721—722).

Ф. Горностаев, не учитывавший исторической специфики гридницы, считал ее только «обширными сенями, родом приемной», безоговорочно перенося описание московских княжеских «теремов» XVI—XVII вв. на Древнюю Русь и полагая, что их тип «созидался постепенно..., возрастая до крупной группы хором с их гриднями и расписными „повалушами“» («История русского искусства», II, вып. 7, 251). Однако в Киевской Руси были известны весьма крупные по размерам каменные сооружения, и гридница, наоборот, могла быть исходной формой парадных хором, а не выделившейся из них частью.

Отсутствие единства в определении термина «гридница» у историков сказалось, естественно, на фольклористах. Так, Н. И. Амосов в своей работе «Слова из великорусских былин древнего времени» (рукопись в Архиве АН СССР, ф. 216, оп. 8, № 181, л. 3) дает два значения слова, ссылаясь на сборник Кирши Данилова: «Гридня, гридница 1) горница, комната... «князь по гридне похаживает» (почему это не может быть дом? — Р. Л.); 2) терем — «Среди двора гридня стоит».

В словарных пояснениях к сборникам былин в конце XIX — начале XX в., как это ни странно, значение гридницы-дома утеряно. Так, Н. Е. Онучков, вразрез со смыслом текстов былин, называет гридницу «комнатой» (««Гриня» — комната для собрания дружины». — Онч., 405), А. В. Марков дает пояснение к словам «гривнюшка, гривня, греня» — «большая комната для собрания» (М., 467, 567), а М. Н. Сперанский (стр. 445) — «комната, покой» и т. д.

Аналогичны пояснения и в словарях к сборникам былин, изданным в 30—50-х годах нашего века. С. К. Шамбинаго в издании 1938 г. «Древних российских стихотворений» называет гридницу «приемной палатой в княжеских палатах» (КД, 1938, 298). Лишь в последнем издании сборника Кирши Данилова вновь учтена двойственность понятия «гридница» как «особого помещения или особого строения при древних княжеских дворцах» (КД, 648).

Однако это — исключение; в словарных пояснениях к последним изданиям былин, опубликованных Пушкинским Домом, гридница — только «помещение при дворе древнерусского князя для приема гостей» (Аст., Б-ны, 307), «покой, приемная в княжеских палатах» (БПЗ, 593), хотя тексты былин в самом сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» содержат явное указание на то, что сказители понимали гридницу как отдельное строение (см. там же, 318, 339 и др.)¹.

Ошибочность идентификации гридницы с сенями

Сторонники представления о гриднице лишь как о части дворцового здания особенно упорно идентифицируют ее с сенями. В то же время в исторические иссле-

¹ Однако это значение было утеряно, по-видимому, и некоторыми сказителями. Так, в «Примечании записавшего» текст шенкурской былины сообщается: «На вопрос: что такое «гридница»? — сказочник отвечал: — горница, где чествовал Владимир бояр и богатырей. — На вопрос мой: «откуда он почерпнул это сведение?» он отвечал: — старики-посказатели так сказывали нам, старикам, не в отдор от них итти» (Кир., 2, 67).

дования вошло как аксиома положение, что в период феодальной раздробленности гридница утратила свое значение и пиры стали будто бы устраивать в «сенях», так как круг приближенных князя сузился и произошло, в частности, обособление князя от горожан.

В. Ф. Ржига отличал гридницу от сеней, считая, что сени заменили ее как пиршественное помещение: «Заменяя древнейшую гридницу, они уже рано, с конца XI в., не раз называются сенница» (Ржига, 11); им приведены примеры такой замены из Ипатьевской летописи. Ему возражал М. Н. Тихомиров: «Особым дворцовым помещением В. Ф. Ржига считает «гридницу». Но, вероятнее, это просто другое название тех же сеней. Поэтому в гриднице также находим «отнее место», как и в сенях у галицкого князя» (ДГ, 255). Но ни в одном былинном тексте как будто не говорится об «отнем месте» в гриднице. «Отнее место», по нашему мнению, может означать просто то, что молодой князь занял отцовское место.

Впрочем, в другом месте своего исследования «Древнерусские города» М. Н. Тихомиров уже разделяет оба помещения: «Составной его (княжеского двора.—Р. Л.) частью были приемные комнаты — «гридница» и «сени». Тут же он делает важную оговорку, показывающую несомненную самостоятельность гридницы как строения: «Впрочем, слово «гридница», как теплое помещение, стало уже заменяться в некоторых списках «истобкой» (русской «избой»)» (ДГ, 291). Речь идет здесь о летописном повествовании о князе Васильке Теребовльском. Кстати, в том же повествовании есть свидетельство, что «гридница» и «сени» — не синоним (как утверждается, например, в «Русской энциклопедии» 1911 г. и других публикациях): Святополк, вышедший из гридницы под предлогом распорядиться о завтраке, «стоить на сенех» (Ип. л. под 1097 г., 233).

В былинах «гридница» и «сени» никогда не подменяют друг друга. Основное место в сюжетном плане занимает гридница (в ней пирут и совещаются); сенями лишь иногда проходят в гридницу, они явно подсобные части здания гридницы.

К тому же слово «гридница» не могло заменяться «сенями» в более поздний период, как считают некоторые, так как само слово «гридница» не исчезало из

русской письменности и городские гридницы многократно упоминаются в памятниках северо-западной Руси. Другое дело, что семантика слова «сени» очень емкая и первоначально оно могло означать всякую «сень» — и поэтому применяться к любому помещению и даже строению. «Сени» древнерусской архитектуры, как можно судить по летописным текстам и миниатюрам, помещались на втором этаже, а гридница — на уровне земли. С. К. Шамбинаго ошибался, когда помещал гридницу на втором этаже, считая, что в древнерусском парадном жилище мог быть «обитаем» лишь верхний этаж, а нижний служил «подклетом» (Шамбинаго, 8). Дом на подклете — особенность архитектуры на лесном Севере с его сырой и холодной почвой, а на сухой почве южнорусской земли издавна жили прямо на земле, не только в наземных, но даже и в полуземляночных жилищах. Да и остатки фундаментов дворцовых построек, видимо, подтверждают это.

В свете всего этого трудно согласиться с формулировкой Л. Нидерле: «Особенно большими сенями, предназначеными для пиршества князя и его дружины, была первоначально гридница» (Нидерле, 258). Но в этом вопросе он нечеток: в Древней Руси, по его мнению, «сени», или «сень», были большим помещением, так как в «сенях ели, принимали в них гостей; и они были соединены с каким-то помещением вроде галереи на втором этаже, куда можно было взобраться по лестнице» (там же, 252). При этом он выделяет и другие сени: «Когда сени славянского жилища развились во внутреннее обитаемое помещение, то снова и в еще большей степени появилось стремление защитить вход в сени крытым на-весом и дополнить жилище новыми сенями (передней) или крыльцом» (там же, 253). В. Ф. Ржига также считал, что гридница представляла «не этажное помещение, а надземное» (Ржига, 9).

Возможно, что о гриднице — дворцовом покое идет речь в текстах, где подъезжают к «белокаменным палатам» (Г., II, 248), ко «дворцу княжескому» (Т.—М., II, 105), «высокому дому» (Г., I, 578) и т. д., а затем уже приходят в гридню; однако в этих примерах можно видеть и синонимические пары: дворец — гридня, палаты — гридня, дом — гридня.

Смешение терминов построек

В былинах термин «гридница» представляет яркий пример полу забвения архаичного понятия, происшедшего, вероятно, уже тогда, когда такие общественные здания гражданского типа почти перестали функционировать. Не случайно дольше всего термин «гридница» сохранялся в «вольных городах» северо-западной Руси.

Малопонятные, стершиеся слова «гридница», «гридня» в эпосе подменяются другими, более знакомыми терминами, означающими здание («терем», «белокаменная палата») или покой («горенка», «светлая светлица» и т. д.), причем в тексте былины безразлично употребляются и гридница, и заменяющий ее термин. Эти же термины упоминаются и вместе с гридницей, как ее синонимическая пара. Иногда же слово «гридница» (или любой из ее вариантов) совсем забыто и заменено другим.

Таким образом, герой, входя, например, «в гридню светлую», выходит уже из «палат белокаменных» (БПЗ, 220—221). В алтайской былине о Ставре одно и то же помещение названо «гридней», «палатой белокаменной», «хоромами» и «дворцом» (Гул., 129—131). Чередуются «гридня» и «палаты» также в печорских и пудожских текстах (Онч., 339; БПК, 157) и в олонецких (Г., II, 248), а в одном из последних безразлично употребляются «гридня», «палата грановитая» (Г., I, 578—581).

Можно привести еще множество примеров подмены гридницы другим термином в ходе повествования. Дунай, разгневанный, входит в жилище:

Он лазит во гриденку во светлую,
...Подрожали полаты княженевские.

(Онч., 339)

Приходил Илья в княжой терем:
Княженецкие гридни с боку на бок пошатылись,
Ставинки в окнах помитусились.

(Кир., 4, 19)

(До этого то же место действия названо хоромами.)
Или же в былине о Добрыне действие развертывается

в «светлице грановитой», а выходит он уже из «гридни столовоей» (БПК, 116).

Синонимические пары, один из членов которых — гридница, широко распространены в былинах. Это «гридня — палата белокаменна» (Т.— М., II, 184); в печорском тексте об Идолище в Царьграде говорится:

Ты зови его к себе в палату грановитую,
...Во ту гридню во столовую.

(Т.— М., II, 54)

Наиболее часто в синонимической паре со «светлыми гридницами» (или подменяя их) идут «светлы свётицы» (реже — горницы), вероятно не только потому, что у них общий эпитет, который выявляет один из определенных признаков, но и потому, что по количеству слогов и ударениям они близки друг к другу.

Из приведенных примеров, кстати, ясно, что гридница в эпосе упоминается наряду с другими древнерусскими типами жилища (терем, повалуша — в былинах «коповалыши», спальня — «ложня» и др.), часть которых встречается и в летописях.

На смешение гридницы с палатой обратил внимание еще О. Ф. Миллер. Следует добавить кстати, что так как гридница была местом совещаний, ее, возможно, потому и смешивают в эпосе с «палатой грановитой», также служившей для совещаний и торжественных приемов. Любопытно смешение термина «гридня» с другим древнерусским термином, также полузабытым, — «гривной», означавшим и денежную единицу — слиток серебра установленных форм, и шейное украшение из благородных металлов в виде обруча с несходящимися концами или замкнутого. Эта устойчивая «обмolvка» характерна в особенности для локальной традиции Зимнего берега Белого моря. В Золотице «гривна» встречается в значении «гридница» у всех поколений сказителей Крюковых и у других сказителей: «гривна», «гривны», «гривены», «гривны» (Кр., I, 56, 135, 387).

Аналогичное былинному смешение термина «гридница» и других архитектурных терминов в летописях отметил А. А. Шахматов в повествовании об ослеплении Василька Теребовльского. Эти летописные замены подробно рассматривает в своем труде «Древний Киев»

М. К. Каргер. В Ипатьевской летописи под 1097 г. Василько, приехав к братьям на княжеский двор в Киев, был встречен Святополком «и идоша в гридьнице и прииде Давыд и седоша в ыстебце». В примечании ко второму изданию Ипатьевской летописи Шахматов указал, что слово «гридьнице» «написано по соскобленному, причем «ю» надписано над строкой» (Ип. л., 234). Здесь смешение, видимо, «гридницы» и «истопки» — «в ыстебце». В Лаврентьевской летописи вместо обычного «идоша в гриднице» читается «идоша в ыстобку» (ПВЛ под 1097 г.). Добавим, что в одном из списков летописи встретилось и обычное для русского эпоса смешение гридницы с горницей в том же эпизоде: братья «вшедше в горницу седоста» (Воскр. л., 13). «Очевидно,— пишет по этому поводу М. К. Каргер,— «гридница» у поздних переписчиков Повести временных лет уже вызывала некоторые сомнения» (Каргер, II, 82). В том же повествовании в другом списке скромное жилище священника в Белгороде также названо «гридницей» (может быть, гридница здесь имеет свое исконное значение дома, избы, как в орловском говоре в XIX в.).

Д. С. Лихачев подробно рассматривает «подновления языка и стиля» в летописях, которые делал, например, летописец XIII в. в стиле «предшествующего летописания», «стремясь избавиться от излишних архаизмов и церковно-славянизмов в лексике и сделать текст летописи более понятным и удобным в чтении... Иногда летописец не совсем понимал терминологию своего предшественника, и тогда в его подновления языка вкрадывались ошибки». (РЛ, 18, 279). Не случайно, что в летописях, как и в былинах, ошибочному «подновлению» подвергся в первую очередь крайне архаичный термин «гридница», а в былинах наиболее устойчиво этот термин удержался в окаменелой эпической картине пира, одном из наиболее распространенных «общих мест».

С этой архаичностью гридницы связано и крайне обобщенное условное ее описание в былинах, скучное деталями (в отличие от описания теремов, хорошо известных и в московское время с их росписью «по-небесному», т. е. изображениями светил небесного свода, и причудливыми золочеными кровлями). На эту особенность эпического творчества обратил внимание Н. И. Костомаров, утверждая, что «слишком древнее событие»

(как и реалия, конечно) при его описании сказителями неизбежно теряет в конкретности и «ограничивается самыми общими чертами, в каких только и могло сохраниться в памяти многих поколений слишком древнее событие, когда уже все его более или менее подробные черты, не только действительные, но даже и вымышенные, какими, без сомнения, оно изукрашалось прежде, изгладились или, по крайней мере, сошли с своего первоначального фона и перемешались с чертами другого рода» (Костомаров, 298).

СООТВЕТСТВИЯ УПОМИНАНИЙ О ГРИДНИЦЕ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И БЫЛИНАХ

В летописях о гридницах упоминается неоднократно — как о киевских, так и о новгородских. В «Повести временных лет» под 996 г. говорится, что Владимир Святославич «устави на дворе в гриднице пир творити». Под 1097 г., как уже упоминалось, описывается приезд Василька Теребовльского к Святополку, киевскому князю, причем в гриднице должен был быть подан братьям завтрак: «И приеха в мале дружине на княжь двор и вылезе противу ему Святополк и идоша в грильницю» (Ип. л. под 1097 г., 233).

По мнению многих исследователей, гридницей следует считать тронный зал, описанный арабским писателем начала X в. Ибн-Фадланом, и парадный зал Ярослава Мудрого, который хвалится им перед женой — шведской Ингегердой в скандинавской саге. Ибн-Фадлан пишет об огромном дворцовом помещении, где «князь русов» находится со своими 400 сподвижниками; князь сидит на возвышенном престоле, к которому непосредственно подводят ему верхового коня, когда князь хочет куда-нибудь ехать (Гаркави, 101). (Вспомним огромные залы в средневековых западноевропейских замках, вмещавшие сотни всадников). Свидетельство Ибн-Фадлана для обрисовки облика древнерусской гридницы уверенно привлек В. Ф. Ржига: «...Судя по всему, оно (здание у Ибн-Фадлана. — Р. Л.) является зданием такого типа,

которое известно в наших летописях под названием гридницы» (Ржига, 8).

Ржига оригинально объясняет постоянство упоминаний гридницы и терема в былинах: «Гридница и терем были, по-видимому, самыми своеобразными мотивами светского зодчества Киевской Руси; и по своей конструкции, и по внешнему виду они резко отличались от обычных построек типа клетей и невольно останавливали на себе эстетическое внимание», чем и вызвано «постоянное присутствие их в составе общих мест нашего былинного эпоса. В редкой былине мы не встретим светлой гридни или теремов златоверховых» (там же, 10). Однако Ржига находит, что «для архаизирующего стиля былины характерно лишь сохранение древнейших терминов», а в описания их «внесено немало поздних черт» (там же, 11).

Н. Н. Воронин, опираясь на свидетельство Ибн-Фадлана, считает, что гридница была не только огромным по размерам сооружением, но и «расположенным на уровне земли или поднятым на несколько ступеней», а не на втором этаже, так как к трону можно подъехать на коне. Едва ли бы стали коня вести туда по лестницам или даже по настилам типа северного взъезда. Н. Н. Воронин делает ссылку на былину, где Владимир грозит богатырю Илье Муромцу, поссорившись с ним, выкинуть его «из гридни вон на улицу» (ИКДР, I, 220; см. также аналогичные высказывания о наземном характере здания гридницы М. К. Каргера — II, 81). Действительно, в былинах в гридницу обычно входят прямо с улицы, не поднимаясь по лестнице. Если идентифицировать гридницу с тронным залом Ибн-Фадлана, то, конечно, она не могла быть на втором этаже.

Второй иностранный источник, скандинавская сага, особенно упорно привлекается для характеристики гридницы потому, что в русских летописях, по выражению В. Ф. Ржиги, «совсем нет сведений о внутреннем устройстве гридницы» (Ржига., 8—9). В этой саге, в его изложении, «передается, между прочим, что, когда русский великий князь Ярослав хвалился перед своей супругой Ингегердой великолепием своей вновь выстроенной залы (*höll*)... она возразила, что зала у ее отца шведского короля Олафа еще лучше, хотя она стоит на единственной колонне» (Ржига, 9). Большинство исследователей

считало, руководствуясь этим местом саги, что «перекрытия русских гридниц поддерживались многими столбами или колоннами» (Каргер, II, 81). Однако Н. Н. Воронин находит более правильным такой перевод: «стоит на одних столбах», а не на «единственной колонне», (ИКДР, I, 221). М. К. Каргер вообще считает, что «едва ли переданный сагой в поэтической форме диалог Ярослава с супругой дает серьезные основания для такой реконструкции интерьера гридницы» (Каргер, II, 81).

Тем не менее оба письменных памятника продолжают оказывать влияние на выводы современной науки. Так, в «Истории русской архитектуры» гридницы определяются как дворцовые «большие залы, потолки которых поддерживались свободно (?—Р. Л.) стоявшими столбами; гридницы, где стоял княжеский трон, вмещали множество народа, в них собирались дружины князя» (стр. 5). Прямо на сагу и Ибн-Фадлана ссылается Д. С. Лихачев в комментариях к «Повести временных лет» (ПВЛ, II, 349).

Фольклор вообще представляется М. К. Каргеру недостаточно надежным историческим источником ввиду специфичности отражения в нем действительности. ««Светлые гридни» и «златоверхие терема» — обычное место действия былин киевского цикла,— пишет он. — Однако... использовать былинные описания для реконструкции архитектурного облика гридниц и теремов почти невозможно, ввиду того, что в былинах наряду с сохранением архаизирующих терминов отразилось немало бытовых черт значительно более поздней эпохи. С. К. Шамбинаго удалось убедительно показать, что архитектура, описанная в былинах, отражает не столько древнейший киевский, сколько более поздний московский период древнерусского зодчества» (там же) ¹.

Работа С. К. Шамбинаго представляет довольно полную сводку материала по отражению в былинах древнерусского жилища, но этот материал трактуется им произвольно, только по аналогии с данными книги И. Е. Забелина, видимо поразившей его богатством фактов о царском и боярском быте XVI — XVII вв. Однако он

¹ Имеется в виду статья С. К. Шамбинаго «Древнерусское жилище по былинам».

недостаточно учел, что быт Московской Руси сохранял очень многие черты древнерусского быта периода Киевской Руси, который — при скудости археологических открытий в начале XX в. — представлялся тогда крайне обедненным. Б. А. Рыбаков объясняет именно этим заблуждение Шамбина: «Те соответствия былинных описаний реальной московской архитектуре XVI—XVII вв., которые установил в свое время С. К. Шамбина, на самом деле свидетельствуют лишь о том, что тогда, шестьдесят лет тому назад, историки очень плохо представляли себе архитектуру XI—XII вв. Мы теперь знаем, что в Киевской Руси были каменные и деревянные дворцы, гридницы, златоверхие терема, великолепные резные колонны, высокие неприступные башни и изукрашенные белокаменным узорочьем храмы... Ни одна из бытовых деталей княжеско-боярской жизни в описании былин не выходит за хронологические пределы Киевской Руси» (ДР, 125—126).

Городская гридница

Архаическое значение термина «гридница» как общественного здания общины (некогда родовой, затем сельской и городской) долго сохранялось в северо-западных землях Руси. Упоминания городских гридниц в летописях, актах, грамотах и других письменных поздних источниках XIII—XVII вв., относящихся к Новгороду, Пскову с их владениями, к Колывани (Ревелю), очень часты и в совокупности вскрывают различные значения там этого термина. Анализ функций городских гридниц позволяет установить и функции княжеской гридницы в Киеве, так как князь вынужден был считаться с порядками, выработанными «городским строем» на Руси.

О городских гридницах много известий сохранили летописи. В Новгороде гридниц было несколько — вероятно, у ряда подразделений городского населения, территориальных и профессиональных. Пирсы устраивались членами этих объединений (какие бы названия они ни носили — «сотни», «улицы», «братчины»); «гредницкий суд» осуществлялся выборными горожанами, в отличие от княжеского. О множественности гридниц прямо и косвенно свидетельствуют известия летописей о пожарах и

других событиях, где ориентиром служат гридницы на определенной улице или в части города; например: «В лето 6978» во время грозы «тем громом на Званице у Коровыи гридьници 7 человек молниею попали ... а инии в гридьници котори ни были, тии вси добри здрави», и т. п. В двух упоминаниях о гридницах они явно противопоставляются другим зданиям: «В лето 6972 (1464. — Р. Л.). Той же осени, ноября 26... на Ильине улице згореша немало дворов и грид[..]ца» (Ав. л., 214); «...огореша две церкви... и владычне кельи, и клети, и двореч, огороднице, и келейки... арцюхнов (епископа. — Р. Л.) и их гридница» (там же, 218—219). Под 1470 г.: «Того же лета на Славкове улице поставиша гридницу нову среднюю» (Новг. л. IV, вып. 2, 446). В одной из грамот говорится о покупке земли с постройками «на Рогатицы в поле против гридницы» (ГВНП, 175).

Отличается городская гридница от избы и погребов (в смысле «тюрьмы», «темницы») и в известном летописном эпизоде о самоуправстве князя Ярослава Всеволодовича при борьбе с Новгородом в 1216 г. «Ярослав... изнимя Новгородци и Смолняны, иже беаху зашли с гостбою в землю его, повеле в погребы метати, что есть Новгородцев, а иных в гриднице, и тuto ся издохнуть в множестве; а иных повеле затворити в тесне избе, издуши их полтораста» (Новг. л. IV, вып. 1, 195).

В гридницах, по-видимому, хранились документы, а может быть, и какая-то часть казны братчины, так как гридницу опечатывали, если не могли обеспечить ее охрану. Согласившись срочно помочь псковичам отразить немецкую рать, новгородцы «не умеливше нимала, поидоша в великую пятницю, а инии в великую субботу, а гридницы вси попечатав» (Ав. л., 75).

Городским гридницам уделил большое внимание в своем труде «Ремесло Древней Руси» Б. А. Рыбаков. Еще от древних дохристианских обычаяев, связанных с торжественными пирами при храмах во время празднеств¹ пишет он, пошла традиция в Древней Руси стро-

¹ У прибалтийских славян в Щецине при храме Триглава этой же цели служили полусветские «контини» — здания, меньшие по размеру, чем сам храм. В них устраивались пиры для привилегированных (в более ранний период, вероятно, для всех); там же сходились для беседы и других дел.

ить при церквях «мирские строения» для сходов и братчин, т. е. для пиров и для обсуждения разных дел членов общины. Когда с внедрением на Руси христианства связь гридницы со святыми была нарушена, она, видимо, могла заменяться таким «строением мирским» при городских церквях, особенно патрональных. Наиболее ясно можно судить об их характере по сведениям о патрональных церквях Кузьмы и Демьяна — покровителей кузнецов, правда по поздним источникам. Так, к псковской церкви было «пристроено еще в XV в. обширное двухэтажное каменное помещение с двумя дверьми и окнами, выходящими на улицу...», — пишет Б. А. Рыбаков. — Хочется видеть в этом здании... нечто аналогичное уличанской гриднице на Славковой улице в Новгороде. Здесь при церкви Кузьмы и Демьяна должно было быть средоточие интересов «кузьмодемьянских соседей» (братчины кузнецов. — Р. Л.); в просторной каменной пристройке могла быть и канцелярия для ведения соседских дел и гридница-трапезная для соседской братчины-пира» (Рем., 757—758).

Такая гридница-трапезная при патрональной церкви, вероятно, подразумевается в былине о Садко, где тот вступает в «братчину-Никольщину», т. е. при Никольской церкви. В былине о Василии Буслаевиче упоминается только «братчина», а где происходит пир, не сказано.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ОСТАТКОВ ГРИДНИЦ

Сохранились ли остатки гридниц на русской территории? «Гридницами», упоминаемыми в русском эпосе и летописях, считают здания светского типа, фундаменты которых обнаружены в древнем Владимировом городе в Киеве, вблизи Десятинной церкви и Софийского собора. Раскопки их велись с середины XIX в., но, к сожалению, в незначительных размерах. В советский период раскопки Киева широко производил М. К. Каргер.

Однако и до настоящего времени не может считаться решенным, являются ли эти здания знаменитыми «гридницами» князя Владимира, а также чем объяснить их множественность (всего обнаружены фундаменты четырех таких зданий). Все же эти находки убедительно со-

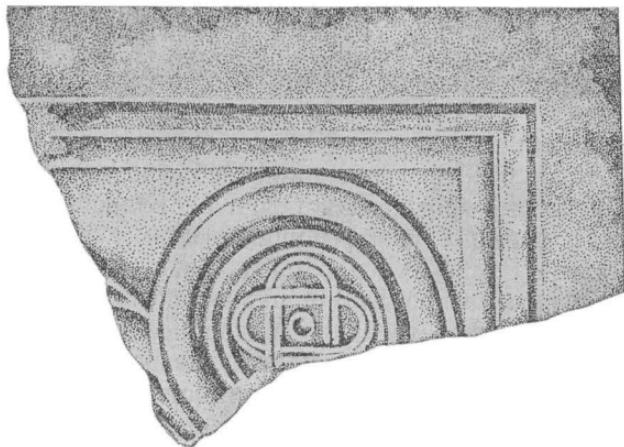
отвествуют свидетельствам эпических и письменных источников по своим архитектурным особенностям.

В плане эти здания представляли вытянутые прямоугольники длиной до 45 м и шириной до 12 м и могли вмещать несколько сот человек, что соответствует обширности древних гридниц. Н. Н. Воронин отождествляет эти дворцовые здания с «упоминаемыми в письменных источниках и эпосе гридницами — пышными большими залами для собраний княжеской дружины» (ИКДР, II, 261). М. К. Каргер, приведя летописное известие о многолюдных пирах, эпическое в основе, сопоставляет это с огромными размерами откопанных зданий «для торжественных приемов, но не для жилья» (Каргер, II, 79).

Фундаменты изолированно стоящих зданий близки между собой по строительной технике (кладка вперемежку плоского кирпича и камня на цемянке — известковом растворе с битым кирпичом и пр.), типичной для X—начала XI в., что позволяет (наряду с другими данными) датировать их этим периодом, как и обе соседящие с ними церкви — Десятинную и Софийский собор (ИКДР, I, 221). Дореволюционные исследователи хотели видеть в «гридницах» Владимира города дворцы Ольги и Святослава, но М. К. Каргер привел убедительные доказательства, что эти здания могут относиться только к эпохе Владимира I, а не более ранней: одно из них пересекает ров, засыпанный при постройке детинца этим князем; вплотную к стенам зданий примыкает (а под одним из них лежит) древнее кладбище с языческими воинскими погребениями.

Внутри фундаменты разделены поперечниками на три неравных отрезка. Каково было назначение этих отдельных помещений, если считать центральное, наибольшее, пиршественным залом и залом совета, неизвестно. Были ли это спальни дружины? или арсенал? или архив? помещения для слуг? или что-либо иное?

Для X — XI вв. гридницы были «новым типом дворцового здания», связанным с возникновением государственности, хотя большие общественные строения существовали задолго до этого. Н. Н. Воронин считает гридницы отдельной постройкой, не связанной собственно с жилым дворцом (ИКДР, I, 221). Так или иначе, гридница входила в комплекс построек княжеского двора.

Мраморная плита из Десятинной церкви

Фрагмент. Раскопки 1908 г.

Каков был общий облик гридницы? Советские историки культуры Киевской Руси дали образную характеристику различных этапов зодчества в X—XII вв. «Первый краткий, но блестательный, связан с высокой и пышной культурой Киевской державы X—XI вв.», когда «наряду с господствующим церковным строительством развивается гражданское», — пишут Н. Н. Воронин и М. К. Каргер (ИКДР, II, 337—338). Те же авторы подчеркивают единство архитектурного и декоративного стиля церковных и дворцовых зданий: «Найденные при раскопках обломки мраморных деталей, мозаики, фресок, круглых оконных стекол свидетельствуют, что эти светские здания не уступали по пышности своей отделки величественным храмам киевского «акрополя» (там же, 258). Богатство внутренней отделки здания составляет характернейшую черту архитектуры X—XI вв. «Изысканная мозаичная и фресковая роспись, декоративная скульптура, майолика и инкрустации из цветного благородного камня, отделка полированным мрамором, объединяясь с роскошью драгоценной утвари, тканей..., производили ослепительное впечатление. Храм или дворец представлял собой гармонический синтез искусств, подчиненный архитектуре и направленный на выявление за-

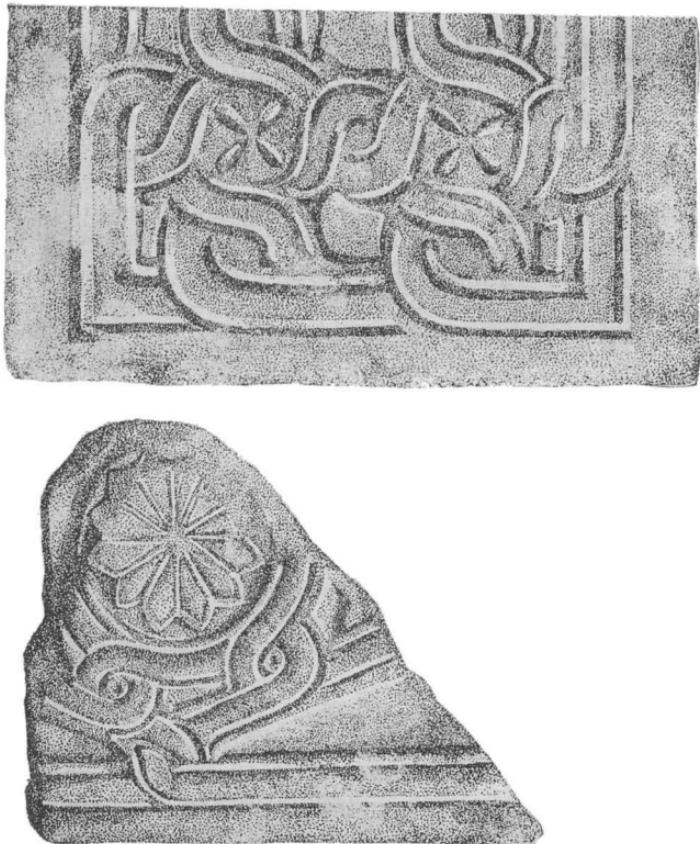
ложенной в ней идеи» — величия Киевского государства (ИКДР, II, 264).

Однако восстановить облик дворцовых зданий, соседствующих с Десятинной церковью, очень трудно. Найденные остатки богатейшего декора могли бы свидетельствовать об архитектурном убранстве «гридниц», если бы не одно обстоятельство. Как известно, мощная Десятинная церковь, построенная в конце X в. на «грушеной земле» (см. Каргер, II, 71), не выдержала осады в 1240 г. татаро-монголами и рухнула. Развал ее, перекрывший и территорию древних дворцовых построек, не дает возможности судить, к какому из всех этих зданий относятся остатки декора, в особенности если учесть, что «по характеру применявшимся строительных материалов оба здания были очень близки одно к другому» (см. там же, 71, 66). Тем не менее возможность принадлежности остатков декора дворцовыми постройкам, конечно, не исключена. Фундамент одного из зданий был прикрыт двумя сплошными, повалившимися один на другой слоями штукатурки, обрушившейся вместе со стенами здания. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью (там же, 76).

Обломки фресок в руинах здания к северо-востоку от Десятинной церкви были покрыты орнаментом «из белых и ярко-лазоревых полос по фону вишневого цвета» (см. там же, 60); здесь же были найдены куски плит из красного шифера «с барельефными украшениями, подобными резьбе на древних гробницах, обнаруженных в развалинах Десятинной церкви» (там же, 61). Были найдены также куски мозаики «из мелких, плотно сложенных камешков золотого цвета и самого светлого блеска» (там же).

Постоянство находок декора в развалинах светских зданий едва ли случайность. К тому же руины дворцов обнаружены при раскопках и в других городах: Чернигове, Белгороде, Суздале, Владимире на Клязьме и др.¹

¹ На одном из кирпичей из облицовки «гридницы» было обнаружено (еще В. В. Хвойкой) клеймо, представляющее тот же геральдический знак Владимира Святославича, напоминающий трезубец, как на монетах. Это служит одним из аргументов в пользу принадлежности дворцового здания Владимиру. Тот же знак видят советские археологи и в узоре майоликовых плиток для пола; впрочем, там «скобки», близкие к форме трезубца, могли получиться и слу-

Шиферные плиты из Киево-Софийского собора
Фрагмент

О роскоши строительства Андрея Юрьевича (Бого-любского) повествует Ипатьевская летопись (под 1173 г., 580—583), что подтвердили археологические раскопки Богоявленского дворцового комплекса. Все это, по выражению Д. С. Лихачева, и здесь «преследовало цель поразить зрителя и внушить уважение к власти князя» («Культура...», 28).

Чайно, вследствие технологии производства этих плиток, когда по горячей поливе прочерчивали линии, изгибающиеся вслед за движением инструмента, а затем пускали в бороздки поливу другого цвета.

При скудности археологических и письменных источников о светском строительстве в Киевской Руси надо, видимо, смелее опираться на свидетельства памятников изобразительного искусства. Едва ли можно согласиться со старым ходячим мнением, что древнерусская живопись якобы только слепо копировала византийскую, а иноземцы-художники изображали быт Древней Руси без учета местных особенностей, почему их произведения и недостоверны в историко-этнографическом отношении.

Конечно, необходимо соблюдать большую осторожность при использовании иконографических источников для восстановления облика древнекиевских зданий: «Не следует переоценивать, — пишет М. К. Каргер, — возможность использования для названных целей древних изображений этих построек, сохранившихся в древнерусских иллюстрированных рукописях, в росписях киевских храмов, на иконах. Изображения эти имеют крайне условный характер, и возможности использования их в качестве источников для реконструкции архитектурного облика киевских теремов, гридниц, сеней, хором и других построек княжих и боярских дворов крайне ограничены» (Каргер, II, 60).

Однако, если здания на миниатюрах, например, похожи на византийские, это можно объяснить и тем, что русская каменная архитектура была первоначально занесена из Византии. Можно вспомнить в связи с этим дворцовые здания болгар того же периода. В Никоновской летописи под 991 г., как уже упоминалось, прямо сказано: «Того же лета прииодаша из Грек в Киев к Володимеру каменосечци и зиздателе полат каменных» (Ник. л., 64). Свое искусство они передавали русским ученикам. Таким образом, сходство зданий — не только условность искусства живописи.

Д. В. Айналов придает особое значение архитектуре киевского Софийского собора. Придя путем сопоставления древнерусских источников и архитектурных данных к заключению, что строили Софийский собор те же греческие мастера, что и Десятинную церковь, задержавшиеся в Киеве на долгие годы, он объясняет этим многие архаизмы в зодчестве собора (Айналов. К вопросу о строительной деятельности, 35, 36, 38). Дополняя его мысль, легко предположить, что эти мастера были заняты и на строительстве дворцовых зданий более ранних

лет, т. е. «гридниц». К этому пришел В. Ф. Ржига, указывая на возможность участия греческих мастеров в создании светского архитектурного ансамбля Киева: «Древнейший Киевский летописный свод, — писал он, — сохранил важное свидетельство о том, что придворная Десятинная церковь Владимира Святого была выстроена приглашенными греческими мастерами... Если признать, что без участия этих же мастеров не обошлись какие-нибудь постройки в составе дворца Владимира, то надо думать, что и светские здания, построенные ими, были чисто византийского типа. Поэтому-то византийская кафизма Киево-Софийских фресок не лишена иллюстративного значения в указанном смысле» (Ржига, 21—22).

Д. В. Айналов привлекает для восстановления особенностей древней византийской архитектуры Радзивилловскую летопись, которая содержит, видимо, рисунки (в первой части), скопированные с протографа рукописи начала XIII в., как это было принято при переписке книг и составлении новых сводов в Древней Руси (Айналов, III, 310). «Архитектурное изображение фресок, — писал Ржига, — может служить прекрасной иллюстрацией того типа зданий, который импонировал тогдашнему культурно-художественному вкусу в области светского зодчества» (Ржига, 21).

В светских зданиях древнего Киева, вероятно, можно найти действительно аналогии тому, как изображался «типичный град Киев в виде башнеподобного города византийской живописи», со зданиями «в виде длинной галереи или портика с рядом пролетов» (Айналов, III, 320), подобных галереи, какую дают реконструктивные изображения киевской Софии. Не исключено, что гридница, в которой происходили пиры, могла представлять не обычный зал, а именно галерею, открытую или закрытую (так были закрыты первоначально открытые галереи киевской Софии). Такая галерея могла, конечно, вместить неограниченное число пирующих.

Несомненно, что даже при перерисовке миниатюр византийских рукописей древнерусские живописцы вносили элементы, заимствованные из непосредственных впечатлений окружающей жизни. Древнерусские бытовые особенности из других областей материальной культуры тот же Айналов находит и в иноземных хрониках (Иоан-

на Скилицы), и в русских рукописях (Сильвестровский сборник, та же Радзивилловская летопись и др.). «Изображение кун, сосудов, полного... воинского костюма с треугольными щитами, шеломом, броней, мечом, копьем, наконец, княжеские шапки с красным верхом, низкие сапоги, иногда красного цвета... и красные плащи — все это создает... специфическую среду древнего быта» (Айналов, III, 321), — пишет он. Почему же в миниатюрах, изображающих события местной киевской жизни, не могли быть представлены конкретные постройки — гридницы?

Анализируя рукопись Иоанна Скилицы, известный историк древнерусского искусства Н. П. Кондаков, хотя и отказывается установить по миниатюрам оригинал дворца Святослава Игоревича, видя во дворце на миниатюре, где князь совещается с дружиной, «поздневизантийскую конструкцию», дает все же подробное описание этого дворца: «...С левой стороны башнеобразная пристройка, внизу — дверь входная; в верхнем этаже арками разделенная стена»; изображены, по его мнению, и разноцветные витражи. «Затем большой зал, представленный в разрезе, с желтыми лавками по стенам, которые разделаны обычными византийскими панелями или мраморною облицовкой, голубоватого цвета. Одна часть залы повышена красным помостом, как место для восточного трона; здесь зал обведен золотою каймой, с обыкновенным орнаментом в виде развода; верх его исполнен зубцами, наподобие замка; с правой стороны башня, совершенно глухая, но также разделанная разноцветною облицовкой, — вероятно жилая часть дворца» (Кондаков, Греческие изображения, 13)¹.

Археологи и историки культуры могли бы дать ответ, в какой мере все эти изображения находят аналогии в «гридницах» Киева с их богатым декором. Возможно, что памятники изобразительного искусства помогли бы все же восстановить архитектурный и декоративный облик городских светских зданий Древней Руси, чего нельзя сделать на основании немногих измененных переделками зданий фрагментарных археологических находок.

¹ Этнографическую специфику, запечатленную в других бытовых аксессуарах на миниатюрах рукописи, Н. П. Кондаков признает и делает ценные наблюдения (см. ниже), из которых видно, что условность византийской манеры письма все же сильно преувеличивается.

ДЕКОР И ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ГРИДНИЦЫ

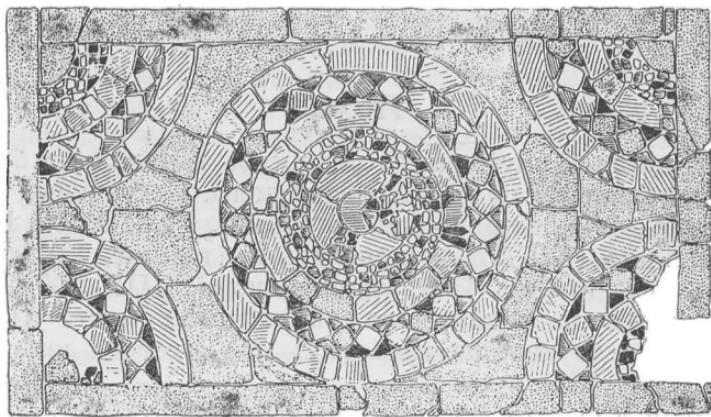
Полы

Из деталей внутреннего убранства гридницы в былинах наиболее часто упоминаются полы. Постоянный эпитет пола — «кирпищат» (см., например, Гул., 68, 92, 103), «кирпищет» (КД, 97), «кирпичатый» (там же, 40), «кирписчатов» (там же, 147), «кирпицьной» (БПК, 200, 221); встречается название пола «кирпичевой мост» (Шуб, 226), «сéреда кирпищетая» (КД, 21), «середа кирпичатая» (Онч., 321) и др.

Возможно, что под «кирпичным» полом в былинах подразумевался некогда не простой кирпичный пол, а выложенный майоликовыми, т. е. керамическими поливными, плитками или мозаикой из кусков мрамора, ценных камней и пр. Майоликовые полихромные плитки для полов, известны по раскопкам ряда храмов, а также светских зданий в городах Киевской Руси.

Древнейшие плитки были найдены в Киеве в развале Десятинной церкви, в остатках так называемых гридниц Владимира города; найдены были также плитки в Белгороде, Вышгороде, Чернигове и пр. Сохранились остатки мозаичных полов со сложным орнаментом, геометрическим и даже зооморфным (например, изображение павлина в черниговском храме), из майоликовых плиток или кусков ценных пород камня и смальты. Э. Лассота, описывая обветшавший Софийский собор, указывает, что в нем «пол устлан красивыми разноцветными камешками» (Лассота, 18) ¹. Были выработаны «характерные узоры на эмалевой поливе этих плиток: волнистые линии — «скобки», прочерченные в горячей эмали (см. о них выше.— Р. Л.), или пятна, полученные набрасыванием на нее толченой смальты и подогреванием» (Рем., 360—361). «...Эти сверкающие драгоценные полы были необыкновенно нарядны», — пишет Д. С. Лихачев («Культура...», 23). Такие же плитки, но зачастую с выпуклым орнаментом, шли и для облицовки внутренних стен жилища.

¹ По словарю Срезневского, «плита» имеет значение и каменной плиты и кирпича (Срезневский, Мат-лы, II, 966), так что «кирпищат пол» былин мог означать и мозаичный пол из камня.

Мозаичный пол в Десятинной церкви

Раскопки 1908 г. Реконструкция

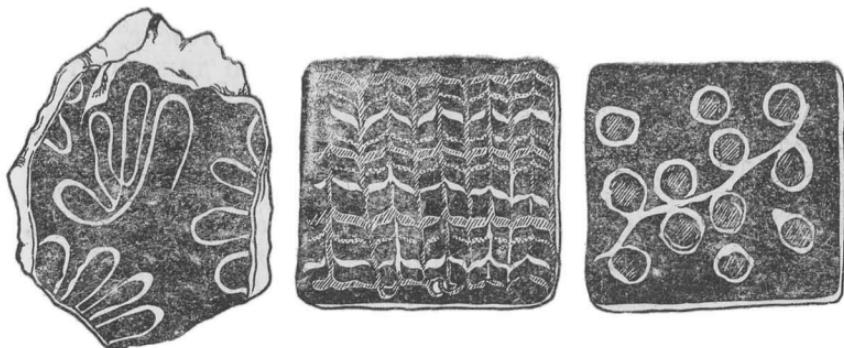
В свете изложенного словарное пояснение С. К. Шамбина к изданию 1938 г. «Древних российских стихотворений»: «кирпищатый — брускатый, кирпичный» (КД, 1938, 651) представляется неубедительным. Такое же, только развернутое толкование термина он дает и в своей статье о жилище в былинах. Кирпичный пол — якобы из деревянных брусков; полы же «косящатые», которые он упоминает, конечно, обмolvка сказителя, по аналогии с «косящатым окном», а не «из досок в косяк». В подтверждение этого С. К. Шамбина приводит описание пола (историческое, но XVI в., а не XI в.), которое, однако, опровергает его толкование, так как деревянный пол представляет имитацию других, более дорогих материалов: «Его расписывали красками: черною и зеленою в шахмат или «аспидом» под мрамор» (Шамбина, 13).

Обычные деревянные полы, конечно, тоже упоминаются в былинах:

Стал Мишута по гридне похаживати,
Стал дубовы половицы проламывати.

(Мил., 119)

Большой интерес представляет былинное выражение «пол-середа одново серебра» (КД, 112—113 и др.) у

Майоликовые плитки из дворцового здания. Белгород, XII в.

Ставра, Чурилы в описании гриден в текстах из сборника Кирши Данилова. Проще всего увидеть в этом эпическую идеализацию или заимствование из восточных эпосов (Стасов). Однако металлический пол былин имеет аналогии в архитектуре Древней Руси. Так, в Боголюбовском соборе пол — «дно» — был выложен блестящими медными плитами.

Былинное название пола — «середа», чаще в синонимической паре «пол-середа», известно в говорах XIX—XX вв. и означает обычно так или иначе выделенную часть пола, тогда как другая часть или замащивалась по-другому, или находилась на ином уровне; иногда же пол вообще назывался «середой», причем и в Олонецком крае, где записано особенно много былин. В мозаичных полах Киевской Руси середина пола была выложена багатым рисунком, а пристенная часть — каймой.

Стекла

Гридница не случайно в былинах сопровождается эпитетом «светлая», т. е., очевидно, оконные проемы были относительно велики и пропускали достаточно света по сравнению с узкими волоковыми оконцами, задвигавшимися доской, в обычном жилище. Постоянное упоминание этого в былинах показывает, что застекленные окна в парадном здании были еще на Руси редкостью. В этом отношении средневековая Русь не представляла исключения. Кроме церквей, «только в княжеских двор-

цах,— пишет Нидерле,— о чем свидетельствуют дворец в Абобе и древнейший княжеский дворец в Киеве, уже в X веке окна были не только большими, но даже застекленными зеленоватым стеклом» (Нидерле, 262).

В былинах оконные проемы забраны стеклом (или хрусталем), реже слюдой: «окошечки хрустальнии стекольчаты» (Мил., 150), «околенка стеклянная» (Гул., 115), «оконенки» (Аст., Б-ны, 80, 84), «окольницы» (БПК, 295), «окольничи» (там же, 197) — все «хрустальные».

Обычный мотив в былинах,— когда богатырь в раздражении повышает голос или стучит кулаком по столу, или топает об пол, или хлопает дверью, из окон не только вылетают стекла или слюда, но сами оконные рамы, по-видимому, расшатываются или ломаются. Когда Добрыня стучится к себе домой,

Немножко дверь да зашаталася,
Хрустальные окольница полопали.

(БПК, 295)

От удара палицей Хотена «стекла из окон посыпались» в тереме у Чайны (БПК, 364). Дребезжание стекол образно передано в тексте: «Приступи, чтобы спели светлые оконницы» (Кир., 4, 40).

Конечно, легко возразить, что все оконное стекло в былинах (а не только «хрустальное») — модернизация, но надо брать образ целиком, а не отдельные его элементы; в эпической же гридне, если относить сложение былин к Киевской Руси, это могли быть только небольшие круглые стекла с закраинами, вставлявшиеся в специальную решетку окна. Такие стекла — одна из наиболее характерных находок при раскопках парадных городских зданий и храмов в городах XI — XII вв. М. К. Каргер называет стекла в числе типичных для того времени строительных материалов (Каргер, Вновь открытые памятники, 21).

Уровень археологических сведений в XIX — начале XX в. о материальной культуре Киевской Руси сказался и на трактовке упоминаний оконного стекла в былинах. Л. Н. Майков, например, относил «стеклянные оконницы» в былинах к модернизации текстов: «...В них упоминается употребление стекол в окнах... Все это черты новые» (Майков, 38). С. К. Шамбинато утверждал также, что

«слюдяных окон былины не знают» (стр. 11); этому противоречат такие тексты, как «из оконенок слутки (слюда, слюдка. — Р. Л.) посыпались» (Мил., 106—107), «как в окошечках селюдочки посыпались» (Кр., I, 575). Отметим, что слюда — «мусковит» — была на Руси известна с XII в.

В настоящее же время упоминание о застекленных окнах в былинах нельзя не считать исконной реалией, отражением особенностей городского жилища Древней Руси.

Позолота

«Гридница» в былинах часто подменяется «палатами белокаменными», а иногда и другими строениями; поэтому хочется напомнить об обильной позолоте, украшающей все эти парадные постройки — кровли, внутренние стены, двери, мебель и пр.: «дворец стоит, точно жар горит» (БПК, 133), «маковки золоченые» (там же, 70), терема «златоверховатые» (КД, 12) и т. д. В одном из вариантов

Приходила полата белокаменная:
Столбики точеные, повыше рук золоченые.

(Р., I, 306)

Все это напоминает фрагменты декора такого рода, известные по археологическим раскопкам.

Золотом украшены и двери в былинах, хотя сами они железные.

Двери были у палат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены.

(КД, 44)

О золоченых дверях в былинах дает представление бронзовая пластинка с рисунком золотом, которую Б. А. Рыбаков считает фрагментом «двери светского дворца» (Рем., 326). Медные с росписью золотом двери сохранились в Суздале в соборе начала XIII в. В одной из былин «изукрашена палатушка медью красною» (Гул., 107).

Все это не позволяет видеть в золотом эпическом декоре жилища просто символический образ богатства.

Тем более, что указаны и материал и техника: «по булату злачены», «злаченые» (позолоченные), тогда как среди бытовых ювелирных изделий названы и предметы «однозолотные» — из чистого золота, например блюда, сбруя (см. Т. — М., II, 25 и др.).

Роспись, меховое убранство

При описании гридницы в былинах роспись не упоминается. Вероятно, это объясняется тем, что архаичное понятие гридницы полузабыто, и поэтому изображение ее декора вообще очень скучно. Зато роспись сохранена в эпическом описании «палат» и «теремов», известных исторически значительно позднее и подменяющих, как уже говорилось, гридницу в былинах. В сюжетах о Садко и Соловье Будимировиче особенно устойчиво держится описание таких расписных палат, где «все по-небесному». Это дает возможность предполагать, что некогда в былинах расписными были и гридницы. Ведь о яркой росписи зданий в Киевской Руси есть несомненные свидетельства.

М. К. Карагер, описывая фрески на внутренних стенах башни, служившей входом на хоры киевского Софийского собора (сцены охоты, представления скоморохов, игры музыкантов), отмечает: «Подобные стенописи светского содержания, несомненно, покрывали стены киевских дворцов», и приводит параллели средневековой Византии, Сицилии (ИКДР, II, 352).

Вероятно, можно было бы найти исторические аналогии встречающемуся в былинах описанию потолков, стен и окон, убранных дорогими мехами (см. тексты: КД, 91; БПК, 316; Р., 1, 306), — ведь известно, какое большое место занимали звериные шкуры в интерьерах средневековья.

Мебель

Мебель в гриднице показана крайне скучно: только пиршественные столы и лавки, или скамьи, да иногда «золот стул», большей частью княжеский. Столы и лавки обычно «дубовые» (повсеместно), «белодубовые» (Гул., 92, 94 и др.).

Археологические раскопки подтвердили, что основным материалом для деревянных поделок в Киеве и Новгороде в XI — XII вв. действительно был дуб, как и в былинных гридницах. Естественно, что именно столы и лавки должны были составлять основное убранство залы, служившей местом для пиров и совещаний. С. К. Шамбинаго отметил, что как для спальни — «ложни» в былинах «первым предметом ее убранства была постеля, т. е. кровать со всем убором», так, «столы, скамьи и стулья были главнейшим предметом наряда, преимущественно, гридни столовой» (Шамбинаго, 19).

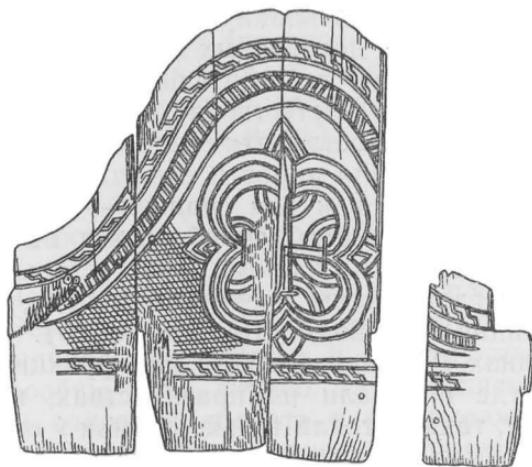
В континатах Щецина, близких по функции русской гриднице, где пировали на празднествах, по Саксону Грамматику, также стояли только скамьи у стен и столы. Эта мебель была обычна в средневековье, а в крестьянском быту русских держалась еще в начале XX в.; поэтому отчасти, вероятно, она так органично вошла в русский эпос.

Столы и скамьи связаны со многими мотивами в былинах (пируют вокруг этих столов, за более почетное место на скамьях у того или иного из столов возникает борьба, конфликты, в печорских вариантах крышкой стола — «столесенкой» — даже замахивается на Владимира разгневанный Василий Игнатьевич (Онч., 68, 253)).

Кроме дубовых (белодубовых, сыродубовых) столов и скамей, в былинах встречаются кедровые, кленовые, белые, из «рыбьего зуба», «рыбчатые», «кости слоновые», золоченные. По способу выделки — из брусьев — скамьи и лавки часто названы брускатыми, брусовыми или брусянными.

Эта древнерусская мебель запечатлена и в изобразительном искусстве. На миниатюрах рукописи Иоанна Скилицы скамьи нарисованы в той сцене, где князь Святослав Игоревич совещается со своей дружиной. Конечно, по одному рисунку судить трудно, но вообще этнографические особенности соблюдались этим художником точно, как, видимо, и при изображении трона Святослава на другом рисунке.

Н. П. Кондаков отмечал ряд точных бытовых аксессуаров в изображении самого князя и его окружения на этих миниатюрах, показывающих сильное печенежское влияние: печенежские шапки «вельмож» Святослава, высокую луку седла, обычную для кочевников, его трон,

*Резная спинка деревянного кресла
Новгород*

спинка которого заканчивается конскими головками (или головкой), тогда как Цимисхий сидит на троне другого образца (Кондаков, Греческие изображения, 13, 14, 19—20). Действительно, Святослав, удивлявший современников простотой своего воинского быта, видимо, сильно «опеченежился», переняв у своих противников и употребление в пищу конины, и отсутствие промоздкого обоза, и спанье на войлоке (ПВЛ под 964 г.), и, как видно по рассматриваемой миниатюре, особенности мебели. Примечательно, что точно таков же декор, например, парадного кресла якутского тойона, которое хранится в Якутском краеведческом музее: «Прямая спинка, кроме изящно исполненного орнамента... украшена... вверху по бокам — реалистически выполненными лошадиными головками... Ножки также заканчиваются лошадиными копытами». По мнению автора, опубликовавшего фотоснимок с кресла, эти детали декора связаны с «интересами скотоводческого народа»; точнее было бы сказать — бывших кочевников-коневодов (см. И. Зaborовская, Коллекция якутской мебели, 165, рис. 2).

На эпических пирах столы различают по месту, где они стоят,— более или менее почетному. Столы названы передними (Онч., 240), середними (Г., I, 544), окольными (Г., III, 413), нижайшими, меньшими, зад-

ними и пр. (по Указателю к Гильфердингу). Иными словами, за столами рассаживались по определенным установленным правилам. Реже по месту, где они поставлены, различаются скамьи, в том числе и «богатырские». В одном варианте места на скамьях размежеваны сваями (см. выше).

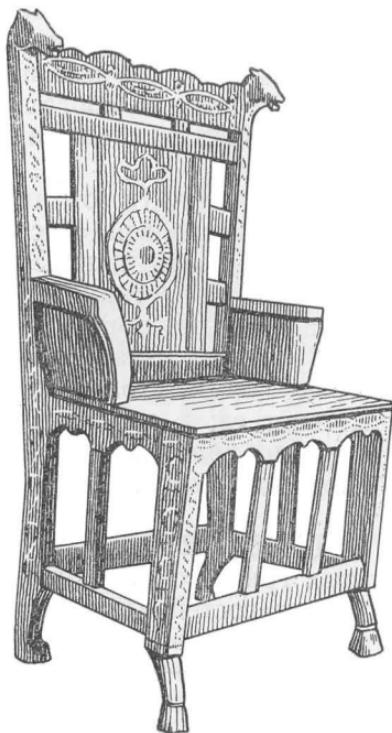
Стол, за которым потребляют пищу (в том числе священную пищу — хлеб), в былинах нельзя «бесчестить», т. е. скакать через него, перешагивать и пр. Этот обычай, широко распространенный у русских и позднее, упорно сохраняется в былине о неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни. Узнав мужа, она в спешке хочет перепрыгнуть через стол — из-за «застолья», но муж останавливает ее; в других вариантах она сама объясняет, почему пробирается из-за стола более длинным путем, в обход: «Прямо, сударь, скачу — бесчестью столы» (КД, 16).

За «убраные столы» (КД, 115, 152 и др.), т. е. накрытые для трапезы в «светлых гриднях», неизменно ведет приезжих богатырей и других гостей князь Владимир; на эти столы несут различные кушанья «повара» и «слуги». Само угождение на пиру в былинах (как и в современной разговорной речи) нередко называется «стол»; например, у Владимира для Потыка «втапоры... стол пошел» (КД, 152).

Однако гридня — место не только пиров, но и совета; поэтому на стол в гридне послы-татары кладут свои

Свидание Святослава с Иоанном Цимисхием
С миниатюрами рукописи Иоанна Скилицы

*Парадное кресло
якутского тойона XIX в.*

грамоты в ряде былин. Иногда же эти грамоты кладут и на «золот стул» (Р., 1, 37).

Что означает этот «золот стул», а также «золот стол»? Стул в былинах, если только он не «ременчат» (т. е. складной, походный), роскошен: червленый, золот, золоченый, рыта бархата (указатель Васильева). Обычно на «стуле» сидит только князь Владимир, причем здесь он пишет «ярлыки» и принимает «грамоты посыльные», т. е. занимается государственными делами. Лишь в единичных вариантах на золотом стуле сидят богатыри; например, Илья Муромец в тексте, записанном С. И. Гуляевым в Петербурге от крестьянина Быкова (см. «Памятники и образцы», ч. II, 145), и в некоторых других, сбивчивых текстах. Заметив необычность этого текста, О. Ф. Миллер указывает: «Это один из тех немногих случаев, когда упоминаются у нас золотые стулья или столы» (О. Миллер, 698).

Может быть, этот «золот стол», или искаженное «золот стул», чаще означает «стол», в смысле «престол», трон? В рукописи «О начальстве рускыя земля» начала XVI в., по мнению А. И. Соболевского, представляющей пересказ былины, упоминается «стол злат» князя Владимира: «...И сяде Володимер во граде Кыеве на златом столе на великому княженъи» (Соболевский, 16).

Сравнивая надписи и изображения на монетах времени Владимира: «Владимир на столе, а се его сребро», — А. В. Орешников, детально описавший сребреники Владимира, дает и типы престола — «стола», на котором сидит князь: со спинкой («изображеніе вел[икого] князя на седалище с высокой спинкой вправь». — ДЗ, 76) или без спинки («седалище характеризуется двумя полу-кружками с боков, изображающими, вероятно, ручки седалища или концы подушки». — ДЗ, 73)¹.

Название «столец» в смысле «стул» известно в русских памятниках, что показывает нечеткость обоих терминов (о стольцах из резного дерева см. Рем, 634). В Ипатьевской летописи под 1152 г. послу киевского князя при приеме у галицкого князя поставили «столец», на который он сел, «что служило в Древней Руси признаком особого почета» (РЛ, 236).

Можно связать с княжеским «золотым стулом» (или столом) былин тот престол киевского князя, о котором повествует Ибн-Фадлан: дружиинники князя «сидят под его престолом; престол же его велик и украшен драгоценными камнями» (Гаркави, 101)².

В связи с этим, может быть, эпитет гридни «столовая» следует толковать не только как помещение, где стоят пищевые столы, т. е. своего рода трапезную, или «трапезницу», но и как «столовую» тронную залу? Против этого можно, однако, выдвинуть возражение, что тогда бы она называлась «стольной гридней», как в

¹ А. В. Орешников считал эти монеты с именем Владимира относящимися к Владимиру Мономаху, тогда как преобладало мнение, относящее эти монеты к Владимиру I (ДЗ, 66 и др.). В настоящее время большинство исследователей (В. Л. Янин, Б. А. Романов и др.) их также считают денежными знаками Владимира I. Во всяком случае, смешение двух Владимиров обычно для эпоса.

² Однако в цитированном тексте престол означает, видимо, не только сам трон князя, но и возвышение, помост, на который он поставлен.

былинах назван «стольнокиевским князем» Владимир, а «стольным городом» — сам Киев. М. Г. Халанский обратил внимание на «Путевые записки» Э. Лассоты, где есть чрезвычайно сбивчивое сообщение, что в Киеве в Софийском соборе¹ «от хоров ведет витая лестница к небольшой башне, где, как говорят, происходили заседания совета Владимира. Эта так называемая *stolicza* Владимира есть небольшая светлая комната» (Лассота, 18). Значит, термин «столица» в применении к помещению существовал; замена же «стольной» гридницы «столовой» (наиболее обыденное объяснение, так как в пиршественном зале столы, конечно, должны были быть) тоже естественно.

Реальность эпитета «золотой» о престоле Владимира подтверждается, по мнению Б. А. Рыбакова, тем, что «в изделиях IX — X вв. позолота применяется очень широко... Золоченые изделия постоянно упоминаются на страницах летописи, многие предметы вошли в поэзию, с постоянным эпитетом — золотой, золоченый» (Рем., 324—325). Вероятно, «стол» Владимира также был окован позолоченным металлом или золотыми пластинами?

Вся эта мебель в былинах, как и в других традиционных жанрах фольклора, «испродернута» (покрыта?) или «потянута» (обита?) дорогими тканями. На столах лежат скатерти «бранные», «белобранные», т. е. вытканные древней и сложной браной техникой, реже «берчательные» или «шелковые».

* * *

В свете всех этих историко-этнографических параллелей так ли уж велика была поэтическая идеализация жилища, как это обычно считается? А между тем преувеличенное представление о поэтической специфике былин (которая, конечно, существует) заставляло исследователей, работающих в смежных с фольклористикой областях науки, а отчасти и самих фольклористов, с излишней предубежденностью относиться к русскому эпосу как историческому источнику.

¹ Софийский собор в Киеве был построен только при Ярославе Мудром; Владимир Святославич в нем бывать не мог. Впрочем, можно считать, что Лассота подразумевал Владимира Мономаха.

ПИРШЕСТВЕННАЯ УТВАРЬ И ПИЩА

В русском эпосе при описании пиров упоминаются различная столовая утварь, кушанья и напитки. Роскошь эпических пиров, где столы отягчены драгоценной пиршественной утварью, стольники разносят лебедей и другую дичину, добытую самими богатырями, а чашники наполняют чаши и рога «питьями медвяными» и «заморскими винами», близко соответствует свидетельствам исторической действительности. Картина эпического пира оживает, если сравнить ее с описанием богатой обстановки в «Слове о богаче и о Лазаре», известном в списке XII в.: «Тъ богатыи на земли живяше и в багtre (и в паволоце) хожааше, кони его бели беша, златъмъ укращени, седла его позлащена. Раби его предтекуще мнози в брачине и в гривынах златах, а другии... обручи и мониста носяще... На обеде же его служба бе многа; злата и сребръна (съсуди златъмъ съковани и сребръмъ); вино (брашьно) много, тетеря, гуси, жеравие и ряби, голуби, кури, заяци и елени (вепреве, дичина, чамъри, търтове, печени, кръпания, шемълизи, пиро[го]ве, пътьки); множество сокачии работающе и делающе с потъмъ, ини мънози текуще, и на пърстех блудо носяще, ини же махающе с боязнию; ини же сребръныя умывальница държаще, ини же укропъница дъмуще, ини стъкляница с виномъ носяще (чаше сребръны великия позлащены, кубъци и ютъли: питие же многое — мед и квас, вино, мед чистыи, пъпъряныи; пития обнощъная с гуслыми и свирельми; веселие многое — ласкавыци,

шьпилеве, празднословыци, смехословыци, плясания, мерзости, въплеве, песни) и ти вси тружахуся тъщащеся единого богатааго чрево насытити. Готовяще ему и одр слонов с претыканами понявами, свильнами мякками(настылан перин поволочитых)».

И. И. Срезневский отмечает: «Слово это, по описанию жизни богача, очень любопытно в археологическом отношении... Список этот любопытен и по разночтениям — особенно в описании жизни богача»¹

Однако если «Слово» (как и другие церковные поучения такого рода той эпохи) представляет обличение чрезмерной роскоши, противоречившей духу средневекового христианского аскетизма, то в былинах многое, аналогичное этому описанию, дано как нормальная бытовая обстановка, без всякого осуждения, с полной языческой безмятежностью: кованые золотые и серебряные сосуды, звон гусель и пение гостей и скоморохов, обилие «мяс», слуги, носящие блюда с разнообразными кушаньями, повара, готовящие все это:

А и повары были догадливые:
Носили ества сахарныя,
И носили питья медвяныя.

(КД, 25)

Это показывает, что среда создания былин была иной — светской, обстановка пиров дана в них глазами самих участников.

Великолепный фон эпической обстановки на пирах составляют художественные изделия из драгоценных металлов («золотой и серебряной фольклор», как образно назвал их Б. А. Рыбаков²), в особенности пиршественная утварь. Это всевозможные сосуды, из которых пьют и едят участники пира: туры рога в оковке, чаши

¹ См. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I—XL. СПб., 1867, текст XXIII «Слово о богаче и о Лазаре по списку XII века», стр. 28—30. Срезневский поясняет (на стр. 28), что текст, напечатанный по Торжественному списку XII в., дополнен (в скобках) по Троицкому списку того же века. Пунктуация нами проведена по публикации Троицкого списка «Слова» в ИКДР, I, 277. Здесь приведены лишь наиболее значительные для сопоставления с эпосом разночтения.

² Доклад «Семантика древнерусского орнамента», прочитанный в Институте археологии АН СССР в мае 1965 г.

и чары, братины, блюда, корцы, и пр., в единичных вариантах кубки, стопы. Действительно, на этих пирах «столы были уставлены богатой посудой, изготовленной... златокузнецами» (ИКДР, I, 139).

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ И ДРУГАЯ УТВАРЬ

Увлечение металлом, высокая его ценность для горожан, импорт предметов роскоши — паволок, золотых изделий — и наряду с этим «овощей разноличных» и вина характерны для переломного X в. Н. Н. Воронин приводит известный летописный рассказ о дружинниках Владимира Святославича, пожелавших есть серебряными ложками, а не деревянными, чтобы этим подтвердить большие сдвиги в развитии общества в тот период. «Время Святослава и Владимира,— пишет он,— вообще представляется таким периодом, когда во всех областях быта и идеологии происходят весьма ощутительные перемены обычаев и вкусов» (ИКДР, I, 277—278). Сама ситуация, описанная в былинах, была характерна для переломной эпохи, когда в Киевской Руси уже стало сильным социальное и имущественное расслоение. Еще Ф. И. Буслаев выражал мнение, что этот эпизод заимствован летописцем из эпического предания, выражавшего идеологию княжеской дружины: «Из всех эпических преданий о Владимире богатырский эпос хорошо помнит только пиры его, о которых повествует еще летописец Нестор, как бывало пировала дружина у этого ласкового князя, и как однажды, подпивши порядком, витязи роптали, что едят ложками деревянными, а не серебряными. Владимир будто бы велел сделать серебряные ложки, сказав: «серебром и золотом дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра». Это известие, может быть, заимствовано было летописцем уже из былин о княжеских пирах, описанием которых и до сих пор начинается большая часть богатырских песен» (Буслаев, 112).

До нас дошли и изображения древнерусских сосудов: в Сильвестровском сборнике (начало XIV в.), в миниатюрах Радзивилловской летописи, протограф которой относят к началу XIII в. Это чаши, рог в оправе на подставке, так часто упоминаемые в былинах, и пр. Подлин-

ные вещи, датируемые эпохой Киевской Руси, также известны по археологическим находкам: знаменитые ритоны-рога в серебряной оковке из черниговской Черной Могилы, X в., серебряная чаша с резной надписью по краю, принадлежавшая черниговскому же князю Владимиру Давыдовичу, XII в., привозная серебряная братина XII в. и пр.

Чаши и чары

Упоминания о пиршественных чашах (или чарах) в былинах необычайно обильны. В Указателе к «Онежским былинам» Гильфердинга слово «чаша» помещено с разнообразными эпитетами: «пивная, винная, позолоченная, золотая, серебряная» и пр. В других сборниках имеются сходные эпитеты.

Так как в былинах термины «чаша» и «чара» употребляются почти безразлично, то в дальнейшем они и рассматриваются в данной работе вместе. Возможно, что «чара» в былинах вытеснила в основном «чашу», так как в древнерусских письменных памятниках говорится о чашах.

Чаши или чары в былинах, на пиру и вообще в быту, очевидно, подразумеваются трех типов: круговые чаши, из которых пьют по очереди, передавая друг другу; сосуды, из которых черпают другими, меньшими («наливная чаша однозолотная»)¹; индивидуальная чаша, отдельная у каждого участника пира и вообще принадлежащая ему. Однако с уверенностью можно говорить о первом и втором типе; чаша, из которой черпают, в былинах заменена бадьями, чанами и бочками.

¹ О такой «чаре» — вместилище для напитков, подаваемых на пиршественный стол (причем пили из более мелких сосудов, в которые «черпалами» наливали из большой чары), сохранилось свидетельство от XV в. Менгли-Гирей в своих письмах к Ивану III неоднократно просит прислать ему серебряную утварь, в том числе и двухведерную чару с «наливкой», т. е. черпалом: «... Серебряную чару исполнив меду про твою, брата моего, любовь чашу всегда полну пьем». Уточняется и то, какой должна быть эта утварь: «... В два ведра доброва дела серебряны чары да наливки серебряны прошу у тебя; наливка бы не мала была, по чаре посмотря» (см. об этом Рем., 660).

Металлические чаши или чары в эпосе не только велики, но и тяжелы, в чем сказалась, конечно, и обычная эпическая гиперболизация. Но величина чаш в былинах говорит и о том, что эти чаши были круговыми большей частью. Емкость чаши или чары в былинах чаще всего — в «полтора ведра» (Мил., 12; Гул., 91; КД, 25 и др.), но нередко она показана дифференцированно: и «в полтретья ведра» (как и турий рог меда. — КД, 70, 137, 143), и «в полпяты», и «в полсема» (см., например, Аст., Б-ны, 109—110). Или:

Весом чарà пол-сёма пуда,
Мерой чарà пол-сёма вёдра.

(Кир., 2, 90)

Однако обычная гипербола не так чрезмерна, если иметь в виду, что ведра в Древней Руси делались значительно меньшего размера, чем современные. В погребениях IX—XI вв. находят нередко остатки небольших деревянных ведер с железными обручами, ушками и дужками. «Размеры их были обычно не больше 25—30 см в диаметре,— пишет Б. А. Рыбаков о черниговских раскопках (ДЧ, 42),— и только у боярина из Гульбища (под Черниговом.— Р. Л.) его ведро достигало почти 40 см в диаметре, напоминая былинную

Чару зелена вина
В полтора ведра».

Большая величина чаш для питья даже вошла в поэтику былин как часть образа, рисующего великана-врага. У Идолища, например, «головища... как пивной котел, глаза у него как чаши питейные» (Кир. 4, 23) или «пивные чашища» (Г., I, 429).

В одном из вариантов вместе с чашей привлекаются для сравнения и блюда:

Веть ушища-то у царища — быдто блюдища,
А глазища-та у царища — быдто чаши пивныя.

(Кир., 3, 41)

В записи XVII в. емкость чаши уточнена: «глаза у него по осминой чаше» (Аст., Б-ны, 130).

О том, что чаши в былинах большей частью круговые, говорит ряд текстов. Обычный в эпосе вопрос богатырю, который «закручинился» на пиру или «невесел» уходит с пира,— не обнесли ли его чарой. Обнос чарой воспринимается как урон для чести богатыря:

Что идешь ты с пиру невеселой?
Не дошло тебе место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?

(Гул., 92)

Чаши эти должны были идти «рядом» (БПК, 387):

Али чаша ти шла не рядобная?
Или место было не по отчине?

(Р., 2, 339)

Иногда чаша заменена «братыней», т. е. братской чашей (Кир., 3, 9).

Уж и я ль обнес тебя золотой казной,
Я ль обнес тебя братыней пьяною?

(Кир., 3, 9)

Видимо, круговой по назначению была и «оберучная чаша» в шенкурской былине, хотя ее требует для себя одного Илья Муромец (именно в доказательство своей выносливости при питье вина). В тексте былины об «оберучной» чаше Илья Муромец обращается к князю Владимиру:

«Ещё ты, славной князь киевской да владимирской!
Ты неси-ко цяшу большую да оберуцьную...
Зеленá вина да полтора ведра!»
Илья-то берет ее да одной рукой,
Он и пьет ее да на один дух,
Ещё всё-то ёму мало кажется:
«Ты неси, князь, цяшу большую,
Цяшу большую да оберуцьную,
Ещё два ведра да зелена вина».

(Кир., 1, 84)

Это — чаша, которая так тяжела, что для удобства наливания из нее напитка или при питье ее надо дер-

жать двумя руками, для чего у нее должны быть две ручки — «уха». В Уставе 1193 г. такая чаша и названа «обоухою». Ее употребляли в монастыре за трапезой: «Обходить около братии с обоухою чашею и даеть ко-муждо в чашю когождо вина», т. е. «монахи пьют каж-дый из отдельных малых чаш» (Ржига, 48—49). Именно такие круговые чаши назывались «обнощьными», т. е. ими обносили за столом.

Размер чаши, выпиваемой одним богатырем, и ее вес навели О. Ф. Миллера на мысль видеть в ней «чашу искусса». Величина пиршественной чаши как бы соответствует силе богатыря. Владимир с умыслом подает богатырям огромную чару, испытывая их: кто выпьет ее одним духом, тот годен сослужить Владимиру «служебку великую» — поехать за данью (Кир., 2, 90). В пересказе XVIII в. Илья Муромец заставляет слить вместе две или три чары (Аст., Б-ны, 136); Василий Пьяница, призванный Владимиром на помощь, перед боем требует себе чары всех трех главных богатырей и выпивает их одну за другой (см. Кир., 2, 94—95). К тому же берет герой тяжелую чашу «единой рукой», а пьет «за единый дух» — это две стороны одного и того же пиршественного подвига богатыря.

Явная эпическая гиперболизация сказывается в тех текстах, где богатырь берет огромную чару не только одной рукой, но даже одним мизинцем — «единым перстом берет мизёнышком» — и выпивает «на единый дух» (Г., I, 301).

Почему же богатырь выпивает такие громадные чаши один? Можно предположить, что питье непомерного количества напитка из чаши, предназначеннной для всех собравшихся, не только эпический подвиг обжорства, показатель исключительной физической моци героя (на поздней стадии героического эпоса такое обжорстводается, как правило, уже в гротескном плане). Это имеет и другой, более глубокий, смысл. Не противопоставляет ли этим герой себя родовому коллективу с его «братчими» и «братьнями» — братскими чашами? Такое противопоставление было характерно уже для эпохи военной демократии, когда родовые связи ослабевали, а первенствующее значение начинали захватывать вожди дружин и отдельные наиболее сильные в воинских добле-стях дружины? Сильный воин в былинах выпивает

один общинную чашу, иначе братыню, братину, нарушая старые установления пира¹.

Питье в одиночку огромной чары осуждается в былинах, как нарушение пиршественного обычая, когда дело касается не русского богатыря, а врага. В записи XVII в. князь Владимир приказывает чашнику (кравчemu) на пиру налить заздравную чару в честь Тугарина Змеевича, присутствующего на пиру. Тот выпивает ее один:

И подносит великои ласков князь Владимир киевской
Меду слаткова Тугарину Змеевичю,
Чару в полпята ведра,
И он ее выпивает одитным духом досуха.

Между тем, видимо, в данном случае это было нарушением пиршественного обычая пить в круговую, так как когда после этого подносят чару Алеше Поповичу, решившему избавить Русь от Тугарина, он, чтобы подчеркнуть невоспитанность Тугарина, напоминает правила поведения на пиру своему слуге:

...прикушав, подает Торопу, слуге своему парапку;
А сам говорит таково слово:
«О[и] еси ты, Тороп, слуга паробок!
Прими чару меду слаткова в полпята ведра:
Сам пе[и] и подле себя подчива[и].

(Аст., Б-ны, 140)

Что такое толкование не произвольно, доказывается сходным текстом былины на тот же сюжет, где Алеша Попович, соблюдая пиршственный этикет, «потихоньку пьет», а Тугарин «на один дух» (Т.-М., II, 98); в другом тексте Тугарин «нечестно... питья пьет» — по целой чаше (КД, 131).

Так или иначе наряду с чашей или братыней, из которых пьют «в круговую», в былинах появляется и индивидуальная чаша (или чара, редко кубок), лишь нали-

¹ О противопоставлении героем себя коллективу в эпосе других народов говорит Е. М. Мелетинский, раскрывая основы «культы героя», «рост самосознания индивида», его «личную исключительность», в том числе и физическую силу (Мелетинский, 79, 361).

ваемая в определенную очередь, а то и без соблюдения этого (Гул., 94).

Принадлежность чаши или чары одному лицу, индивидуальное пользование ею, вероятно, явление более позднее, чем питье в круговую. В былине о сорока каликах их должно обвиняют:

Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезд пьет!

(КД, 160)

О том же говорит пословица, включенная в один текст былины: «Не твоя чаша,— не тебе и пить!» (Кир., 4, 14).

К индивидуальной чаше, конечно, относится и надпись, вырезанная по краю ее — «подрези» в былине о Дунае и Добрыне, притом с запретом пить из нее кому-либо другому. Однако надпись эта, как уже упоминалось, противоположна обычным в Древней Руси надписям-благопожеланиям. Такая надпись, как известно, есть на «подрези» по ободу пиршественной чары XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу: «А се чара кня Володимирова Давыдовча кто из нее пь[еть] тому на здоровье а хваля бога своего осподаря великого кня».

М. Н. Тихомиров высказал мысль, что ювелирное производство в средние века «не мыслится без прямого покровительства ремесленнику со стороны феодалов» из-за дорогоизны самого материала; такие изделия в XI—XII вв. были заказными, чем, по его мнению, и «объясняется обычай указывать имя владельцев на серебряных и золотых сосудах, державшийся в России даже в XVI—XVII вв.» (ДГ, 74).

На корчаге XI в. также сохранились остатки благословляющей надписи, сделанной по сырой глине, которую Б. А. Рыбаков расшифровывает «благодатнеша плона корчага сия», т. е. «благодатна полная эта корчага» (Рем., 370, рис. 101). В подтверждение он приводит средневековые восточные надписи на сосудах (по Бернштаму), где наиболее часто содержится пожелание видеть сосуд полным, например согдийскую надпись на ручке амфоры VII—VIII вв. «Да будет полным» (там же, 368). «Не удивительно,— добавляет он,— что корчаги с вином, составлявшие необходимую часть пиров, воспетых в бы-

линах, надписывались гончарами. Благожелательная надпись, в которой мастер восхваляет венчополный со- суд, обращена к будущему владельцу корчаги. Для нас это пожелание изобилия, написанное в эпоху Ярослава или его сыновей, является интересным штрихом быта Киевской Руси» (Рем., 374) ¹.

Питье огромных чаш на пиру единым духом неверно было бы сводить к простому «гигантеску», «без всякого вкуса», как это делал Г. Р. Державин, говоря, что богатыри «выпивают одним духом по ушату вина» (Державин, VII, 607).

Ритуальное питье из чаш имело место в Древней Руси на пирах (свадебных и других), при новосельях и в других важных случаях ²; против него упорно выступают в своих поучениях церковники еще в XI в., так прочно держалось это наследие «языческой» религии.

То, что богатырь обычно берет чару «единой рукой» и выпивает «единым духом», имело аналогии в древних обрядах славян и их соседей, где такое питье совершилось по сложному ритуалу ³.

В то же время текст, где Владимир «проводывает» богатыря, подавая ему чару (за его здоровье?) (КД, 143), показывает, что в Киевской Руси были приняты уже

¹ Подтверждением тому, что в Киевской Руси такие благопожелания, запечатленные в надписях на сосудах, существовали и в изу-стном бытования, могут служить также приветствия хозяевам, которых застали за каким-нибудь занятием, в Архангельской области еще в нашем веке. Они сохранили ту же древнейшую форму кратких заклинаний-императивов: «Море под кормилицей!» (при дойке коров), «Спорина в квашню!» (при замесе теста) и т. п. (см. «Рыбацкие песни и сказы. Запись текстов, статьи... Р. Липец». М., 1950, 152).

² Наибольший интерес в этом плане представляет находка в слоях X в. при раскопках в 1953 г. Неревского конца Новгорода девяти деревянных ковшей, помещенных в особой яме вместе с кусками воска, причем расположение предметов имело явно обрядовое назначение (Седов, Языческая братчина, 139—141; см. также рис. 49 на стр. 139 и рис. 50 на стр. 140).

³ Ср. с ритуальным питьем «в один прием» жрецом бога Свято-вита в Арконе в XII в., с обычаем у литовцев в XV в., когда жрец во время одного из празднеств должен был выпить каждую чашу в честь божества не только в один прием, но даже не касаясь ее рукой, а держа зубами, а затем бросить через голову и т. п. (подборку сведений о ритуальных возлияниях в период средневековья у ряда народов Прибалтики см. в кн.: А. С. Фамильны. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 106, 112, 118, 119 и др.).

Обрядовая и пиршественная утварь

- 1 — деревянный обрядовый ковш, X в.;
2 — серебряная чаша князя Владимира Давыдовича, XII в.

«здравицы» в честь людей, а не только в честь богов. Богатыри ограничиваются на пиру тремя чарами, по пиршественному этикету предлагаемыми, подносимыми князем Владимиром (в эпосе обычно собственоручно, реже — через чашников), вознаграждая себя за это ограничение впечатительной емкостью чаш.

Но возможно также, что эти три чары, которые князь подносит прибывающему на пир богатырю, были в тот период уже, так сказать, нормой, обязательным актом гостеприимства¹. Часто, однако, в былинах звучит нота осуждения чрезмерного употребления опьяняющих напитков и именно питья последней, третьей чары. Свою

¹ На мысль об этом наводит одно постановление более позднего времени (XIV в.): великий князь Иван Данилович в 1329 г. разрешил «притворянам» св. Спаса в Торжке приходить на пиры к нему: «А ходите ко мне во всякую неделю и емлите у мене две чаши пива, а третью меду» (по Аничкову, стр. 216). Очевидно, этот обычай не был введен князем впервые и мог выполняться в отношении зависимых людей — ратников, дружиинников.

стычку с Дунаем Добрыня, распорядившийся в его шатре запасами вина хозяина, объясняет так:

А уш я перву чару выпил для веселья,
А фтору чару выпил для похмелья,
Ишше третью я выпил для безумья.

(Гр. III, 95)

У Василия Пьяницы первая чара, выпитая во дворе князя Владимира, «похмельная» (естественно для сюжета, согласно которому его находят уже в кабаке), вторая — «здравная», третья — «веселая» (Кир. 2, 94—95). Третью чару большей частью заменяет турий рог.

Возможно, судя по церковным поучениям, что в дохристианский период на Руси чаши на пиру пили в честь языческих божеств и лишь с введением христианства питье трех чаш стали связывать с христианским культом и молитвой за здравие государя. Поэтому питье трех чаш стало нормой употребления хмельных напитков, допускавшейся церковью. В одном из поучений чаши, выпитые сверх этого, называются «бес возвеселительными» и пр.; вероятно, помимо чащ в честь христианских божеств, заменивших древних славянских, продолжали пить чаши в честь последних, пишет Аничков (стр. 182).

Обычай петь гимнические песни в честь языческих богов был заменен, видимо, после введения христианства обычаем петь во время пира тропари, причем каждый раз осушалось по чаше. Против «тропарных чащ» и восставали проповедники новой религии, так как это слишком сближало ее с искореняемым язычеством. Как можно судить по поучениям, чаши в честь христианских и языческих божеств осушались вперемежку, и этому-то двоеверию и противилось высшее духовенство, а низшее колебалось, считая «тропарные чаши» победой благочестия.

Обычай пить «чаши бес» на пирах держался долго. Так, «Слово некоего христолюбца» запрещает не только этот обычай, но и смешение его с новыми христианскими установлениями; в подкрепление там приводятся слова апостола Павла: «И не можете бо пiti чаши господня и чаши бес» (Аничков, 371—372).

Питье чащ в честь славянских богов, вернее магическое заклинание их, хорошо известно по сообщению

Гельмольда о прибалтийских славянах, которые на пирах обносят круговую чашу со словами заклинаний во имя добрых и злых богов. Добавим, что и сами чаши для пиров хранились в Щечине в храме Триглава (как и ритоны, ножи и пр.), т. е. были сакральными и пили из них в особых зданиях при храмах — «континах».

Сопоставление языческого ритуального распития вина у славян с поучениями церковников в Древней Руси XI в. делалось многими исследователями. В первую очередь следует назвать И. И. Срезневского. Впоследствии это сопоставление развивали Фаминцын, Аничков, Ржига и др. «С распространением христианства на Руси,— писал В. Ф. Ржига,— давний обычай пить в честь языческих богов, с одной стороны, продолжал доживать в прежней форме, с другой — принял христианизованные оболочки» (Ржига, 89).

Прилагая все вышесказанное к былинам, нетрудно понять, что гость на эпическом пиру, которого обошли такой обрядовой братской чашей, тем самым становился неполноценным членом братчины, исключался из участия в ритуальном течении пира; ведь пир, в сознании его участников, в недалеком языческом прошлом был серьезным социальным институтом, важным делом, а не простой попойкой.

Отпечаток «московского» местничества, который хотят видеть некоторые исследователи в былинных конфликтах из-за порядка обноса круговой чашей,— во всяком случае очень позднее осмысление этого мотива.

Братина, братыня

Менее часто, чем чаша, упоминается в былинах «братина», «братыня», по форме представляющая или обычную уплощенную древнерусскую чашу (сохранявшуюся в народном быту русских еще в начале XX в.), или близкую к шаровидной.

Как показывает сам корень слова, обозначающего этот сосуд,— «брат», она связана с общественными «братскими» пираами, «братчинами», восходящими еще к родовому строю. Оба термина («братина» — сосуд и «братчина» — общественный пир) держались на русском Севере еще в XX в. Питье из братин было связано с

обрядовым распитием вина и пива на пирах, особенно на «канунных» праздниках, для которых варилось всей крестьянской общиной пиво.

В былинах упоминается «братыня серебреная» (Т.—М., II, 259), говорится: «Поднесем мы ему братину вина заморского» (Аст., Б-ны, 241) и пр. В одном из вариантов в шатре Дуная — не чаша, а братыня (Гр., III, 603). Иногда эта братыня — хитроумного устройства:

А у ней, братынечки, семьдесят семь рожков,
Из каждого рожка бежат напитки разны.

(Онч., 129)

Чистая ли фантастика, как это обычно считается, такая братыня с многочисленными рожками? Преувеличение, несомненно, есть, и число 77 — эпическое (на 77 жерл разливается Волга в устье в песенном фольклоре, на 77 дорог рассыпается горох в загадках и т. п.). Но, может быть, сосуды с особыми отделениями и слиями для различных напитков и были известны на Руси?

Характерно, что к обычной уплощенной чаше близка по форме серебряная братина, датируемая примерно XII в., высота которой намного меньше ее максимальной ширины. Существуют и другие братины, более позднего времени, которые «приближаются... к древнерусской чаше», но В. Никольский, исследовавший форму и генезис русских медных, серебряных и золотых братин, почему-то определяет уплощенные братины как «переходную форму», а исходной считает шаровидные, высота которых равнялась ширине, снабженные венчиком и стояком-подставкой¹. Сам В. Никольский считает шаровидные братины импортными или подражаниями восточным образцам; к тому же большинство их относится к XVI—XVII вв. Поэтому трудно согласиться с ним относительно этой формы как исходной на Руси; вернее считать таковой обычную уплощенную братину — круговую чашу, функции которой могли, конечно, перейти потом и к сосудам другого типа.

¹ См. статью В. Никольского «К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины» («Сборник Оружейной палаты». М., 1925, стр. 73—83).

Особенно ценно для выяснения генезиса пиршественной утвари то, что братины служили заздравными чашами. Об этом говорят надписи, обычно имеющиеся на них, содержащие имя владельца или просто обозначение «братина добра человека» и благопожелание «пить из нее на здоровье», «пити из нея на здравие всякому»; особенно интересна надпись «пити из нея за здравие всякому доброхотящему человеку, благодаря бога и моля за государя», окончание которой близко к надписи на чаше Владимира Давыдовича (Никольский, 74—75)¹.

В. Никольский подчеркивает, что хотя (кроме братины XII в.) все рассматриваемые им братины датируются XVI—XVII вв., а в письменных источниках братины известны лишь с XVI в., конечно, «братина бытowała на Руси задолго раньше», причем «употребление братин для пития заздравных чаши сопровождалось в «быту древней Руси целым обрядом» (там же).

С обычаем питья «трех чаши» связаны, видимо, надписи на трех братинах XVII в., где указано, для чего предназначена каждая из них. Одна называлась «богородицына чаша», другая — «светлейшего патриарха чаша» (вспомним особое высокое положение патриарха Никона при дворе Алексея Михайловича), третья была, как предполагает Никольский, — «царской» (там же, 73).

Как и в отношении чаши, трудно решить, все ли братины были круговыми. Исходя из больших колебаний их размера, Никольский допускает, что «первоначально, в древнейшие эпохи, из братин пили в круговую, но затем, в XVII веке (а может быть, гораздо раньше.—Р. Л.), это ее назначение утратилось, а название самого сосуда сохранилось» (там же, 75). Из некоторых же братин (размером 7×5 см) можно было только пригубить вино. Он предполагает, что в большинстве случаев братину осушал после тоста за чье-либо здоровье либо ее владелец, либо вообще один человек. Но пили, конечно, и в честь святых. Однако Никольский указывает: «Некото-

¹ Напомним еще одно свидетельство, летописное, об обычай пить чашу в честь кого-либо. В «Повести временных лет» под 1066 г. рассказывается, как перед отравлением князя Ростислава в Тмутаракани греческий катапан из Корсуни сперва обратился к нему: «Княже! Хочю на тя пити!» — «Пий», — ответил князь. Катапан отпил из чаши, а затем поднес Ростиславу; при этом яд, спрятанный под ногтем, попал в чашу (ПВЛ, 111).

рые особенно большие по размерам братины, очевидно, служили только вместилищами и хранилищами для питья, которые наливались из этих братин в более мелкие сосуды для питья» (Никольский, 74); для этого братина могла быть снабжена носиком и носила тогда название ендовы (в былинах встречается «яндома») или же напиток черпали из нее чарками или ковшами. О последнем в былинах не говорится.

Кубки

Кубок («кубец») в былинах упоминается в отдельных записях XVII — XVIII вв.: «Приказал князь поднести кубец залена вина добру молодцу» (Астр., Б-ны, 115); «наливает он кубец меду сладкова» (там же, 165). А. М. Астахова дает словарное пояснение: «кубец — кубок — стопа» (см. там же, 308).

В былине о нашествии Мамая его зятя одаривают «кубчиками» с чистым золотом и скатным жемчугом (Т. — М., II, 25). Возможно, что термин «кубок» был заменен в былинах «чарой».

Стеклянная посуда

Стеклянная посуда в былинах почти не встречается, и в единичных упоминаниях о «посудинке хрустальной», которую, например, наряду с «бадьями да с медом сладким» и «ведрами» «приломал» Добрыня в шатре Дуная (Онч., 42), следует, вероятно, видеть модернизацию. Впрочем, поддоны от стеклянных конических бокалов находили сотнями в городских слоях XI—XIII вв. в Вышгороде. В большом количестве найдены они также в Киеве и других городах Юга. Б. А. Рыбаков предполагает, что «именно такие бокалы подразумевались автором «Слова о богаче и о Лазаре», упоминавшем о слугах, «стъкланица с вином носяще»» (Рем., 398).

Бадья, чан, бочка

На пиру у князя Владимира эта утварь обычно не употребляется (за исключением чана с чарой в былине о Василии Казимировиче — Кир., 2, 90), но бадья, чан, бочка с вином, из которых пьют чарой,— непременный мотив в былине о Василии Буслаевиче, набирающем себе дружину из зависимых людей. Питье вина ими — тоже «чара искуса»: Василий принимает только тех, кто выпьет огромную чару.

В пересказе этой былины XVIII в. Василий приказывает подготовить все заранее: «привозят бадьи зелена вина и пива сыченого» (Аст., Б-ны, 241). В другом варианте он выставляет «chanы дубовые» у своих ворот и наливает в них вина и пива «по краю полны»:

Он пускает в них золоты чары,
С теми камнями самоцветными,
В каждой чаре весу тридцать пуд.

(Там же, 240)

Иногда чан заменен бочками, выставленными во дворе, из которых черпают ковшами:

Располубил он-то боцьки сороковые,
Он спустил-то ковши тут позолочены.

(Онч., 298) ¹

Так же поит голь Илья Муромец: «Он ковшом стоит вино размиряет» (БПК, 84), т. е. «размеряет».

Иными словами, это — лимитированное угождение неполноправных в отношении к владельцу людей (почему такой способ угождения и не применяется на пирах, устроенных для богатырей). Полная аналогия угождению такого рода есть в «Повести временных лет», где тот же Владимир Святославич, что и в былинах, приказывает развозить, кроме снеди, «бчслки» с медом и квасом на

¹ На пирах Владимира о бочках упоминается только при похвалбе Дюка своими винными погребами: бочки в них подвешены на цепях, воздух идет в подвалы и колеблет бочки, почему вино и не пахнет никогда «на затохоль»; мотив этот в былине очень устойчив. В одном тексте в подвалы, где подвешены бочки со стоялыми медами, «подведены ветры буйные».

*Котел, склеенный
из железных пластин*

«колах» — колесных повозках по Киеву, оделяя простой народ, из числа тех, кто не смог прийти на его двор, чтобы получить угощение там (ПВЛ под 996 г., 86).

Котел в былинах с их усложненным бытом уже упоминается не как пиршественная утварь, а только как предмет воинского походного быта, жизни на заставе. Отдельные беглые упоминания и сравнения идут в этом плане: сравнение головы чудовища-врага с пивным котлом, ругань «котельна пригарина», «котел пива с ушами».

ЧАШНИКИ

С ритуальным значением языческих пиров в Древней Руси, возможно, была пережиточно связана особая роль чашников, что отразилось и в эпосе, где они упоминаются в самых различных сюжетах. Это — одна из основных должностей при княжеском дворе, наряду со стольниками и стражей.

В чем же заключалась специфика функций чашника? Суть именно в том, что чашник (иначе «кравчий», «виночерпий») руководил, видимо, некогда обрядовым

распитием священных напитков на пиру, церемониалом вкушения из тех чаш (круговых в основном), которые пили не только в честь языческих божеств, а позднее христианских святых, но и во славу князя, а может быть, и других участников пира (ведь были же величальные песни для всех участников свадебного пира). Значит, чашник не только распоряжался посылкой в строго определенном порядке чаш сидящим за столами, но и должен был знать, вероятно, все те обряды и песнопения, о которых говорится в поучениях.

Эти обряды были связаны с употреблением не только напитков, но и пищи¹.

Видимо, и стольник должен был следить не только за светским церемониалом пиров, но первоначально и за тем, чтобы все было соблюдено в соответствии с издревле принятыми обрядами, а от пищи была отстранена возможная «порча».

Все это наводит на мысль, что в христианизированной Руси, после того как волхвов уже стали преследовать, их функции перешли к другим лицам на пирах — стольнику и чашнику (а также духовенству, которое привлекали к освящению пиров).

Чашник — не простой слуга, только наливающий гостям вино и другие напитки, хотя бы уже потому, что в некоторых текстах былин у чашника и стольника есть «приспешники», т. е. помощники:

А и стольники-чашники
Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли питья медвяныя.

(КД, 157—158)

Чашников назначает сам Владимир, и это своего рода пожалование. В записи XVII в. так и говорится, что во время пира князь, решивший простить Соловья Разбойника, «пожаловал девяти сынов Соловьевичев: пяти бра-

¹ Обычай эти держались у русских еще в XIX в. Так, на Севере старший рыбакской артели, перед тем как всем ее членам приступить к трапезе, троекратно поднимал вверх на вытянутых руках деревянное блюдо с рыбой.

тов в столники, а четырех братов в чашники» (Аст., Б-ны, 110). Так же жалует он и Чурилу:

Тебе дам работушку да стольником,
Стольником да чашником,
Расставляй-ко, молодец, столы дубовые,
Полагай-ко чаши золоченыи,
Наливай-ко яствушки сахарнии,
А напиточки да всё медвяные,
Станови-тко вина заморскии.

(БПК, 74)

По этим текстам видно, что чашниками могли быть и молодые слуги при дворе.

Когда же обрядовые, жреческие функции чашника потускнели, он постепенно превратился в простого распорядителя пира (при распитии меда, вин и пр.), в чем-то сближаясь с тамадой, который прошел также длинный путь исторически обусловленных изменений¹.

Чашник как персонаж эпоса издавна привлекал внимание исследователей русских былин. Так, А. В. Марков,

¹ В западноевропейском эпосе кравчий — один из приближенных короля. В Тидрексаге король особенно ценит его и даже дарит ему свой меч, на что обратил внимание О. Ф. Миллер (см. стр. 82). В азербайджанском эпосе приемный сын Кёрглы красавец Айваз является виночерпием (Жирмунский, 214), как и Чурило. О том, что с медопитием были связаны какие-то ритуальные моменты, а следовательно, и чашник мог быть преемником жреца, можно судить по преданиям, связанным с этим у мордвы. В песнях о Тюштяне, вожде или родовом старейшине, сложенных в более раннюю стадию историческую эпоху, чем Владимирово время в русских былинах, есть такой мотив: при избрании тюштяна — «руководителя родового коллектива» «сельские старейшины» ищут предзнаменования и решают избрать того, «в чью сторону повернется ручка ковша, опущенного в медовый напиток — пуре»:

Ой, в чью сторону повернется ручка ковша,
Пусть тот будет нашим наибольшим».

(Маскаев, 182)

Особая роль виночерпия сохранялась в Средней Азии на пирах мужских объединений еще в XIX — начале XX в. «Распитие вина на гаштаках и зиёфатах обставлялось особым церемониалом, имевшим много сходных черт с церемониалом распития кумыса и бузы. В него входили и особые приемы разливания и подачи вина, иногда с... чтением стихов, и некоторые запреты..., и штрафные пиалы провинившимся. Виночерпий («соки») играл главную роль в этом ритуале. Обычно виночерпий был постоянным» (Снесарев, 187).

отмечая «начальственное положение чашников и стольников», со свойственной ему проницательностью указывает причины высокого положения чашника: «чашники наливали на княжеском пиру заздравные чары, которым, вероятно, придавалось большое значение» (БЧ, 47).

О. Ф. Миллер, напротив, ошибочно считал должность чашника поздно появившейся при дворе, как и стольника, не осознавая их древних обрядовых функций и считая это отражением порчи придворных нравов — нарушением простоты отношений, существовавшей якобы первоначально при дворе Владимира Святославича. При этом он опирается на один, видимо сбивчивый, вариант былины о Михайле Казарине, где сказитель поясняет, почему Владимир сам подносит богатырю чащу.

А втапоры стольной Владимир-князь
Не имел у себя стольников и чашников.

(КД, 142)

Однако в конце того же текста слуги («стольники-приворотники») уже налицо и докладывают князю о возвращении Михайла Казарина. Но О. Ф. Миллер уже не захотел этого заметить. Противоречия же в текстах он объяснял «совместностью в былинах различных слоев» (О. Миллер, 711). Однако подача Владимиром чаши гостю означает в былинах желание особо почтить его, а отсутствие чашников и стольников в приведенном тексте вызывается тем, видимо, что они куда-то отлучились, как отлучаются из Киева богатыри во многих былинах.

НАПИТКИ

Мед

Напиток из перебродившего меда постоянно упоминается в былинах. Мед, прочно вошедший в русский эпос, связан с постоянными эпитетами: «сладкий» или «стоялый» (т. е. выдержаный в погребах в бочках, подвергнувшийся длительному брожению). «Хмельные меды сладкие» называются и шире — «питья медвяныя» (КД, 25 и др.). Под «переварами» также следует понимать,

видимо, мед, так как его варили с водой, прежде чем подвергнуть брожению. В «Повести временных лет» под 996 г. говорится о том, что для торжественного пира у Владимира Святославича варят «300 провар меду» (ПВЛ, 85)¹. Запасы меда у князей были огромны. Так, в погребе у князя под Путинлем оказалось 500 берковцев меда и 80 корчаг вина.

Древнерусский мед, как можно судить по «Слову о богатом и Лазаре», изготавлялся по-разному: «чистый» — т. е. без приправ, «попъряный», т. е. с добавлением перца. По-видимому, из меда делали и безалкогольные напитки (в летописном эпизоде об осаде Белгорода медовая «сыта» заготовляется для людей). В былинах коней поют «медовой водой», «сытой медвяной». Кроме того, встречаются и «кушанья медовые» (Указатель Васильева). «Кушанья сахарные», или «ествы сахарные», конечно, анахронизм, который не мог появиться раньше XVI в.

Приготовление меда (и пива) к пиру, в том числе и свадебному, стало «общим местом» в фольклоре, обычным для сказок, но известным и в былинах:

А й тут ли у князя у Владимира,
Да не пива-ты варить да не мёды-ты сычить,
Беселым пирком да за свадебку.

(Г., III, 28)

Питье меда служит синонимом битвы, что показывает древность этого образа и распространенность напитка. Это иносказание (питье меда — битва) вошло в диалог Ярослава Мудрого и его сторонника в стане его брата Святополка, шедший через отрока-лазутчика; Ярослав спрашивал: «Что ты тому велиши творити: меду мало варено, а дружины много». И рече ему муж тъ: «Рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру въдати» (Новг. л. I под 1016 г., 15).

Ритуальное употребление меда в летописи, включившей эпическое предание, запечатлено в словах Ольги,

¹ Под проваром, как правильно определяет Д. С. Лихачев, подразумевается, видимо, «количество напитка, которое можно сварить за один раз. Точно емкость этой меры неизвестна» (ПВЛ, II, 348).

потребовавшей тризны после смерти Игоря: «да пристройте меды многи в граде» (ПВЛ под 945 г., 41). Напиток из перебродившего меда, по Н. Н. Воронину, входил на Руси в «обряд языческой тризны и свадьбы» (ИКДР, I, 270). Не исчезло его ритуальное значение, видимо, и в X в., после христианизации Руси. Во всяком случае, в эпосе — в пиршественной трапезе — он занимает особое место, в чем можно уловить отзвуки его былого сакрального значения.

Мед в былинах подают последним при троекратном подносе гостям напитков на почестном пиру (иногда подношение двукратное). Пьют его в былинах в наиболее древнем, естественном, если можно так сказать, сосуде, связанном по происхождению с охотой,— роге дикого животного, тура. Для других напитков рог в былинах употребляется крайне редко.

Мед — напиток доземледельческой эпохи — связан с собиранием меда диких пчел, а позднее — с бортничеством, по существу — одним из видов собирательства или переходной от собирательства формой хозяйства. Он был известен под этим названием (в разной огласовке) ряду народов, говоривших на индоевропейских языках; общность в них этого слова — веское доказательство глубокой древности напитка, носившего то же название¹.

Обрядовые черты проступают в процедуре питья меда (как и пива) на эпическом пиру. Для этого служило особое здание (или помещение) — гридница, известное в этой функции и в эпосе, и в летописи². Поэтому времяпрепровождение русского князя и дружины за питьем меда (и пива) — их пиры — не было ни в коей мере просто пьянством. Е. В. Аничков, употреблявший переводный англосаксонский термин «медопитие», приведя летописное известие: «в то же веремя Борис пьяшеть в Белего-

¹ Сводку лингвистических сопоставлений слова «мед», по А. Куну, см. у О. Миллера (стр. 183).

² В русском языке оно не связано ни с медом, ни с питьем (в какой-то мере обрядовым), но аналогичное помещение в англосаксонском эпосе так и называлось «залой для медопития», реже — для «пивопития».

Общественный дом у народов Средней Азии, род мужского клуба, носил название «дом для распития бузы» или «дом для распития кумыса» (Снесарев, 168).

роде на сеньници с дружиною своею и с попы Белогордскими» (Ип. л. под 1150 г., 415), поясняет: «Князь Борис делал то, что и подлежало князю. Он совершил «медопитие» или «пивопитие» со своею дружиною. Народное воображение правильнее оценивает подобные образы, когда Владимира заставляет пировать с богатырями, но ни о каком пьянстве не упоминает. Княжеский пир, как и братчина,— акт обрядовой, установленный издревле» (Аничков, 178).

Пиво

При описании эпического пира всегда упоминается также пиво; эпитеты его разнообразны: «хмельное», «крепкое», «пьяное», «сладкое» (Указатель Васильева). В настоящее время слово «пиво» означает только напиток из зерен злаков, приготовленный с хмелем, т. е. связанный уже с земледелием. Однако возможно, что в былины «пиво» попало в более древнем расширительном смысле питья вообще, всего, что пьют. Эту мысль развивает В. Ф. Ржига: «Самое слово «пиво» в древейшее время еще не сразу приобрело то специфическое значение, с которым оно соединено теперь. Пиво означало вообще питье, напиток» (далее он приводит примеры сходного звучания этого термина в том же смысле в ряде языков индоевропейской семьи).

Напомним, что в русских диалектах в XIX — XX вв. сохранялось второе значение в сходных словах «питво», «пойло»; то же более широкое значение пьющих любой напиток, участников пира, содержится в слове «пивцы» в Псковской судной грамоте.

Однако, конечно, «в XII в. слово «пиво» получило у нас значение особого опьяняющего напитка, наряду с медом или вином» (Ржига, 83).

Питье пива легло в основу того же метафорического образа пира-битвы, как и питье меда, хотя оно и встречается в былинах единично; богатырей зовут на Камское побоище:

На почесён пир всё да пива пить,
А побить-то силы всё неверныя.

(М., 436)

Пьют в былинах и вино. Виноградное вино было известно в Киевской Руси; о привозе его из Византии говорится в летописях в эпизодах, относящихся к X в. «Вина заморские», «питьица заморские» былин не противоречат этому. «Зелено вино» (народное название водки) в былинах, конечно, является анахронизмом и очень поздним.

МЯСНАЯ ПИЩА

Пища на пирах в былинах в значительной мере мясная. Возможно, что «множество мяс» (впрочем, обусловленное, конечно, в первую очередь направлением и размахом княжеского хозяйства) в былинах и летописях, приказы эпического Владимира привезти дичь — все это в какой-то мере сохранило черты древней общественной трапезы, завершившей жертвоприношения.

Если внимательно проследить, какую мясную пищу употребляют пирующие в былинах, то станет ясно, что в основном это — охотничья добыча (надо брать при этом, однако, описание не только самого пира, но и подготовки к нему — охоты, а также перечень зверей, птиц и рыб в эпических зачинах в былинах о Волхе — Вольге). В былинах упоминаются лебеди, гуси, утки, голуби, горлицы, рябчики, зайцы, олени, лоси, вепри (не говоря уже о туре) и различные рыбы. Сопоставляя перечень промысловой фауны в былинах с составом мясной пищевенной пищи в «Слове о богатом и Лазаре», нельзя не заметить, что многое совпадает: в «Слове» это те же «заяци и олени, вепреве, дичина», т. е. только дикие животные, а из птиц («пътьки») — «тетеря», «ряби», «жеравие», «гуси», «куры», «голуби» (лебедь почему-то в «Слове» не упомянут).

В. Ф. Ржига считает часть птиц домашними, но, конечно, кроме кур, все остальные могли быть (да, наверное, и были) также дикими. Привлекая «Русскую Правду», он относит к домашним птицам также журавлей, лебедей и голубей, так как за их кражу полагается взыскание в 30 и 9 кун (Ржига, 54). Но, может быть, просто в случае, если охота производилась в чужих угодьях?

Лебедей и голубей в России не разводили для пищи, а мясо их стало позднее запретным.

Дичь эта добывалась и стрельбой, и ловушками, но уже в XI в. проповедники предостерегали православную паству от употребления привычной, но не дозволенной церковью пищи: «Братие, не ядите скверна» (например, белки — «веверицы»), главное же — дичи, умерщвленной в силках,— «давленины». Если вспомнить, что удавливание жертвы было обычным способом ее умерщвления, то, может быть, в этом следует видеть основной смысл второго запрета.

Из археологических находок костных остатков эпохи Киевской Руси известно, что основную массу их дают дикие, а не домашние животные (которых избегали резать в пищу); процентное содержание костей домашних животных, а отчасти и птицы, возрастает очень медленно.

Жертвоприношения

Для генезиса эпических пиров велико значение обычая добывания охотничьей добычи, иногда живой, для княжеского стола, которое следует, вероятно, связать с отголосками древних жертвоприношений.

О жертвоприношениях в дохристианской Руси известно очень мало. Они почти не освещены в церковных учениях первых веков христианства на Руси. Публичные жертвоприношения, завершившиеся ритуальным пиршеством, в своей развитой форме, как общественный институт, уже ушли в это время в прошлое,— их трудно было устраивать тайно, как волхвование, например («то творят отаи»,— сказано о последнем в «Слове Григория Богослова».— Аничков, 386). «Огромная область этих актов, самая торжественная, когда-то, во времена молодости Владимира, вероятно, имевшая как бы общегосударственное значение, наших проповедников не интересует и не озабочивает — наблюдать ее они не имели случая» (там же, 237).

Между тем в дохристианский период княжения сам Владимир, вероятно, возглавлял эти жертвоприношения. В скандинавской саге об Олафе Тригвисене, где фигурирует Владимир Святославич — «конунг Валдамар»,— смутно просвечивают эти древние функции князя-жреца, генетически *pater familia*, каким считал князя Нидерле (Нидерле, 290). Возможно, князь должен был приносить

жертву животными или участвовать в этом наряду со специальным жрецом — волхвом. Мясо этих жертв и должно было, вероятно, вкушаться затем на обрядовой трапезе — пиру. Юноша-варяг Олаф сопровождал князя Владимира до дверей капища (т. е. храма), где князь приносил жертвы и откуда возвращался с мрачным выражением лица (Сабинин, Извлечение, 46—47).

Не потому ли и в эпосе Владимир Святославич, уже сам христианин, упорно посыает своих богатырей на охоту за живой добычей? Но смысл этого стал темен и осмысляется просто как заготовление пищи для общественной трапезы.

На Руси уже в X в. жрецов сменили епископы и попы. Еще полнокровное язычество властно давило на слабую церковную организацию, созданную на чуждый византийский образец. Поэтому поучения высших церковников обрушаются на попов — «череву работников», т. е. чревоугодников, охотно принимающих участие в полуязыческих пирах, поющих тропари над обрядовыми чащами, частично посвященными «роду и рожаницам», разрешающих есть «давленину», сквозь пальцы смотрящих на циклы аграрных и семейных праздников, сопровождающихся не только плясками в масках, песнями, но и вакханалией.

Аничков пишет, что церковники запутывались в противоположении «законного обеда» и «незаконной трапезы», стараясь объяснить, что не в самом обеде беда. Путаница получалась потому, что «трапеза означала, по-видимому, именно такой обед, который имел жертвенное значение, причем то же слово употреблялось как для прежнего языческого жертвенного обеда, так и для нового христианского, например в монастырях, где подобный обед назывался «святым обедом» (Аничков, 45—46).

Культ вепря

Особо следует рассмотреть эпическую охоту на дичь, стреляние и вообще добывание для пира различных животных и птиц. Значение этого для генезиса эпических пиров очень велико, так как добывание охотничьей добычи, иногда живой, может быть, следует связать с отголосками древних жертвоприношений.

Богатыри в былинах получают от князя Владимира Святославича поручение привезти к «столу княженецкому» не только птиц, но (в былине о Даниле Ловчанине) и дикого зверя — вепря, «кабанища»: «А ёго серцо-то всё со печенью на пиру да будем кушати» (Кр., II, 14). Эта служба, коварно накинутая князем на героя былины, преднамеренно ведет к его гибели.

Вепри вообще упоминаются в былинах, хотя и не часто, но в остальных сюжетах без особо тесной связи с основными мотивами — вепрь в них просто зверь, на которого охотятся наравне с другими. Так, в былине об Иване Годиновиче в пересказе XVII в. он посылает два «ста» своих «молодцов» из «дружины хороброй» «на ловы звериныя» за ланью, гусями и лебедями к своему «брачному» столу; «а другое мое сто молодых молодцев,— приказывает он,— подите далече во чисто поле и убейте вы мне диково вепря» (Аст., Б-ны, 195).

Охота на вепря в былинах запечатлена закономерно. Вепрь был одним из излюбленных промысловых животных в Древней Руси, объектом княжеской охоты. Охота на вепря многократно упоминается в летописях. В Попечении Владимира Мономаха при перечислении его ловов говорится: «...Вепрь ми на бедре мечь оттял» (ПВЛ под 1096 г., 162). Даниил Галицкий со своими «воями» по дороге до Грубешева «уби вепрев шесть, а сам же уби их рогатиною 3, а три отрочи его и вдасть мяса воемъ на путь» (Ип. л. под 1255 г., 830).

Конечно, мясо дикого кабана ценилось само по себе и поэтому могло быть одним из основных кушаний на древнерусских пирах,— «вепреве» включены в число кушаний на роскошном пиру в «Слове о богатом и Лазаре». Однако сюжет былины о Даниле Ловчанине позволяет предположить отголоски в нем обрядового поедания мяса вепря, связанного с древним культом вепря. Само требование Владимира привезти дикого вепря живым напоминает о необходимости умерщвлять жертвенное животное в особой обстановке, особыми приемами и специальным лицам.

В различных вариантах эта охота изображена по-разному: или Данила Ловчанин (в некоторых вариантах — князь Борис) берет вепря с помощью собаки, которая «обскакивает» и «облаивает» его, что напоминает охоту в печорских лесах, где записан вариант, или, в

другом варианте, чудовищного зверя, выходящего из моря, опутывают сетью. В своей ранней работе я предполагала, что этот способ — отражение ловли морских зверей — белух, нерп — сетями¹, но одно сопоставление позволяет предположить иные очень глубокие корни этого образа. У прибалтийских славян (редарей), по сходному преданию, зафиксированному Титмаром Мерзебургским, «перед продолжительной междуусобной войной» «из моря выходил громадный вепрь с белыми, блестящими клыками и катался по топкому берегу, при ужасном сотрясении почвы» (по Фаминцыну, 173).

Это говорит косвенно о культе вепря у славян, вообще широко распространенном. Близко, например, чешское поверье, что накануне рождества в небе появляется золотой поросенок.

Вепрь был обитателем лесов Восточной и Средней Европы, а свиноводство в ее лесных областях — первой формой скотоводства. Вероятно, поэтому и культ дикого кабана, а затем сменивший его культ домашней свиньи привился у славян наиболееочно (как, впрочем, и у народов Западной и Северной Европы).

Для языческой Древней Руси культ диких свиней подтверждается археологическими находками. Так, кабаньи клыки, засаженные в ствол дуба (видимо, священного), были найдены на дне Днестра между Черниговом и Остром (см. Каргер, I, рис. 20); найден был клык с процарапанной надписью-молитвой во Вещице; находили кабаньи клыки и в киевском некрополе, и в отдельных срубных погребениях (Каргер, I, 159).

Обрядовое поедание свинины было известно не только у других славянских народов, но и у близких к славянам соседящих народов (следствие предполагаемого общего этнического субстрата). Так, у летто-литовских народов долго сохранялись пережитки этой обрядности. Латыши предлагали Усиню (ср. русское Овсены!) голову, ноги и внутренности свиньи; литовцы во время грозы бросали Перкуну окорок (Фаминцын, 249, 103).

С введением христианства на Руси и в других славянских странах древний культивепря трансформировал-

¹ См. Р. С. Липец. Былины у промыслового населения Русского Севера XIX — начала XX в. «Славянский фольклор». Труды ИЭ, т. XIII. М., 1951, стр. 182.

ся; его стали связывать с почитанием отдельных святых. Ритуальное поедание свиного мяса сохранилось в цикле новогодних празднеств, причем резали свиней обычно в Васильев день, 1 января (Василий Великий считался покровителем свиней). На Васильев день обязательным блюдом была голова кабана, запеченная в тесте, и вообще свиное мясо. В святочных песнях Овсень, ездящий на свинье, иногда замещен Василием (Фаминцын, 56—90, 246—247).

Все это позволяет сделать вывод, что мотив былины о Даниле Ловчанине — поимка живым вепря к княжескому столу — имеет архаичную основу — добычу жертвенного животного.

Лебедь

Все, что связано с лебедем, всегда упоминаемым в числе кушаний на пиру в эпосе, имеет большое историко-бытовое значение. Лебедь как бы символ княжеского пира вообще, «лебедятна» — непременное блюдо на нем. Устойчивая форма приглашения к пиру или участия в нем — «хлеба кушати и белая лебедушки рушити» (в русском эпосе эта птица — женского рода) (Т.—М., II, 213). Подача лебедя — одна из определенных по порядку «перемен» в пищественной трапезе, что показывает, по нашему мнению, обрядовое, во всяком случае традиционное, значение лебединого мяса. «Ества девятая — лебедь белая» упоминается в пересказе XVII в. (Аст., Б-ны, 140).

В записи 1800 г. в предисловии к первому изданию «Слова о полку Игореве»

Последняя ества на стол пошла,
Последняя ества лебединая.

(Предисловие к «Слову о полку Игореве», 2)

То же и в текстах XIX в.:

Понесли первую яству лебедь белую,
Становилась яства пятна-на двадцать
Белая лебедушка под уксусом.

(Т.—М., II, 12)

Лебедь входит, как уже говорилось, в добычу, которую должны привезти богатыри к «столу княженецкому» (Казарянин), «пиру княженецкому» (Потык) (КД, 143 и 149). Владимир говорит Михайле Казарянину:

Сослужи ты мне службу заочную,
Съезди ко морю синему,
Настреляй гусей, белых лебедей,
Перелетных серых, малых утак
Ко моему столу княженецкому,—
До люби я молодца пожалую.

(КД, 143)

Казарянин выполняет это поручение.

Гусей и лебедей должен привезти с заводей к «столу брачному» Иван Годинович (Аст., Б-ны, 196). В некоторых вариантах лебедя (как и вепря) нужно привезти живым (для жертвоприношения?).

Об архаичности мотива посылки богатыря на охоту за лебедем (в большинстве вариантов только лебедь становится добычей охотника) говорит то, что именно при выполнении этого поручения богатырей подстерегают всякие приключения, тесно связанные с переживаниями древней мифологии. На существование культа, связанного с лебедями, как тотемом, у славян как будто прямых указаний нет, но на территории СССР такой культа был известен и у других народов¹. Лебедь оказывается оборотнем — девой-лебедью; в былине об Иване Годиновиче на выручку Настасьи, увезенной героем, спешит другой оборотень — «поганой царь», превращающийся по своей воле то в сокола, то в гнедого тура (Аст., Б-ны, 195—196); на охоте происходит разговор Сухмана с рекою и т. п. Многочисленные девы-лебеди в былинах (широко известные и в сказочном фольклоре славян) связаны с оборотничеством, как поздним этапом развития культа зооморфных существ².

¹ См., например, статью Л. П. Потапова «Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов)» (СЭ, 1962, № 2, стр. 18—30).

² Не случайно В. М. Жирмунский считает отражением в фольклоре «общих верований славянских народов» «деву-лебедь» наряду с «богатырями-змеевичами» (Жирмунский, 191) и сравнивает это, например, с тюркским эпосом, где «лебединая дева» — «праматерь рода» (там же, 100).

Почему же все-таки лебедь был основным, по-видимому, кушаньем на пиру? Несмотря на прекрасные вкусовые качества мяса и большую величину каждой особи, эта птица впоследствии считалась у русских за претной пищей. Не говорит ли это, в свою очередь, о следах тотемистических представлений? Требуется, конечно, специальное исследование для того, чтобы этот вопрос решить, но одно соображение можно высказать. Когда князь Владимир (допустим — князь-жрец) посылает богатыря (обычно одного) на охоту за добычей для пира, он всегда называет в числе этой добычи «белую лебедушку». Сухман должен привезти Владимиру

Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

(Р, 2, 339)

В другом варианте он обещает князю: «Привезу тебе лебедь белую я живьем в руках» (БПК, 446). Возможно, что это — условие для принесения живой жертвы, т. е. пригодной для жертвеннного заклания, хотя образ живой лебеди, пойманной охотником, стал иносказательным образом невесты-девственницы (ср. свадебные песни).

Во многих вариантах, однако, о поимке лебедя живьем не говорится и лебедь упоминается вместе с гусями и утками, которых должен настрелять герой. Может быть, это — забвение древнего мотива, а может быть — другой сходный мотив: стершееся воспоминание о пире вскладчину, точнее — общественном пире, который должны обеспечить все его участники¹.

Голуби

В былинах признание голубя съедобной птицей подтверждается одним из вариантов сюжета об Иване Годиновиче, где его невеста — иногда иноземка — требует от

¹ «...В некоторых местах Таджикистана,— пишет Г. П. Снесарев,— члены мужского объединения организовывали коллективные охоты на архаров, фазанов; вся добыча поступала на общий стол» (стр. 186). Обрядовые пережитки включала коллективная облавная охота у бурят (см.: М. Н. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. (Зэгэтэ-аба — охота на росомах). Собр. соч., т. I. Улан-Удэ, 1958).

своего первого суженого, чтобы он застрелил голубей на дереве, к которому привязан Иван:

Уж ты гой еси, Одолище поганое!
Ты устрель-ко мне сиза голубя.
Захотела я здесь голубятину.

(Р., 1, 80)

Может быть, в сознании сказителей, передававших этот эпизод в XIX в., девушке-иноземке и надлежало нарушать запрет на мясо голубя, который стал общерусским в это время? Во всяком случае, именно это ее желание послужило причиной гибели и ее самой и сообщника — также иноземца.

Важно отметить, что обычай восточных славян приносить птиц в жертву зафиксирован древнерусскими и византийскими письменными источниками, хотя в них идет речь не о лебедях и голубях, а или просто о «птицах», или же о курах и петухах, не упоминаемых в былинках. По Константину Багрянородному, русы приносили в жертву живых птиц у определенного дуба, причем предварительно гадали, колоть ли им птиц или выпустить на волю. В воду спускали живых петухов воины Святослава Игоревича. Обычай приносить в жертву птиц упорно обличался в церковной литературе Киевской Руси.

БРАШНО

Хлеб на эпических пирах обычно пшеничный: «круничатый» (БПЗ, 396), «бел-крупищат» (Гул., 104), иногда «калач», «калачик» (там же).

В былине об Идолище упоминается «коврига», которую он, с обычным для него южорством, целиком «зашеку тычет». «Коврига» —искаженное «квадрига», т. е. четырехугольный хлеб, который пекли в монастырях (см. ИКДР, I, 264). В летописях упоминаются «мал коврижек» под 1074 г. (Ип. л., 175) и «коврига» под 1230 г.

Церковные поучения времен Киевской Руси обличают обрядовое употребление «кораваев», «круничатых хлебов». Тот факт, что хлеб («брашно» означает и хлеб и другие изделия из зерна и муки) почти не имеет в эпо-

се сюжетной значимости и отзвуков обрядовых функций (за исключением стоящего особняком сюжета о Микule), как имеет все это употребление дичи и меда, подтверждает, видимо, глубину корней эпоса, уходящих в доземледельческую эпоху.

ОБЖОРСТВО НА ПИРАХ

В былинах чудовищный враг-захватчик, носящий иногда наименование Идолища (языческого идола, инкарнации бога?), потребляет огромное количество пищи. Может быть, в этом действительно следует видеть, как предполагает Б. М. Соколов, осуждение неумеренного потребления жертвенной пищи и самих жертвоприношений?¹ А насмешки богатыря над обжорством Идолища — осуждение в христианизированной Руси норм язычества?

В былинах пища Идолища в самом деле напоминает по составу жертвенную: это целый бык (или корова), лебедь, коврига хлеба и другие хлебные изделия, ритуальные напитки.

Идолище (или Тугарин Змеевич) хвастается:

По быку я ем да к выти варева,
А на закуску белую лебедушку.

(БПК, 110)

При этом чудовище проглатывает птицу целиком — «брошаet... за онну шоку» (Шуб, 213). Иногда подчеркивается величина быка — «по быку семилетнему» (Р., 2, 204) или количество их мультиплицируется: «по семи пудов хлеба ест, по три быка яловика» (Р., 2, 301).

¹ Борис Соколов. Былины об Идолище Поганом. ЖМНП, новая серия, ч. LXIII, 1916, № 5. Сопоставляя былину с житиями ростовских святых Авраамия и Леонтия, сокрушивших идолов, Б. М. Соколов пишет и об обжорстве Идолища (в отдельных вариантах Идола), что оно «пожирает сразу целое животное и птицу» (см. стр. 10—11!), а завершает статью словами: «Обжорство Идолища, пожирание целого быка, коровы, птиц и огромного количества питья нам кажутся поэтическим отголоском древних языческих жертвоприношений» — и вспоминает слова, обращенные одним из новгородцев к свергнутому идолу (Перуна): «Ты до сыта еси ел и пил, а ныне поплови прочь» (стр. 31).

Наиболее гиперболично и даже гротескно описание, данное сказителем Ремезовым:

Ем я три печи мякушек, семь пеций калацей,
Байну блинов и костер пирогов,
Три ведра вина и корову яловицю,
Все к выти съем.

(БПК, 278)

(Нельзя ли предположить в этом перечне остатки архаичного заклинания обилия, сопровождавшего обряд, когда домохозяин или жрец прятался за грудой хлебных изделий?)

Обрядовое обжорство — явление, широко известное и этнографически, и исторически. В средневековые у прибалтийских славян празднества состояли из нескольких этапов: «За совершением религиозного обряда следовали общенародные пиршества» у самого святилища и в континатах: «...Принесенных жертв было, может быть, иногда недостаточно для накормления множества народа, а потому приготовляемы были и собираемы другие яства» (Срезневский, Исследования, 89). На пиршестве «потреблялись жертвы, и долгом считалось объедаться, почитая воздержанность за стыд» (там же). Аналогичные факты известны у славян и в конце XIX в.¹

ТУРИЙ РОГ

Мед, налитый в турий рог, в былинах — почти всегда последнее из трех традиционных возлияний хмельных напитков на пиру: «На запивку, на закуску — турий рог да меду сладкого» (Мил., 106). Таким образом, древнейший ритуальный напиток — мед пьют из наиболее архаичного сосуда — тульего рога.

¹ «...До настоящего времени словаки в годовой зимний (рождественский) праздник считают необходимым за обрядной трапезой наедаться до изнеможения, или, как они выражаются, «*do гостики*», вследствие чего и самый св. вечер получил у них, на народном языке, название «обжорного»... Малорусы при том же случае считают долгом насыщаться взваром и кутьей до крайней возможности, последствием чего обыкновенно бывает боль в животе... Народы литовские... за обрядной трапезой наедались «до рвоты» (Фамицын, 50).

Турий рог упоминается в былинах, записанных во всем ареале их распространения, что доказывает исконность и древность этой реалии в эпосе. См., например: в Прионежье — «турей рог» (Г., III, 15), на Печоре — «турей-де рог да меду сладкова» (Онч., 73), в приуральских текстах — «турей рог меду сладкова в полтретья ведра» (КД, 147—148).

Рог, большой по емкости, служит иногда в эпосе как бы «чашей искуса», как и обычная чаша. Поэтому, сумеет ли его выпить богатырь (очевидно, за один прием), судят, годен ли он для совершения особо важной «службы». Так, в записях XVIII в. князь Владимир при известии, что к Киеву подступает царь Бахмет,

Наливает он в турей рог меду сладкова
И подносит своим тридцати богатырям
И говорит им:
«Которой из вас выпьет туреи рог меду слаткова,
Тот бы вынел ис под знамени человека первого».

Богатыри хоронятся друг за друга; соглашается Михайло сын Данилович:

...я выпью туреи рог меду слаткова.
И выму ис под знамени человека первого.
(Аст., Б-ны, 140) ¹.

Турий рог привлекается в былинах и для сравнений по своей изогнутой форме: «Крупичатый колачик будто турей рог» (Р., 2, 166).

В восточнославянской обрядности еще явственно проступает почитание самого зверя. Между тем многие исследователи, едва ли правомерно, возводили почитаемого у славян тура в ранг божества (Тура), сближая это почитание с культом Ярилы (И. М. Снегирев, Н. Ф. Сумцов, А. С. Фамицын, Н. А. Янчук и другие этнографы и фольклористы²).

Возможно, что сакральное отношение к «турьему рогу», из которого пьют обрядовый же напиток — мед,

¹ Разбивка на стихи сделана мною.— Р. Л.

² Однако в странах древних восточных цивилизаций такая модификация культа быка уже была известна.

в былинах обусловлено тем, что некогда такой рог при- надлежал жертвенному животному. Правда, для Восточ- ной Европы широко известно принесение в жертву домашних быков, но естественно, что они могли стать, как это знакомо по другим религиям, заменой охотничьей добычи¹.

О существовании культа тура в прошлом у восточных славян свидетельствуют обряды в двух циклах праздников — святочном и весеннем, — сохранившиеся еще в XIX — начале XX в. и связанные с образом и именем тура.

На святки группа славильщиков обходила поочередно все дома селения, водя с собою бычка, что пред- ставляет наиболее древнюю форму обряда. Более позд- ная форма того же обряда — вождение особым образом ряженого человека, иногда называемого туром. Славильщики призывали благословение на хозяев дома и уро- жай в наступающем году.

Заменой «тура» стали во многих местностях России печенные из теста фигурки «коровок» (как и других животных) — непременная часть святочного стола еще в XIX в.

Для наиболее архаичного этапа верований точнее было бы говорить не о жертве, а об обрядовом поедании тотемного животного, с сохранением его черепа, частью которого и являются рога. (Конечно, использование рога-ритона в обрядовых целях не исключало и обычного, практического его употребления в древности как сосуда). Особое значение рога могло быть связано с древним обычаем сохранять кости жертвенного животного, в первую очередь черепа с рогами, ранее всего, конечно, охотничьей добычи.

Магические свойства придавались в Европе разным частям тура, что позволяет предположить такое же отношение к рогам его. Так, по Герберштейну, пояс из кожи тура и кудрявая часть кожи его лба, вырезанные у еще живого раненого животного, имели якобы свойства

¹ Вещественным памятником принесения в жертву быков является находка в слоях X в. при раскопках Неревского конца в Новго- роде: в особой яме обнаружены два «бычьих черепа с рогами, но без нижних челюстей, поставленные на шейные основания»; там же былложен вверх дном деревянный ковш (Седов, К вопросу о жертвоприношениях в Древней Руси, стр. 28).

облегчать роды. (Видимо, это подтверждает связь почивания тура с культом плодородия) ¹.

Византийский историк VI в. Прокопий сообщал, что славяне предлагали в жертву богу — творцу молний (т. е. Перуну) быков и других животных. Заклание жертвенных быков на праздничных общественных пирах сохранялось вплоть до XIX в. у русских крестьян, конечно в христианизированной форме и даже с участием духовенства (см. Фамицын, 59—60; Костомаров, 360). Особенно же тесно это было связано с Ильиным днем; как известно, Илья Пророк во многом заменил при христианизации Перуна.

Следует заметить, что в былинах сохраняется отношение к туре как к сакральному животному: «вещая» златогорая турица, появившаяся под стенами Киева со своими «турёнышами», толкует знамение и предсказывает гибель городу; в тuroв-оборотней превращаются герои былин как по своей воле (Вольга — Волх, царь Афромей), так и по чужой (Добрыня). Принимая, что представление об оборотничестве является осмыслением антропоморфизации прежде зооморфного божества, следует все это связать с отголосками древнего культа. О том же говорит постоянный эпитет тура в былинах — «золотые рога».

Рога-ритоны, аналогичные «турьим рогам» былин, хорошо известны в Древней Руси по археологическим находкам и свидетельствам письменных источников. В черниговской Черной Могиле середины X в. (примерно эпохи Святослава Игоревича) были найдены Д. Я. Самоквасовым (и опубликованы им в разных работах) два ритона в серебряной оковке. Рога очень крупные: один — 54 см в длину, другой — 67 см. Большинство исследователей признает их за ритоны. Узкий конец обоих рогов не сохранился, и нельзя решить, имел ли он отверстие, не-

¹ Связь питья из рога дикого быка (тура, а иногда все же, возможно, и зубра) и других животных с магическими представлениями подтверждается сходными поверьями и обычаями у многих народов. Пьющий при этом должен был воспринять свойства этого дикого животного (например, мощь и ярость тура), а также стремился защитить себя от всяких вредных воздействий извне. И. Долгих приводит индийское поверье о роге мифического осла-единорога: «индийские вельможи обделяют золотом концы таких рогов и пьют из них; пьющий из таких бокалов избавляется и предохраняет себя от всех неизлечимых болезней и ядов» (Долгих, 8—9).

обходимое для охотничьего рога — музыкального инструмента; впрочем, ритон — сосуд из рога — тоже может иметь такое отверстие, через которое и пьют, или быть глухим.

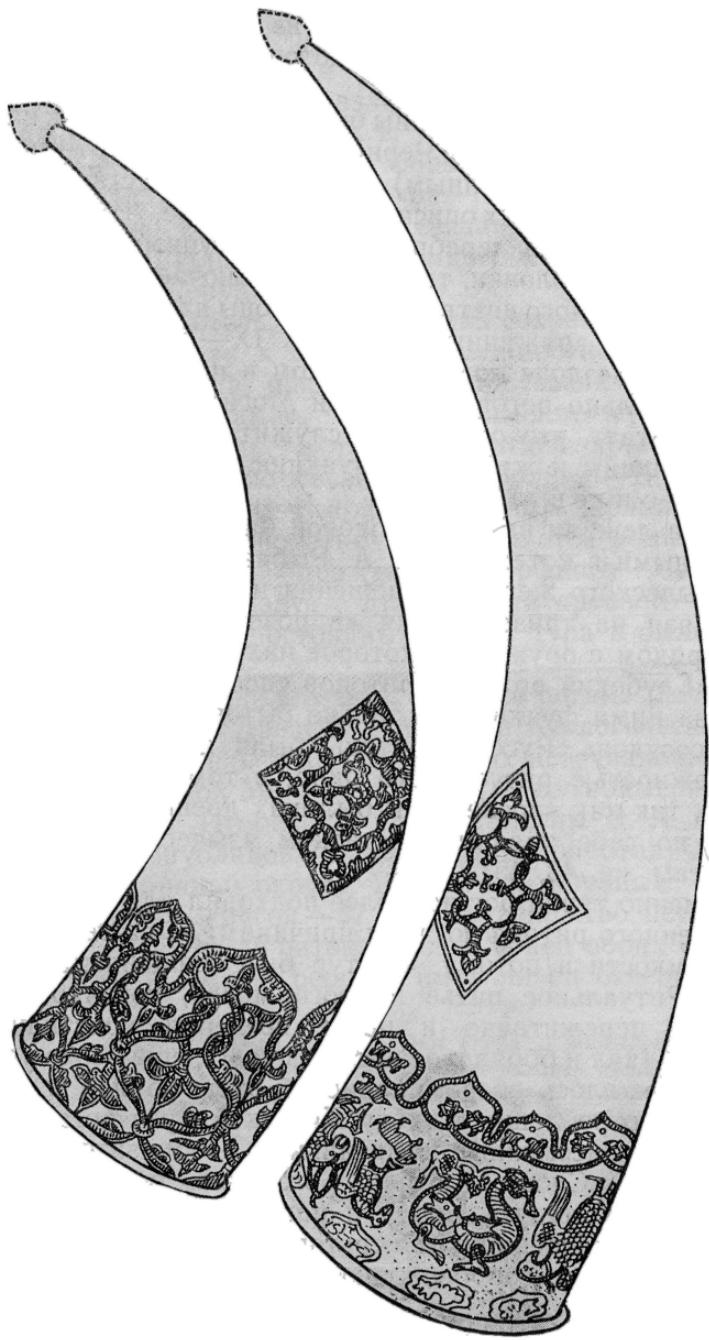
Аналогичные рога-ритоны были извлечены из так называемой Могилы княжны Черны (на самом деле это погребение считают дружинным), которые впоследствии исчезли, но сохранилось их описание в литературе. Их узкий конец заканчивался серебряным скульптурным изображением орлиной головки, так что это исключает их функцию как музыкального инструмента. Ритоны находили и в других русских дружинных курганах IX—X вв.: в Приладожье, в Гнездове под Смоленском и пр.

Относительно рогов из Черной Могилы Б. А. Рыбаков предполагает, что они могли служить атрибутом князя, выполнившим и жреческие функции, почему и были положены с ним в могилу.

Рога лежали вместе с головой барабана и ножами,ложенными в котел, что Б. А. Рыбаков считает остатками языческого жертвоприношения и полагает, что родичи князя на тризне «пиши «в розех» и положили эти рога рядом с оружием», которое находится там же (ДЧ, 46). «Глубокий архаизм ритонов способствовал сохранению за ними функций не только бытовых, но и ритуальных сосудов». Русские ритоны были необходимой принадлежностью ритуального пира, в том числе и эпического, так как «вспометые в былинах древнерусские пиры сами по себе являются остатком языческого ритуала» (см. там же, 43, 45).

Именно турий рог наиболее подходил для такого пиршественного ритона по двум причинам: из-за своей большой емкости и потому, что тур был священным животным. Ритуальное питье из рога могло, конечно, удержаться пережиточно и после введения христианства на Руси (как и обрядовое питье из чаш); еще более устойчиво держалось воспоминание об этом обряде в эпосе.

Об употреблении в эпоху Киевской Руси рога-ритона говорят и письменные памятники, и изобразительное искусство. В «Слове Григория Богослова» обличаются те, кто «требу кладуть... роду и рожаницам, упирим и берегыням и Переплуту и верьтачеся пьют ему в розех», т. е., очевидно, сопровождают питье из рога обрядовыми плясками.

Рогатык из Черной Могилы. X в.

Реконструкция

Рог был настолько обычен в качестве пиршественной утвари, что упоминается в «Русской Правде» (статья 3): если на пиру произойдет драка и «аще кто кого ударить..., любо чашею, любо рогомъ... то 12 гривне» (ПР., I, 70).

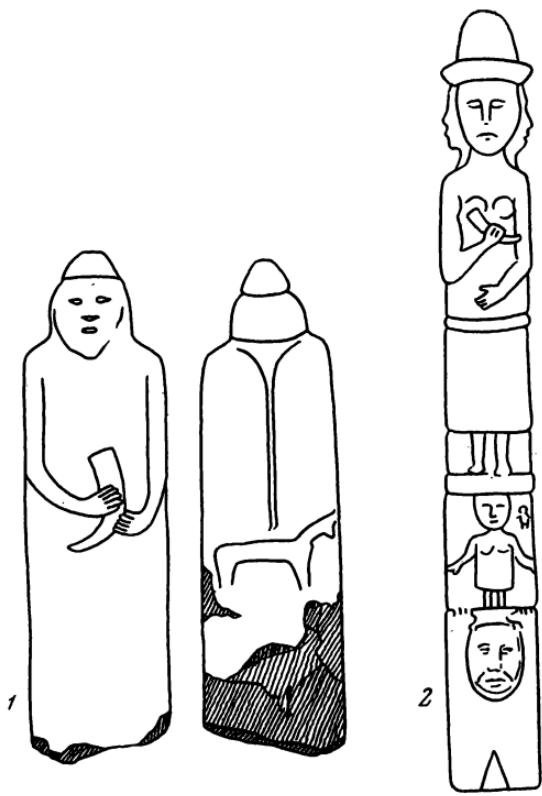
Изображение пиршественного ритона-рога сохранилось в Сильвестровском сборнике (XIV в.), где «турый рог в оправе находится среди столовой посуды и на ми-ниатюре..., изображающей княжеский пир», в сказании о Борисе и Глебе. «...Иллюстрации сборника,— пишет В. Ф. Ржига,— хранят старую традицию, восходящую к началу XII века, и поэтому данное изображение рога получает для нас значение важного художественно-археологического документа» (Ржига, 50).

Рог-ритон изображен в руках у так называемого збручского идола X в., что представляет обычный атрибут славянских богов и имеет глубокую традицию. Такой рог изображен также у идолов черняховской культуры, в ареал которой входили, как предполагают многие исследователи, и протославяне.

Обрядовое значение ритонов у соседей древнерусской народности — прибалтийских славян проливает свет на стертые и разрозненные отзвуки этого и в русском эпосе, и в древнерусской действительности¹.

Образ тура в былины мог войти, конечно, при том условии, что это дикое животное было еще широко распространено и сохранялись отголоски его почитания в быту. Однако едва ли в эпоху Владимира Святославича

¹ Употребление рога как священного сосуда — атрибута божества плодородия и покровителя воинов у прибалтийских славян в XII в. подробно описано хронистами, еще наблюдавшими языческие богослужения. Саксон Грамматик описывает осенний праздник в храме Святовита в Арконе: «В правой руке идол держал рог из разных металлов, который каждогодно наполнялся обыкновенно вином из рук жреца, для гадания о плодородии следующего года» (см. Срезневский, Исследования, 52). После этого «на другой день перед народом, собравшимся у врат святилища, жрец брал из руки идола рог, и если находил, что напитка в нем убыло, то предсказывал бесплодный год, а если напиток оставался как был, то предвещал урожай... Потом он выливал старый напиток к ногам идола, в возлияние ему; наполнял рог свежим и, почтив идола, как будто он должен был пить прежде жреца, просил торжественными словами счаствия себе и отечеству и гражданам обогащения и побед. Окончивши эту мольбу, он осушал рог одним разом и, наполнивши опять, клал в руку идолу» (там же, 88).

Идолы с рогом в руках

1 — ставчанский идол (черняховская культура);
2 — збручский идол, одна из граней. X в.

тур водился в Киевской Руси по-прежнему, так как находки костных остатков тура очень редки. Эта загадка — развитых эпических представлений о туре при скучности вещественных его остатков — может быть решена только с учетом консерватизма эпических образов, их тесной связи с многовековой традицией. Поэтому образ тура в былинах очень существен для их хронологизации. Образ животного, вымершего полностью в Европе к середине XVII в., все же удержался в былинах в XIX и даже XX в.

А. Ф. Гильфердинг, называя «чудом народной памяти» ряд черт в былинах, приурочиваемых к эпохе Киевской Руси, относил к ним и «сохранение образа «гнедого тура», давно исчезнувшего» (Г., I, 54). Н. Ф. Сумцов также отмечал консерватизм этого образа в русском эпосе, считая, что именно в ту эпоху «вошел в былины и тур» (Сумцов, Тур, 185).

Однако если тур в былинах окружен ореолом исключительности, то причина создания образа этого «идеального, облагороженного зверя» (Скафтымов, 125), помимо выдающихся физических его свойств и законов фольклоризации, лежит, на наш взгляд, и в отголосках древних культовых представлений.

Возможно, что в Киевской Руси охота на тура стала заповедной (ср. «королевскую охоту» на Западе) при особых условиях содержания тура в лесах и даже парках. «Зверинец у рожения», видимо для такой привилегированной охоты, был известен и в Древней Руси под Киевом (Ип. л. под 1149 г., 379).

Как известно, Владимир Мономах в конце XI в. охотился на тура в бытность черниговским князем: «Тура мя 2 метала на розех и с конем» (ПВЛ под 1096 г., 162).

Проблема, какое именно дикое животное надлежит подразумевать под «гнедым», «златогорим» туром былин, издавна занимала исследователей — и фольклористов, и биологов. Тура иногда смешивали с зубром. Основным доказательством того, что в былинах подразумевается именно дикий бык — *bos primigenius* — служит огромная величина турьих рогов. И. Долгих отмечает не только величину рогов тура, но и своеобразный их изгиб, делающий рог удобным для питья; короткий же рог зубра не только маловместителен, но и имеет неудобный для ритона изгиб. Приведя отрывок из былины о меде, налитом в турий рог емкостью «в полтора ведра», Долгих пишет: «Мы прямо видим, что здесь должно подразумеваться животное более длиннорогое, нежели зубр» (Долгих, 64). Между тем в словарях к сборникам былин обычно помещается категорическое утверждение: «Тур — дикий бык (зубр)» (Сперанский).

Однако так ли существенно доказать, что, подобно упоминаемым в былинах «турьим рогам», все найденные древнерусские рога-ритоны и их изображения принадлежали действительно туре? То, что первоначально

рог был «турьим», видно из его эпитета в былинах. Тем не менее, как показывают историко-этнографические параллели, когда животное становится редким, его начинает заменять в быту и в жертвоприношениях какое-нибудь другое. Так и ритон могли делать не только из естественного рога других диких и домашних животных (зубра, быка, козла и пр.), но и имитировать рог животного в глине, металле, камне, возможно — в дереве. Кроме того, естественный рог снабжался металлической оковкой и пр.

Вопрос о «турьем роге» в русском эпосе, прочно вошедшем в «общие места» былин, и об образе тура имеет значение, выходящее за рамки фольклористических изучений и требует самостоятельной разработки.

ОДАРИВАНИЕ НА ПИРУ

К числу социальных явлений, связанных с отголосками эпохи военной демократии, в былинах относится одаривание на пиру богатырей, когда плата за их ратный труд (а частично и за обслуживание княжеского двора), обусловленная заранее, как можно судить по некоторым моментам в былинах, выступает под видом «даров», которыми князь их жалует. На былинных пирах князь Владимир или щедро одаривает богатырей, или предлагае одарить их золотом и серебром, иногда и драгоценными каменьями, «цветным платьем», конями и пр. Богатыри нередко отказываются от этих даров, желая безвозмездно служить родине или решив не оставаться у князя Владимира, слишком поздно оценившего их заслуги, но обычно берут дары, особенно при отъезде из Киева.

В разгаре пира Владимир обращается к пирующим:

Стану я вас дарить, жаловать,
Кого буду дарить чистым серебром,
Кого буду дарить красным золотом,
Кого — скатным жемчугом.

(Гул., 67)

Что это — реальное одаривание, «честные дарева» (Р., 1, 65), которое нередко встречается в былинах, или

же как бы заверения в том, что князь не собирается отступать от принятых на себя обязательств?

В. Г. Белинский со своей прозорливостью отметил подвижность эпической дружины, свободу ее перехода к любому князю. «Герои эти — богатыри, составлявшие двор Владимира. Они со всех сторон стекаются к нему на службу. Это, очевидно, отголосок старины, отражение давней были, в которой есть своя доля истины» («Древние российские стихотворения».— Полн. собр. соч., т. V. Л., стр. 356). Постоянный мотив былин: приезд богатырей в Киев к князю, «уезд» или «поезд» из города, в случае какого-либо неудовольствия с их стороны.

В эпосе Киевской Руси дружины действительно уже редко связаны рождением с Киевом и Киевской землей или кровно — с князем; в основном богатыри — приезжие люди, как и было в исторической действительности.

Владимир боится ухода дружины. Увидев, что богатыри сумрачны, он риторически спрашивает:

У меня ли то нет злата, серебра?
У меня ли то нет красна золота?
У меня ли то нет скатна жемчуга?

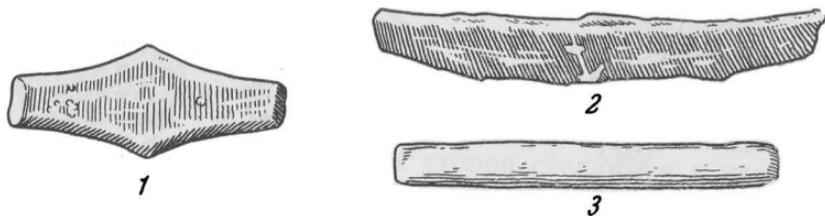
(Кир., 3, 53)

Иными словами, или он не в состоянии обеспечить всех богатырей? Это близко известному летописному эпизоду былин: когда дружины Владимира Святославича стали роптать, что «зло» их «головам» есть деревянными ложками, князь распорядился сковать серебряные ложки «ясти дружине, рек сице, яко «сребромъ и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра». Бе бо Володимер любя дружину» (ПВЛ, 86). О. Ф. Миллер видит близость былинных ситуаций к летописи не только в приведенном выше тексте из собрания Киреевского, но и в словах матери Василия Буслаевича (из сборника Кирши Данилова): «Взгляд ее на добычу выражается и в ее указании Василью на пример отца его, позаботившегося составить себе дружины, вполне соответствующую той доходной дружине княжеской, с которой, по летописному замечанию Владимира, добывается серебро и золото: «не имел он ста рублей, а

Русские и иноземные монеты X—XI вв.

имел дружину хоробрую». Следствием же того, что Ва- сенька в самом деле последовал примеру отца, было такое накопление добычи, при котором мать, после его смерти, могла сказать дружине васильевой: «подите в подвалы глубокие, берите золотой казны не считаючи» (см. стр. 785). В. Ф. Миллер, считая, что повествование, помещенное в «Повести временных лет» под 996 г., записано летописцем Мономаха, указывал: «Предание о щедрости к дружине старого Владимира должно было служить назидательным примером для его потомков, современных летописцу князей», отражало «насущные интересы» дружинников (В. Миллер, III, 22). Владимир всегда дает наиболее прославившимся богатырям «золотой казны» и других даров «без счета». В пересказах былин XVIII в. князь говорит богатырю: «У меня тебе золота казна не замкнута, а погребы не запечатаны,

Серебряные гривны-слитки

1 — киевского типа; 2 — новгородского; 3 — черниговского

и добры кони на стойле не заперты» (Аст., Б-ны, 166); в других вариантах упоминаются также «драгия портища», «драгоценное платье» (Аст., Б-ны, 107, 14). Близок к этому текст записи XIX в., когда Владимир на пиру предлагает Василию Игнатьевичу:

Уж ты поди-ко возьми да золоты клюци,
Отмыкай-ко сондуки да окованныя,
Ты бери-ко казны, да сколько тебе надоно.

(Гр., III, 84)

Насколько устойчив мотив одаривания богатырей на пиру, видно из сходных формул текстов XVII—XVIII вв. с записанными в XIX в.: в первых Владимир на пиру «одарил Илью Муромца великими дарами» (Аст., Б-ны, 95), а в записи П. Н. Рыбникова от «дарил его подарками великими» (Р., 2, 484).

В варианте былины о Дюке Сорокина (как всегда у этого сказителя своеобразном) мать Дюка советует сыну ехать в Киев, потому что

Солнышко Владимир стольно-киевский
На приезде для удалых добрых молодцев
Заводит столованье — почестен пир,
На поезде удалых много жалует,
Жалует бессчетной золотой казной.

(Р., 2, 186)

Ожерелье с подвесками из монет

Сами богатыри недвусмысленно оценивают дары «ласкового» (для дружины ласкового, щедрого, заботливого, откуда и этот постоянный его эпитет) князя Владимира как плату за службу. Добрыня говорит своей матери, что должен выполнить порученную ему князем «службу», связанную с отъездом в дальние края: «Извено же нас, богатырей, князю и жаловати» (КД, 137). А в тексте «Сказания о семи богатырях» XVII в. формула еще четче: «Государю служба верно служена и честь получена» (Аст., Б-ны, 152).

В XI—XII вв., по заключению Б. А. Романова, «приказка» о добыче дружиной серебра и золота «стала излюбленной формулой в летописной и иной публицистике... Призыв «не щадить имения», «любить дружину», «раздавать» золото и серебро дружине был призывом не к благодушному расточительству в потреблении, а к дальнейшему приумножению этого вида богатств» (ИКДР, I, 379—380).

Былины говорят о стремлении Владимира собрать сильную дружину, о его страхе остаться без богатырей. Чтобы не потерять недовольных им богатырей, князь Владимир спешит задобрить и щедро одарить их:

Приказал постлать сукна красныя
До самого побоища смертного,
И встречает богатырей
Со златом, серебром, скатным жемчугом,

И дарит их златом, серебром
И скатным жемчугом,
И зазывает их в почестной пир.
И тут богатыри отсердились,
И столовали, пировали ровно суточки.

(Т.—М., II, 48).

В другом варианте говорится, что «у богатырей сердца кончились» после почестей и даров князя (Р., 2, 676—677).

Однако примириться с богатырями князю бывает трудно; богатыри, как правило, действительно не корыстны и без колебаний отказываются не только от богатых даров, если ради них нужно поступиться своим достоинством или убеждениями, но нередко не берут и благодарственных даров за помочь на войне, в особенности если «честь» приходит слишком поздно:

Ну по приезду ты меня не почествовал,
Ну по заслуги ты меня не пожаловал.

(БПК, 230)

Пренебрегают богатыри, по эпосу, даже воинской добычей.

Развитие социальных отношений в Киевской Руси делало все более эфемерным покров прежних доклассовых традиций, когда молодые воины должны были безвозмездно защищать родовую общину. Но еще в XI в. внедрившийся принцип установленной заранее точной оплаты воспринимался современниками как недопустимая новизна.

Летописец середины XI в., приправляя свои рассуждения христианскими сентенциями, порицает и князей, которых охватила страсть к собиранию «многоего имения», и «несытьство» дружины, требующей высокой оплаты (Соф. л. I, 9).

Между тем «жалованье» князя постепенно становилось основным источником существования дружинников, которые отрывались уже и от земледелия, и от ремесла, и от других занятий.

Большой исторический путь должна была пройти дружины — объединение сверстников,— чтобы мог встать вопрос о ее найме кем-либо.

Термин «зарабочее» (заработанное), которым изредка обозначаются в былинах дары, вероятно — элемент модернизации, в чем можно согласиться с О. Ф. Миллером, считающим этот термин «наростом» (стр. 814); он мог быть введен сказителями в XIX и даже в XX в. Здесь принцип оплаты, даже с оттенком найма, выступает явно. В одном олонецком варианте Илья Муромец называет своим «зарабочим» чаши с золотом, серебром и жемчугом, данные ему за освобождение Царьграда (Г., I, 435), Чернигова (Р., 2, 86) и других городов. Въехав в освобожденный им Чернигов, Илья Муромец безо всякого колебания принимает от благодарных ему горожан богатые дары:

Как это брать золото правое,
Как у меня-то ёно заработано.

(БПК, 274)

Впрочем, и тут Илья проявляет свойственное ему бескорыстие: в другом варианте из того же собрания

...Нанесли ведь золотой казны без счету тут.
Захватил Илья как своей горсточкой:
«За работу как мне, братцы, и не грех тут взять!»

(БПК, 191)

Не случайно оба эти варианта — поздней записи, сделанной в 1930-х годах от пудожских сказителей И. Т. Фофанова и Н. А. Ремезова. «Зарабочим» иногда Илья Муромец считает и имущество полоненного им Соловья Разбойника (см. Р., 2, 88).

Взаимоотношения Владимира с богатырями двойственны. Противоречивые характеристики Владимира в былинах, данные, конечно, в основном его дружиной, отмечались многими исследователями. Одним из первых обратил на это внимание Ф. И. Буслаев, указавший на сложные взаимоотношения дружины с Владимиром, в том числе и на значение даров (Буслаев, 114 и др.).

Большое место в своем исследовании отвел вознаграждению дружины в былинах Л. Н. Майков. Он писал, что «внутренние интересы дружины не забыты былинами» (Майков, 70), что «князь заманивает к себе дружин-

ников подарками» и «такие подарки князя не прекрасны и во время службы» (Майков, 64, 65). Майков тщательно собрал все летописные свидетельства, подтверждающие необходимость для князя быть щедрым к дружине, не только о Владимире Святославиче (под 980 и 996 гг.), но и о Мстиславе Владимировиче (под 1034 г.), который «любяше дружины по велику, имения не щадяще, ни питья, ни едения не браняше», и о других князьях (Ип. л., 138).

После такого детального разбора Майковым этих взаимоотношений особенно наивным кажется его утверждение о беспредметном гостеприимстве Владимира: «Самое широкое проявление любви к ближнему былины представляют в обычаях гостеприимства, примером которого могут служить самые пиры Владимира, сопровождаемые различными подарками гостям» (там же, 89). Правильно здесь лишь то, что форма вознаграждения дружины на пирах — подарок — сохранялась древняя, хотя и прикрывала она уже совсем иное содержание — наем дружины. Дары — замаскированная оплата ратной и иной деятельности богатырей.

Более последователен в своих взглядах был А. В. Марков. Подчеркивая, что богатыри «в совокупности называются нередко в былинах «дружиною»» (БЧ, 44), Марков рисует облик «вольных дружин, кочевавших от одного князя к другому» (там же, 43), «редко доходивших до 2000 человек». Он пишет, что на эти дружины князья «всесцело опирались, как на испытанных бойцов, всегда готовых следовать за князем (впрочем, всегда также имевших возможность перейти к другому князю)» (там же, 39). «Любовное отношение (князя. — Р. Л.) к дружины вполне зиждилось на экономической почве: интересы князя были интересами его дружины» (там же, 41).

Немалую роль в решении дружины оставаться у киевского князя играет отношение к ней князя в целом: как вознаграждение за ратный труд, так и, как уже упоминалось, допуск к участию в государственных делах (в форме «совета» князя со всею дружиной при важных решениях). Но и покинув князя, они самостоятельно выступают на защиту Русской земли. Очень показателен текст, неоднократно цитированный многими фольклористами:

А ѹ не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
...Да не будем мы беречь князя Владымира
Да еще с Опраксой королевичной.
У него ведь есте много да князей бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владымира.

(Г., II, 26)

Есть варианты, где богатыри, отказываясь служить князю Владимиру, говорят и об участии в «думе», и о «жалованье».

В некоторых же речь идет только о «думе» богатырей с князем Владимиром, который не соблюдает этого обычая:

Он слушает князей-бояр,
А не почтает богатырей.

(Р., 2, 673)

Характерно, что пиры, устраиваемые для князя князем, обычные в летописях, в былинах отсутствуют: в них поется только о пирах в честь богатырей, награждают на этих пирах только богатырей. Князя в былинах одаривают лишь «гости» — купцы, приехавшие в Киев торговать и добивающиеся льгот; в вознаграждение за привезенные дары — камку, меха и пр. — князь иногда им разрешает беспошлину торговлю (см., например, былину о Соловье Будимировиче) ¹.

Чрезвычайно ценна для понимания значения «даров» богатырям в былинах мысль, высказанная Д. В. Айналовым, хотя сам он не привлекает русского эпоса к своему исследованию. «... Денежные подношения кн. Ольге,— пишет он,— и ее свите... не совсем правильно принимаются в нашей науке за дары в собственном смысле слов-

¹ Чтобы составить представление о размерах эпических даров и о церемониале их вручения, можно напомнить несколько сообщений летописей о пирах, устраиваемых при приезде князей друг к другу, где упоминаются обычно и «дары многы» (ПВЛ под 1147, 1195 гг.), «дарове мнози» (там же под 1160 г.) не только князей друг другу, но и их дружинам.

ва... Эта получка представляется не единовременным даром, а платой «рога», причем было заранее известно, по «договорным статьям», «сколько кто должен получить». «Было два вида «роги»: одна воинская, другая чинов дворца... Обе представляли ежегодную плату под видом подарка или царской милости, и потому отличались от обычного жалованья чинам двора, которое было постоянным и носило иное название. «Другая «рога», шедшая на содержание армии и флота, занесена в Устав в таких подробных списках ассигновок, которые не оставляют сомнения в том, что «рога» была именно плата за службу стратигам, солдатам и матросам в военное время» (Айналов, II, 290—296).

Объяснение этого обычая в свете современной науки напрашивается само собой. «Рога», как и русское жалованье (от глаголов «жаловать», «дарить», а также «относиться с приязнью»), была дальним отголоском той эпохи, когда понятие найма еще не укладывалось в сознании, когда экономические отношения между членами одного общества регулировались в форме подарков и отдач, добровольных и нерегулярных вознаграждений. Особенно стойко эти пережиточные представления держались в молодом, формирующемся государстве — Киевской Руси.

Наиболее интересно то, что выдача «роги» Ольге и ее свите, т. е. «посольского и месячного жалованья», «согласно договору Игоря», происходила на пиру, как и пожалования богатырям в русском эпосе.

Таким образом, можно предполагать, что «дары» на эпических пирах также представляли оговоренную заранее плату воинам — дружине.

ВИДЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ БОГАТЫРЕЙ

Русский эпос знает два вида вознаграждения дружины: 1) прокорм в форме постоянных знаменитых пирор с обильной едой и напитками, причем, видимо, и в остальное время часть дружины, жившей в самом Киеве — его детинце, в особом здании — гриднице, находилась на иждивении князя; 2) дары деньгами и бытовыми предметами, выдававшимися под видом традиционных,

восходящих к доклассовому обществу подарков на пиру; из них наибольшее значение имеют драгоценные металлы и «платье цветное». Кроме того, при нужде князь снабжал дружины оружием, доспехами и конями (чаще, впрочем, здесь речь идет в былинах о городском ополчении; см., например, былину о Василии Игнатьевиче).

Кормление

Кормление богатырей — наиболее архаичная форма вознаграждения — широко отражено в эпосе. Илья Муромец благодарит царя Константина в Царьграде, который предлагает ему стать воеводой (хотя богатырь и отказывается от этого), в следующей форме:

Послужил я у тя только три часа,
А выслужил слово сладкое, уветливое,
Уветливое слово, приветливое,
А хлеб-соль мягкую.

с горечью заметив, что у Владимира не выслужил «хлеба-соли мягкия» и за 30 лет (Р., 2, 100).

Подобно этому Василий Буслаевич приглашает желающих вступить в его дружины:

Кто хочет пить и есть из готовова,
Валися к Ваське на широкой двор
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное!

(КД, 60)

В одном из пересказов XVIII в. эта ситуация обрисована еще более выразительно: Василий Буслаевич посылает бирючей по улицам Новгорода «клич кликати» о наборе им дружины; в формуле приглашения говорится: «кто хочет в красне в хороше походить», носить «платье цветное с одного плеча» и есть с «одного блюда», пить «из одной чары» с Василием? Набранные дружинники живут с Василием «без выходу» (Аст., Б-ны, 240).

После смерти Василия дружинники благодарят его мать: «Спасиба..., что поила-кормила, обувала и одевала добрых молодцов!» — после чего они расходятся

«кому куды захотелося», взяв «по малу числу» предложенной им «золотой казны» (КД, 125)¹.

Коллективная общинная трапеза в условиях Киевской Руси превратилась в кормление князем своих воинов и приближенных, а по старой традиции — и представителей общины, в данном случае уже территориальной, городской (см. выше).

Значение древнерусских пиров, связанных в эпосе и летописях с именем князя Владимира Святославича и характерных для «прафеодального», «дружинного» строя, как типологического явления, старался раскрыть в своем исследовании Аничков (см. Ан., 318—319). Он отмечал также, что княжеская щедрость на пирах на Руси в конце X — XI в., в которой было заинтересовано и само духовенство, по-прежнему поощрялась, но уже под видом «милости, нищелюбия» (там же, 179 и сл.). Последнее замечание Аничкова очень тонко, так как действительно древний институт общественных пиров доклассового общества, еще державшийся в Киевской Руси в конце X в., выдается в летописи за новшество, вызванное влиянием на Владимира, принявшего христианство, чтения духовных книг и увещаний монахов.

Сущность такого пира в его переходной форме блестяще вскрыта С. П. Толстовым: «Раздача, а частью — уничтожение имущества вождя или вообще богача, составлявшие содержание обычая, фактически были формой завоевания себе максимального веса в племени, с одной стороны, и приобретения широкой клиентелы» (Толстов, 201), а на позднем этапе — замаскированной оплатой военных дружин.

Большинство исследователей при анализе традиционной для классического воинского эпоса картины торжественного пира, непременной составной частью которого было одаривание его участников, обращались к эпосам других народов, так как соответствия — независимо от того, понимались ли они как типологические или генетические — были слишком явны. Повторять эти сопоставления в данной работе едва ли целесообразно, так как поиски эпических параллелей — тема особого исследования.

¹ Следует, впрочем, оговориться, что в текстах из сборника Кирши Данилова мог отразиться и быт наемных казачьих отрядов в Сибири, в среде которых, видимо, исполнялись эти былины.

Драгоценные металлы

Б. А. Романов писал о накапливании князьями запасов золота и серебра для оплаты дружин, что было особенно важно при недостатке в обращении драгоценных металлов в средневековье: «Накопление металлического фонда в XI — XII вв. почиталось и действительно было необходимостью для князей» (ИКДР, I, 379).

Что такое «злато-серебро» былин?

Что подразумевается под «златом-серебром» в русском эпосе? Только ли монеты и слитки (что в какой-то части несомненно) или же также изделия из драгоценных металлов?

С этим можно сопоставить, что на древнейших русских монетах надпись гласит: «Владимир на столе, а се его сребро», «Ярославле серебро» и т. п.

Дары князя Владимира богатырям, представлявшие плату, должны были включать, несомненно, и деньги. В эпосе есть специальный термин для обозначения именно монет и слитков — «золота казна»:

Чем я теперь буду жаловать?
Бери у меня золотой казны,
Золотой казны несметныя.

(Р., 2, 47)

Но, конечно, не о монетах идет речь, например, в описании наряда девушки, которые «в злате-серебре не согнутся». В других жанрах фольклора также можно было бы проследить двойное значение этого термина.

Д. В. Айналов, сопоставив «шаблонные», «стереотипные» летописные свидетельства о дарах (которые он считает одной из «легендарных примесей» в летописях) с другими источниками, приходит к выводу, что в них отражены все же исторические факты, но само понятие «злато и серебро» расшифровать точно невозможно: «Если такие предметы, как паволоки... сосуды, оружие не оставляют сомнения в том, что дары представляли именно вещественные подарки, то золото и серебро отличаются неопределенностью». Слова Владимира о добыче с помощью дружины «сребра и золата», по его мнению,

нию, также «могут быть поняты в широком смысле, так как он говорит собственно о военной добыче и дани, которые могли состоять как из предметов золотых и серебряных, так и из монет» (Айналов, II, 290—293).

Мнения о серебрениках и златниках Владимира и Ярослава расходились до того, что некоторые исследователи считали вообще их не монетами, а печатями или украшениями, являющимися подражанием иноземным монетам (неясно, правда, почему же тогда они имели русские надписи и другие особенности?).

Хронологически вопрос о первых монетах, чеканенных на Руси, также представлялся спорным. А. В. Орешников, например, считал древнейшими русскими монетами новгородское «ярославле серебро», а серебреники и златники с именем Владимира относил не к Владимиру Святославичу, а к Владимиру Мономаху. А. А. Ильин же, А. А. Куник, И. И. Толстой, мнение которых приводит сам Орешников, признавали их, как и большинство современных нумизматов, монетами времени Владимира I, ссылаясь при этом и на особо близкое знакомство в это время Руси с Византией (Орешников, ДЗ, 30—32).

Двойственность термина «злато-серебро» в былинах, как вознаграждения дружине, имеет исторически конкретную причину, так как в средневековой Европе денег в монетах и слитках вообще не хватало. Археологические находки подтверждают, что накопление металлического фонда шло в большой мере в виде изделий. К тому же тяга к предметам роскоши в городской среде, в том числе и военной, стала в Киевской Руси в XI в. очень велика. В этих условиях оплата дружин металлическими изделиями широко практиковалась¹. В. А. Городцов отмечает изобилие и разнообразие ювелирных изделий из археологических раскопок, известных еще в его время, и сбъясняет обилие русских драгоценных изделий, в том числе и «рубленого серебра», в скандинавских музеях.

¹ Император Леон «почти послы русские (от Олега.—Р. Л.). дарми, златом и паволоками и фофудьями» (ПВЛ под 912 г., 29); Роман предложил дары Игорю, и дружины на совете ответили князю: «...аще сице глаголеть царь, то что хочем боле того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки»... а взем у грек злато и паволоки и на вся воя» (ПВЛ под 944 г., 34); такие же дары греческие императоры дали Ольге (ПВЛ под 955 г., 44) и Святославу (ПВЛ под 971 г., 50).

Перстни

Он пишет, что эти изделия были широко распространены «по всем областям, вошедшим в настоящее время в состав Европейской России; они шли также в огромном количестве в Скандинавию, служа, может быть, платой за службу норманнских наемных войск» или имели другое назначение. «В Стокгольмском музее, среди многочисленных предметов, извлеченных из скандинавских кладов IX—XI веков, можно видеть много характерных изделий Киева и Новгорода. Часть их является разрубленною на куски с очевидною целью более точного расчета за купленный товар или услуги» (Городцов, 249).

Появление «рубленого серебра» — поломанных или изрубленных вещей (шейные гривны, браслеты, лунницы и пр.) — в древнерусских кладах (главным образом в северо-западных районах) Г. Ф. Корзухина связывает с «недостатком монеты, который стал ощущаться на рубеже X и XI столетий в связи с прекращением ввоза monet с Востока» (Корзухина, 25). Вес «рубленого серебра» в кладах достигает до 15 кг; «рубленые вещи» смешаны в них обычно с монетами и «бесформенными кусками литого серебра» (там же). Наибольшее число таких кладов (несколько сот) обнаружено на о. Готланде, «крупнейшем транзитном торговом центре на пути из скандинавских стран в Древнюю Русь и Халифат» (там же, 33)¹.

Дробление ювелирных изделий при оплате или даже показывает грубое варварство наемников, так как ценность изделия, конечно, значительно превышала стоимость затраченных на него материалов благодаря высокой художественности выполнения — ведь в поздний

¹ См. M. Stenberg. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, Bd. I—II. Stockholm, 1958, 1947. (В отдельных случаях находимые в кладах «рубленые вещи» могли, конечно, представлять просто вторичное сырье, подготовленное ремесленниками для переплавки.)

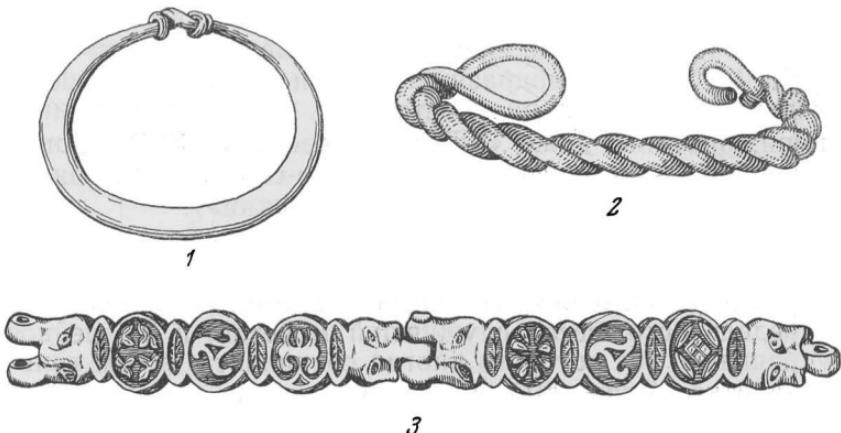
период Киевской Руси «иногда в процессе изготовления одной и той же вещи применялось и литье, и чеканка, и зернь, и скань, и инкрустация камнем», — как об этом пишет Б. А. Рыбаков (Рем., 245).

Видимо, об одном из кладов с монетами и вещами сохранилось свидетельство и в письменном памятнике. В «Киево-Печерском патерике» повествуется о том, как монах Печерского монастыря Феодор, живший в пещере, носившей название Варяжской, нашел в ней клад — «обрет съкровище злата и сребра множество и съсуды многоценные» (стр. 168). Князю, узнавшему об этой находке, монах говорит: «Варяжский поклажай есть, понеже съ суди Латиньский суть, и сего ради Варяжская печера зовется и доныне» (там же, 169).

Подобные клады, очевидно, упоминаются и в былинках: в устойчивом мотиве о «погребах», забытых «амбарами» с золотом-серебром и пр., на которые наезжает Илья Муромец на одной из трех дорог в своих поездках.

Двойственность понятия «злато-серебро» подтверждается отчасти использованием монет как украшения, о чем говорят и «сверлины» на монетах. Г. Ф. Корзухина производит сам термин «монисто» от «монета».

Г. Ф. Корзухина отмечает двойственное значение золотых изделий X и XI вв., находимых в древнерусских кладах эпохи Владимира I и Ярослава. Эти украшения представляли способ хранить материальные ценности: «Уже в X в. появляется в уборе золото — большие кованые и витые браслеты весом до 200 г.,больше похожие на слитки (Корзухина, 162). Видимо, «в самом Киеве в X в. ничего большего, чем этот суровый мужской убор, и не создалось... Основной тон всему убору эпохи Ярослава дают по-прежнему все те же тяжелые золотые вещи, иногда похожие просто на куски золота», — пишет она далее. «Эти вещи так же массивны, тяжелы и впечатительны по своей материальной ценности... Накопление ценностей отличается серьезной деловитостью» (там же, 67). Г. Ф. Корзухина подчеркивает, что золотые изделия этого рода перемешаны в кладах с тысячами драгоценных камней. «Это то „злато“, — пишет она об украшениях первых киевских князей и их дружины, —...которым, наравне с оружием, они клялись перед Перуном» (там же). Характерно, что превалирует в кладах X — XI вв. именно «мужской убор», так как «злато» — добы-

Браслеты

1 — золотой кованый. X в.; 2 — витой;
3 — серебряный с чернью из черниговского клада. XII в.

ча воинов, а специально женские изделия представлены слабо — золотыми бусами. Впрочем, может быть, и не было четкого различия между мужскими и женскими украшениями?

Возможно, однако, что ношение таких изделий обуславливалось и обстановкой воинского быта, когда наиболее ценное приходилось носить на себе или закапывать в кладах. Не случайно богатыри «хвастают» на пиру именно такими портативными предметами (золотом и серебром, цветным платьем и пр.) и конями, также сопровождавшими их в походах.

Лишь в конце XI — XII в. начинается в Киевской Руси тяга «к изысканной роскоши» (там же, 68) и вместо гладких массивных вещей появляются в кладах изделия, обильно украшенные зернью, сканью, гравировкой, чернью, перегородчатой эмалью, камнями и жемчугом. Вызывалось это, возможно, отчасти и упорядочением обороны Киевского государства, большей безопасностью городов, наряду, конечно, и с развитием их культуры. Невольно хочется сопоставить с этой сменой вкусов в ювелирных изделиях два этапа в развитии русского эпоса: суровые воинские былины, очевидно, более ранние, и изысканные новеллы о мирной жизни горожан (см. ДР).

Под «златом-серебром» былин, кроме монет и украшений, также иногда называемых «утварь гривная» (см. Рем., 141), могла подразумеваться и столовая пиршественная утварь, которая постоянно упоминается в них: чаши, братины, даже «блюда однозолотные» (аналогии этому см. в летописях, где о «злате-серебре» говорится по поводу выкованных серебряных «лжиц»).

Едва ли двойственное значение термина «гривна» в былинах, в качестве дара; хотя в древнерусском языке оно имело два значения: 1) слиток серебра (или золота) определенного веса, служивший монетой, и 2) шейное украшение, вес которого иногда совпадает с весом гривны-литка (Янин, 201).

В былине об Илье Муромце и Идолице (Идолине) ясно, что слово употреблено в первом значении:

Нет у меня дать тебе милостыни, золотой гривны:
Обожрал Идолина весь Царь-град,
Золота казна да запечатана.

(Р., 2, 303)

В поздней, Никоновской летописи сохранилось, однако, предание о награждении князем Александра (Алеши?) Поповича шейной гривной. В значении денег гривна «золотая», «серебряная» упоминается и в других жанрах фольклора (например, в свадебных, величальных песнях).

А. В. Марков в связи с этим сопоставляет с ношением шейных гривен и «награждением гривнами» (шейным обручем или ожерельем из монет. — БЧ, 50) слова Калина Илье Мурому: «Положу на тебя пененизо великое» (Р., 2, 675).

Но и слово «пененизо» имеет два значения: денег и украшения. К тому же едва ли правильно сопоставлять классические гривны-обручи с ожерельем из монет, цепями и пр. Марков приводит ряд фактов, довольно сбивчивых, которые заметили и более ранние исследователи. Так, О. Ф. Миллер указывает в связи с этим текстом, очень осторожно, что в «Сказании о семи богатырях в Царьграде» царь велит жаловать их «цепями златыми великими», что, по мнению Миллера, «крайне редкое явление в былинах» (О. Миллер, 759; текст см. Аст., Б-ны, 151).

*Гривна шейная
серебряная. IX—X вв.*

Ювелирные изделия в Древней Руси были очень разнообразны по назначению и типу (фибулы, височные кольца, колты, застежки и пуговицы, поясные пряжки, серьги, головные и шейные обручи, браслеты, кольца). И однако в былины проник лишь узко ограниченный набор их: перстни, застежки и пуговицы, изредка — жемчужные серьги. Причин тут, видимо, две: забвение украшений, ушедших из быта (гривны, височные кольца и пр.) и прочная связь уцелевших в былинах видов украшений с сюжетами и мотивами эпоса. Наиболее ясно это прослеживается в отношении перстней.

В былине о Добрыне перстень, опущенный в чару с вином,—постоянный предмет, посредством которого муж дает узнать себя жене; поэтому в одном из вариантов этот перстень — «имянной» (т. е. печатка), наиболее приметный (БПК, 297, 426). В ряде былин перстень — обручальный; жених с невестой «золотыми перстнями поменялися» (КД, 14). Перстнями меняются и богатыри-побратья; вообще перстни у мужчин обычны в былинах: «общее место» в них, как князь Владимир «золотыми-ти перстнями принабрякивал» (Кр., I, 452) или «злаченыма перстнями да принашталкивал»¹ (Гр., III, 84), похаживая в гриднице среди пирующих. В золотое кольцо целятся во время состязания в стрельбе Дунай и его жена Настасья. Образ из вещего сна, предсказывающего несчастье,— распаявшийся перстень, из которого выкатился драгоценный камень — «вставка», «ставочка» (Р., 2, 559—561; Кр., I, 92 и др.).

Подношение даров в мисах

В былинах дары нередко подносят в «мисах», «чашах». По чаше золота, серебра и жемчуга Илья Муромец получает как «заработочее» у царя Константина в Царьграде (Г., I, 435), то же — вместе с другими богатырями у князя Владимира (Р., 2, 313). В пересказе XVIII в. мать Василия Буслаевича сначала сама несет «посадникам» золотое блюдо с золотом-серебром и камнем самоцветным, а после победы Василия над Новгородом — они ей (Аст., Б-ны, 243—244); в олонецком эпизоде она несет «мужичкам» новгородским подобные же дары:

На миску положила красна золота,
На другую чистого серебра,
На третью скатного жемчуга,
Пришла она на почестен пир.

(Р., I, 372)

Такие же дары в другом варианте дает ей «новгородский новый староста» (Г., III, 456).

Мисами также меряется и подносится дань: в текстах из собрания Киреевского данью служат мисы золота, серебра и жемчуга (Кир., 2, 83); в другом варианте (Кир., 2, 90—92) дань уже больше: по 12 тысяч золота и серебра.

По этому поводу О. Ф. Миллер замечает: «...Мисы не упомянуты, что уже менее эпично и менее первобытно» (О. Миллер, 505).

Характерно, что те же мисы с драгоценными дарами зафиксированы и в другом жанре восточнославянского фольклора — колядках.

В одном варианте былины в Киеве щедро одаривают многими дарами вражеского иноземного посла, и при этом золото и жемчуг подносят в кубках:

И начали дарить золотой казной:
Подарили один кубчик чиста золота,
А другой-от подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хороших.

(Т.— М., II, 25)

Есть ли аналогия этим мисам и кубкам с дарами в исторической действительности? Д. В. Айналов, сопоставлявший известия византийских источников с русскими летописями (текстом и миниатюрами) для выяснения вопроса о «дарах» княгине Ольге в X в. от императора (см. ПВЛ под 955 г., 44), обратил внимание на способ передачи даров — в золотом блюдце, что являлось при византийском дворе традицией: «В придворном Уставе византийского двора, в 15 главе второй книги, два раза подробно перечисляются денежные подношения княгине Ольге и ее свите... Начальная летопись..., действительно, говорит о многих дарах, полученных княгиней Ольгой,— в том числе о 500 и 200 милиарисиях на золотом блюдце» (Айналов, II, 290). «Рисовальщик миниатюр Радзивилловской летописи изображает дары Ольге в Царьграде,— пишет он,— под видом сосуда, продолговатых неопределенного вида предметов, вроде ларцев, и что самое любопытное, под видом чаши, наполненной, по-видимому, монетами (лист 32)». Их несут юноши, идя один за другим. Айналов напоминает, что дань Олегу на миниатюре в той же летописи, возможно, также изображает монеты в сосуде: «... Вместо гривен, которые он (Олег.— Р. Л) требовал, греки несут стакан, вазу и большой с двумя ручками сосуд» (там же, 294).

Таким образом, можно считать, что устойчивая формула даров в былинах — мисы с золотом, серебром и жемчугом — не фантазия сказителя, а конкретная историческая деталь.

«Цвётное платье»

«Цвётное платье» входит в постоянный состав даров богатырям и служит объектом их хвастовства на пиру¹.

Дорогие привозные ткани, из которых сшито «цветное платье», были одним из основным предметов импорта на Русь и транзитной торговли Древней Руси с Византией, азиатским Востоком и Западной Европой, а также военной добычи, иногда данью, платой.

¹ Термин «цвётное платье» — «шветно плачко», «шветно плачье» (Шуб, 218, 297) сохранялся в былинах Колымы, отдаленнейшего и издавна изолированного места обитания русских, что может служить признаком древности и исконности этого термина в эпосе, как и в других жанрах русского фольклора.

Л. Н. Майков, проводя систематическое сопоставление былин с культурой Древней Руси, особенно пристально занялся тканями и платьем, упоминаемыми в них: «...Былины свидетельствуют,— пишет он,— о привозе на Русь товаров кавказских, арабских, греческих и западноевропейских. Эти сведения подтверждаются и историческими свидетельствами X—XIV веков» (Майков, 80). Он упоминает в числе этих товаров «шелк шемаханский», «платье латинское», «атлас», «крытый бархат», «аксамиты», «белохрущатую камку», «ковры сорочинские» и пр.¹

А. В. Марков, подытожив все, что было сделано в области изучения былинных тканей его предшественниками, дополнил несколько этот перечень. «Самит» Марков определяет как «зеленый бархат самит, старинный нем. *samt*», указывая, что некоторые исследователи видели в этом слове «аксамит» (см. БЧ, 25). Однако В. Клейн, крупный знаток древнерусских тканей, также склонен считать это название изменением слова «аксамит», указывая, что вообще «объяснение как самого названия аксамит, так и его реального значения встречает некоторые затруднения»².

По Маркову, ««скорлат» — красное французское сукно, которое появилось на Руси только в XIII в., раньше чего и не могло войти в былины, где заняло довольно прочное место»; его можно было бы сопоставить с «сукнами багрецовыми» (Г., III, 194), «красными сукнами» (Т.—М., II, 47 и др.). Отметим, однако, что в былинах скарлат — не красный, а обычно голубой: «голуб скурлат» (КД, 110), в одном случае — белый: «платье скорлятое — скорляту белого» (Аст., Б-ны, 149).

¹ Образное описание тканей содержится и в памятниках древнерусской литературы: «Паволока бо испестрена многими щолки и красно лице являеть»; «а богат красен и не смыслить, то аки паволочто изголовье соломы наткано» («Слово Дан. Заточника», 16, 17, 21).

² Описание древнерусских тканей, в том числе встречающихся в былинах, см. в статье В. Клейна «Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология» («Сборник Оружейной палаты», М., 1925): аксамит — стр. 13—21; бархат — 28—43, камка — 56—62. Отметим, что термин «хрущатая камка» Клейн определяет как особый узор, имеющий «отдельные геометрические фигуры, близкие к кругу» (Клейн, 62), и не связывает с «хрустом» ткани, как М. Н. Сперанский в своем словаре к антологии «Былины» (М., 1916): «хрущатый — ...хрустящий при движении (напр., шелковая упругая ткань)» (стр. 450).

«Рытым бархатом» в былинах «потянута» мебель — скамьи, «золот стул» и пр., или же на «рытом бархате» «сухим» или «красным» золотом пишут (вышивают?) послания; одежд из него в былинах как будто нет. Клейн отмечает, что рытый бархат (с рельефными узорами на золотной или какой-нибудь иной «земле») шел, кроме верхних одежд, и на «хоромное убранство» (Клейн, 31).

Наиболее красочно описана иноземная камка:

Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка — узор хитер:
Хитости были Царя-града
А и мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре — не погнется.

(КД, 11)

Ценность древнерусскому «платью» придавало не только художественное выполнение узорчатых тканей, но и большое содержание в ткани нитей из благородных металлов¹, а также украшения, в том числе пуговицы из этих же металлов и съемные украшения. Образное описание такой одежды есть во многих былинах. Таков верх «шубоцьки соболиной» Ильи Муромца:

Динём-то ета шубочка будто в огни горит,
Ночью-то от шубочки будто ыскры сыплются.

(Кр., I, 82)

Особенно роскошна одежда Дюка, который и победил Чурилу в одном из состязаний именно по ценности одежд и замысловатых украшений — «перещапил» его. Когда Дюк приходит в церковь, где для этой цели ежедневно встречается с Чурилой на виду у киевлян,

Скидывает он одежду верхнюю,
Будто вдруг в церкви загорелось,
Пошло по церкви сияние.

(БПК, 318)

¹ Сравним с былинным описанием камки, которая «не гнется от вплетенного в нее золота» (БЧ, 27), сообщение в «Повести временных лет» о Якуне: «луда (платье.—Р. Л.) у него золотомъ истъканъ» (ПВЛ под 1024 г., 100).

Одежда из дорогих тканей
С миниатюры рукописи XII в.

Было бы слишком прямолинейно видеть в этих эпических описаниях тканей только пресловутую «идеализацию» быта в былинах, что закрывает само по себе дорогу дальнейшему исследованию. Такие ткани хорошо известны и по археологическим материалам, и по письменным источникам, и по памятникам изобразительного искусства. Найдены фрагменты тканей начала II тысячелетия н. э. и произведена их реконструкция, определены типы ткани на фресках, иконах и миниатюрах и даже сопоставлены с эпосом.

Особо стоит в фольклористике вопрос об одежде Дюка в былине о нем. Считается, что одним из доказательств позднего (в XVI в.) сложения этой былины может служить длиннополая его распашная одежда на пуговицах, которую он должен приподнимать — «заздынуть», чтобы не испачкать в грязи на уличных деревянных мостках в Киеве. Действительно, она в былинах носит позднее название «кафтан» (но и во дворце эпического Владимира по законам модернизации есть и «комнатэ»

и «кабинет»); однако сам тип одежды был известен уже в Киевской Руси.

Л. Нидерле в числе древнерусских одежд, найденных в погребениях и изображенных художниками, называет и верхнюю долгополую одежду с рядом пуговиц и петлиц, стянутую поясом: «...Так как в русских могилах наряду с пуговицами и воротниками от таких одежд часто находят и остатки чужеземных богато отороченных тяжелых вышитых (?) тканей, то я полагаю, что эти виды длинной верхней одежды вообще приходили к славянам из чужих краев, частью из Византии, частью же с Востока». Он ссылается на изображения в «Изборнике Святослава (1073 г.), а также на изображения семьи Ярослава на фреске Софийского собора, на древние изображения Бориса и Глеба и др. (см. Нидерле, 230).

Нужно добавить при этом, однако, что фигурным застежкам на одежде Дюка находятся лишь отдаленные аналогии в эпоху Киевской Руси (см., например, парные ромбовидные орнаментированные застежки из Гульбища под Черниговом начала X в.—ДЧ, 39).

Ценность пуговиц даже превышает в былинах ценность верхней одежды из собольего и куньего меха с златотканым верхом, на которую они нашиты:

Надевала шубу соболиную,
Цена-та шуби три тысячи,
А пуговка в семь тысячей.

(КД, 13)

Ср.: «А пуговки вольящетыя в пять тысячей» (КД, 51), «А пуговки на шубе чиста золота» (Аст., Б-ны, 207) ¹.

Если вспомнить, что древнерусская одежда из привозных тканей «усаживалась» драгоценными камнями и жемчугом, покрывалась нашивными украшениями, золотыми и эмалевыми бляшками и прочим и дополнялась съемными украшениями, станет ясно, что ценность ее могла быть приравнена к «злату-серебру» и жемчугу, вместе с которыми она в былинах упоминается. «Цветное платье» могло служить мерилом богатства.

¹ В раскопках находят лишь мелкие, действительно литые (вольящетые) пуговицы, датируемые эпохой Киевской Руси; роскошные крупные пуговицы на одежде Дюка в былинах следует, возможно, отнести к поздним бытовым включениям в былинах.

Свидетельства, что «платье цветное» и дорогие ткани служили эквивалентом денег, разбросаны и в былинах, и в древнерусских письменных источниках. В одной из былин баба Горынинка передает Илье и Добрыне три погреба: с золотом, серебром и «цветным платьем»:

И стали они у погребца глубокова.
Они сами, тута, богатыри, дивуются,
Что много злата и серебра,
А цветнова платья все русскова.

(КД, 248)

Драгоценные ткани наряду с казной хранятся и в подвалах Чурилы: «Камка белохрущета, а цена камке сто тысячей» (КД, 115).

В летописях и других письменных источниках о «паволоках»— золототканых тканях, из которых и сшило «цветное платье» былин (а в песенном фольклоре сохранилось и само название паволоки), упоминается неоднократно и всегда как о ценности¹. Надо учитывать, что большинство эпизодов, в которых упоминаются паволоки, исследователи признают за включенные в летописи эпические предания и даже фрагменты песенного эпоса. Таким образом, вероятно, название «паволока» употреблялось и в былинах.

То, что в эпосе богатырей одаривают «цветным платьем» наряду с золотом и серебром, можно сопоставить со свидетельством византийских источников о том, что паволоки, при недостатке денег, шли в уплату не только «рогги» русским воинам, но и дани.

В русском эпосе встречается и значение платья как ценного военного трофея, хотя это и не встречает сочувствия у певцов, что отражено, например, в известном мотиве одной из былин об Алеше Поповиче. Убив Тугарина в бою, он

¹ См. ПВЛ под 907 г., 25; под 944 г., 34; под 971 г., 50—51. Еще в конце XI в. паволоки хранили в сокровищницах наряду с драгоценными металлами. Когда в 1075 г. к великому князю киевскому Святославу Ярославичу пришли немецкие послы, он стал демонстрировать им свои богатства и в том числе паволоки; послы же посоветовали ему нанять на эти богатства больше дружин: «В се же лето придоша сли из немец к Святославу; Святослав же, величаясь, показа им богатство свое... бещисленое множество, злато, и сребро, и повалоки» и т. д. (ПВЛ под 1075 г., 131).

Платья с нево снимал цветное на сто тысячей
И все платье на себя надевал,

но чуть не поплатился жизнью за такое переодевание, так как «паробок», приняв его за Тугарина, пускает в него стрелу (КД, 129).

Дары в виде платья, одеяния обычны как в былинах, так и в раннефеодальном эпосе многих народов Западной Европы и Востока¹ (не как почетного пожалования одной вещи в основном, а как множества ценных предметов) и представляют собой типологическое явление в эпохе и других древних традиционных жанрах. Поэтому наличие этого мотива в русских былинах — один из аргументов в пользу их оформления как жанра в этот исторический период. Следует отметить только, что былинный термин «цветное платье» — именно как обозначение ценности — включает, по-видимому, расширительно и значение ткани — «паволоки», из которой оно шилось.

Л. Нидерле указывает, что славяне (в том числе и русские) покупали не только привозные «новые дорогие ткани», из которых шили платье как национального традиционного покроя, так и по образцу византийского «церемониального убора», церемониального «костюма», но и готовое платье (Нидерле, 222, 238). Готовое платье действительно могло служить дарами. Так, в Ипатьевской летописи под 1152 г. есть упоминание о богатых дарах Володимерка Галицкого венгерскому «арципискупу» — епископу и его приближенным, в которые вместе с золотом и серебром в монетах и изделиях была включена и одежда — «порты» (Ип. л., 450).

Другие дары

В былинах меха служат одним из «даров» князя Владимира богатырям, как уже упоминалось, и сам он получает меха в дар то от приезжих «гостей» (КД, 11), то в

¹ См. исследования Ф. И. Буслаева народного эпоса о Сиде («Нар. поэзия», 363), О. Ф. Миллера о Шах-Намэ, А. И. Кирпичникова о Вольфдитрихе и др. В саге об Олафе Тригвисене он преподносит «конунгу Валдамару» (князю Вламидиру Святославичу) наряду с другими дарами «великолепные одежды» (Сабинин, Извлечение, 51)

возмещение ущерба от Чурилы (КД, 115); меха посылают в составе «даней-выходов» и т. п. (Важное место мехов в торговле Древней Руси сказалось в постоянном упоминании о них и в других традиционных жанрах русского фольклора.)

Л. Нидерле отмечает, что в XI—XII вв. ценные шкурки куниц и зимних белок хранились у восточных славян в княжеских и городских сокровищницах, что существовала раздача мехов дружине. Можно напомнить и о хорошо известной платежной функции древнерусской пушнины.

Нередко в былинах князь Владимир жалует богатырей конями (или богатыри хвастаются «добрими конями» на пиру). Видимо, здесь имеются в виду не только достоинства самого коня, но и ценность сбруи,— Илья Муромец, поддразнивая разбойников, неизменно, например, обращает их внимание на ценность седла, украшенного самосветящимися драгоценными камнями, расшитого шелками и пр.¹ При описании седлания коня в былинах подробно рисуются одна за другой принадлежности конской сбруи — металл, из которого они сделаны, качество шелка на тканых предметах и пр.

Таким образом, в русском эпосе богатством является в основном личное имущество — «злато-серебро», «платье цветное», кони. Все это служит мерилом богатства, предметами его накопления. Можно считать эту ситуацию одним из аргументов в пользу раннего зарождения и формирования былин на Руси — до эпохи развитого феодализма.

¹ Есть свидетельства летописи, что коня дарили вместе со сбруей: «да (дал. — Р. Л.) Святослав Ростиславу... два коня борзы, уковану седлу» (Ип. л. под 1160 г., 504).

СОСТЯЗАНИЯ И ДРУГИЕ УВЕСЕЛЕНИЯ НА ПИРАХ

Состязания и другие увеселения — постоянный элемент на княжеских пирах в былинах. Их можно разделить на две группы: конские ристания и все остальные виды соревнований (стрельба в цель, борьба, игра в шахматы и другие игры). Условно к состязаниям можно отнести также «хвастовство», похвальбу своими подвигами, странствиями, богатством и пр. Состязания нередко сопровождаются закладами, и, таким образом, в них активно участвуют все пирующие.

Состязания на Владимировом дворе характерны для определенной эпохи, но сам обычай их на пирах и празднествах восходит к социальным институтам глубокой древности и имеет исконный войинский характер. Мы знаем о «войинских играх» на погребальных пирах — «тризинах» в честь древнерусских воинов-язычников¹.

О значении состязаний на пирах высказывались различные мнения. Ф. И. Буслаев видел в них передышку в суровой жизни богатырей — и только: «Впрочем, и княжеские нескончаемые пиры с похвалью молодецкою, и придворная служба с охотою и разными потешами, и семейная жизнь, и мирные занятия домашнего быта, все

¹ Аналогичны были празднества у прибалтийских славян, когда по окончании обеда начинались воинские игрища (см. Срезневский, Исследования, 90—91); эти «игры» составляли часть всего цикла религиозного празднества, потому что и религия прибалтийских славян в ту эпоху соответствовала переживаемому ими периоду военной демократии. Аналогии этому легко найти и у народов Средней Азии, Кавказа и других, прошедших ту же стадию социального развития.

это только преходящая, минутная обстановка богатырского житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленные странствия, сопряженные с тысячами опасностей, вот элемент, в котором богатырь чувствует себя на просторе» (Буслаев, 55). Майков говорил о комплексе сопутствующих пиру в былинах состязаний, пения и музыки, охоты, но исторических выводов не сделал. П. В. Владимиров указывал, что и в эпосе, и в летописях пиры занимают важное место в жизни Киева, и большое внимание уделил состязаниям на пирах, включив сюда и охоту. Посвященные этому эпические произведения он охарактеризовал как «былины об удальстве богатырей при дворе Владимира», перечислив виды этого удальства: «1) состязания на конях в скачках в короткий срок на громадных расстояниях; 2) состязание в стрельбе из лука в цель; 3) военные игры — турниры; 4) охота — ловы птиц живьем и т. п.» (Владимиров, 216). В другом месте книги Владимиров приводит описание таких состязаний из памятника 1489 г. (списанного с более древнего оригинала, предположительно XIII в.): «...А коли которои храбор добрая дела *богатырская* вделает на осподарьском дворе, и вси збираются тут мужской пол и женъский и очи свои на него стромять, хотяко видети мужества его» и проч... Подробность эта драгоценна для истории русского богатырского эпоса, в котором... часто встречаем описания состязаний богатырей при дворах князей в скачках, в стрельбе из лука, в борьбе» (там же, 206). Занимались этой темой и советские исследователи.

КОНСКИЕ РИСТАНИЯ

Конские ристания описаны наиболее полно и ярко в былине об Иване Гостином сыне и в былине о Дюке и Чуриле. На пиру Владимир спрашивает у своих гостей:

Кто из вас охоч пиво пьяно пити?
Кто из вас охоч зелено вино пити?
Кто охоч сладки меды запивать?
Кто охоч скакать на добром коне,
От Киева скакать до Чернигова
Тридевяносто мерных верст.—
Положите, братцы, велик заклад.

Все хоронятся друг за друга; принимает вызов Иван Гостиный сын, который говорит: «заложу буйну голову» (Гул., 140). В этом сюжете исследователей привлекал ряд моментов: соответствие изложенной в нем ситуации обстановке княжеского двора в Киеве, запечатленной в летописях, роль черниговского епископа, в ряде вариантов поручившегося за Ивана (что ставили в связь с отношениями двух городов, соперничавших между собой — Киева и Чернигова), даже точность расстояния от Киева до Чернигова по проложенной дороге и счет времени по церковным службам. В былине из Киева до Чернигова должно доскакатъ, по условию состязания, «промеж обедней и заутренею»¹ (КД, 48). В поздней записи былин срок указан по современному счету времени:

Чтобы съездить нам завтра до Чернигова
В два часа с половиною.

(БПК, 351)

Многие исследователи приводили для интерпретации этой былины и доказательства общности эпоса и летописей одно и то же место из Ипатьевской летописи под 1150 г. о конских ристаниях венгров, приведенных на Русь Изяславом Мстиславичем. Когда в борьбе за княжеский стол Изяслав победил соперника, он в «Киеве седе на столе деда своего и отца своего с честью великою... Изяслав же от святое Софии поеха и с братьею на Ярославль двор, и Угры позва со собою на обед и Кыяны, и ту обедав с ними на велицем дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи, тогда же Угре на фарех и на скоках играхуть, на Ярославли дворе многое множество. Кияне же дивяхуся Угром множеству и кметьства их и комонем их» (Ип. л., 416). Конница венгров была их решающей военной силой, и славились они именно как наездники.

Еще Л. Н. Майков писал об эпических празднествах: «На пирах княжеских нередко происходят состязания между дружиинниками в борьбе, в стрельбе в цель, в кон-

¹ Ср. с этим «Поучение Владимира Мономаха»: «А и-Щернигова до Киева нестижьды ездих ко отциу, днем еси переездил до вечерни» (ПВЛ под 1096 г., 162).

ском ристании. О подобных же забавах упоминает и Ипатьевская летопись» (Майков, 55) ¹.

Кроме обычных скачек, в былине об Иване Гостином сыне (см., например, в сборнике Кирши Данилова там же и заклад) проступает еще один вид состязаний, на что — впервые, кажется, — обратил внимание М. М. Плисецкий. На конях не скачут, до скачек дело не доходит; между тем выставлены уже соперники коня Ивана Гостиного сына — его «братья» (вероятно, так осмыслено равенство по статьям всех этих коней), лучшие кони князя Владимира. Эти кони, испуганные конем Ивана, как бы отказываются от поединка, убегают и при этом калечатся. Перед тем конь Ивана Гостиного сына демонстрирует свирепость, рвет копытами и зубами по целому соболю из шубы хозяина, ходит на дыбах, страшно ржет и т. п. М. М. Плисецкий высказывает мысль, что во всей этой ситуации надо видеть отзвуки боя коней между собою, который упоминается и в скандинавской саге: «Отмечу, — пишет он, — что исследователи не обратили внимание на те варианты, в которых вообще нет речи о состязании в скорости, а по сути просто изображается бой коней и соответствующие пари зрителей. О подобных боях идет речь и в исландских сагах. Владелец коня получает заклад» («Историзм», 230. Плисецкий ссылается на варианты былин в сборнике А. Д. Григорьева (Гр., I, 397, 489, 493) и на исландскую сагу о Ньяле) ². Такие

¹ Многие фольклористы связывали с коневодством венгров и сюжет былин о Дюке с его чудесным косматым конем, на котором он выиграл состязание с Чурилой. Неутомимость этого коня в былине, соответственно художественной традиции русского фольклора, образно дана как вялые его в росе, после чего он один каждый раз побеждает сменных коней Чурилы и остается неузнанным, так как масть его изменяется, и тем избавляет своего хозяина от необходимости иметь целый табун на чужбине. Напомним, что выкапывание коня в росе с целью изменить его свойства — обычно для сказок; с этим можно сравнить и омовение росой людей в различных обрядах.

² В саге о Ньяле повествуется о бое коней с рядом подробностей: Старкард предлагает «устроить бой коней» Гуннару. «И вот люди поехали на бой коней... Коней вывели и поставили друг против друга. Гуннар приготовился натравливать своего коня, которого держал Скархедин... В руке он держал большую палку. И вот кони сшиблись и стали так яростно кусать друг друга, что их и не нужно было натравливать» (см. «Исландские саги», М., 1956, 543—545). В другом эпизоде той же саги — только похвали молодому жеребцу, который не был еще ни разу в бою с конями (там же, 627).

бои, по мнению Плисецкого, аналогичны боям других животных, птиц (например петухов). Вернее, однако, видеть в сюжете Ивана Гостиного сына смешение скачек с боем, так как даже во всех указанных вариантах Владимир предлагает на конях «гоны гонять» на большие расстояния — «по трицать вёрст». Но выпущенные из конюшни жеребцы Владимира и конь Ивана Гостиного сына лягают и кусают друг друга, причем победитель — конь Ивана — выскакивает, наконец, со двора, а его соперники кто «на коленки пал», кто спасается бегством.

Прыжки на конях — особый вид состязания в былинах (очень часто они встречаются и в сказках). Дюк и Чурила (по инициативе последнего) скакут через реку, т. е. через водный барьер своего рода; здесь, конечно, можно допустить и свойственную эпосу гиперболизацию. Киевляне напряженно наблюдают состязания двух всадников. Чурило говорит о Дюке:

«Дак пусть со мной ударит о велик заклад:
Скакать на добрых коней,
За матушку Почай-реку,
И назад на добрых конях отскакивать!»
— И ударились ёны о велик заклад,
Да не о сте оны и не о тысячече,
Да ударились оны о своих буйных головах:
Дак у тово молодца голова срубить.

Чурила выбрал лучшего из своих жеребцов

Да разганивал да он разъезживал,
Из дáлеча-далéча из чиста поля,
Да скакал-де за матушку Почай-реку.

При этом он падает в воду. Дюк же своего коня

Да не разганивал, да не разъезживал,
Да с крýтого берегу коня своего приправливал,
Да скочил-де за матушку Почай-реку,
И назадъ на добром коне отскакивал,
И Чурила к крýтому берегу притягивал.

(Г., III, 200)

После победы Дюк соглашается не рубить голову Чуриле.

В другом варианте, при прыжках через реку шириной «на три версты», соперники начинают состязание, одинаково «отпятившись» для разгона за версту:

...Приотпятились версту мерную,
Разогнать им да добрых коней,
Чтобы скочить из берега на берег через Непру-реку.
Ну как разъезжаўся Цюрилушка Щаплёнковиць,
Дак скочил-то его да ёщё добрый конь,
Да до берега ён да й не доскоцил;
Как махнул-то Дюк Степановиць,
Дак тот на другой берег повыскоцил.

(БПК, 318)

К этим видам конских состязаний надо прибавить еще военные игры того же Чурилы (видимо, вместе со всей его дружиной), который, возвращаясь к себе в поместье из поля, забавляется «скаккáми» из седла в седло:

А вот Чурилушко да тот Плёнкович,
Он с коня на конь да перескакивает,
Через два коня да он на третьего,
Прямо скочит в седёлышко черкасское.

(БПК, 71)

Такой же джигитовкой тешится жена Ставра вместе с мужем, когда он в качестве «поединщика» увезен ею в поле:

Оне с коня на конь да перепрыгивают,
Оне палицы булатные подбрасывают,
...На лету палицы подхватывают.

(БПК, 177)

Другое значение имеет мотив перепрыгивания из седла в седло там, где речь идет о подставных запасных косях, которых брали с собой, чтобы иметь свежую лошадь при поспешной езде (ср. обычай казаков, например)¹. Владимир спрашивает о расстоянии от Киева до Галича; ему отвечают, что окольной дорогой — шесть месяцев, прямой — три месяца, при условии:

¹ Возможно, что прыжки на состязаниях служили тренировкой для такой езды.

Да были бы-де кони переменные,
С коня-де на конь перескакивать,
Из седла в седло лишь перемахивать.

(Г., III, 193)

Следует упомянуть о некоторых моментах боя-турнира между богатырями, чтобы получилось более полное представление о состязаниях на конях в эпосе: это высаживание противника из седла (Р., I, 365) и участие в бое самих коней, которые становятся на дыбы, бьются ногами и грызутся зубами. О. Ф. Миллер, однако, сделал остроумное предположение по поводу последних сцен, видя в них «дух лубочных изданий», — где часто были изображены такие дерущиеся между собой кони (см. стр. 609). Из всего этого видно, что неверно ограничивать конские состязания в былинах «скакками в короткий срок на громадных расстояниях» миров.

Таковы конные состязания в эпосе. Но каковы их более глубокие корни? Конечно, конь в Киевской Руси — это друг и помощник, необходимый для воина-дружинника. Образ коня рисуется в плане эпической гиперболической идеализации: коня не останавливают реки, и его хозяин не должен «спрашивать» перевозу; скакой коня — через версты друг от друга, а сам он поднимается «выше леса стоячего». Поэтому конь мог быть введен в состязания, которые должны были продемонстрировать как раз военные доблести, именно как помощник богатыря. Однако в эпическом образе коня просвечивает также, возможно, и его древний культ, очень развитой, как известно, у славян. Пережитком этого культа в былинах и является конь — вещее животное. Интересно предположение А. С. Фаминцына о связи обычая конских ристаний во время празднеств в Киеве с языческими русалиями, — термин, которым в одном из древнерусских письменных памятников переведено греческое слово «ипподромия» (от ипподром). По мнению исследователя, такой перевод был бы немыслим, если бы слово русалия «не заключало в себе понятия, сродного с конским ристанием» (Фаминцын, 213). Он сопоставляет два варианта русских народных праздников: «водить русалку» и «водить кобылку» (там же). Фаминцын и определяет «русалии» как сбрядовые конские ристания. Во всяком случае ристания входили, видимо, составной частью в праздник.

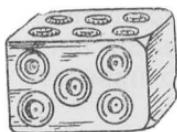
БОРЬБА

Борьба, или «борство», также обычно входит как компонент в поединок (типа «многоборья») богатырей «в чистом поле». На пиру же борьба упоминается в «посольских сюжетах» (о Василии Казимировиче и Добрыне, о Ставре и его жене, о Потыке), где служит одним из способов решения дипломатических вопросов. Турнир почти не имеет места на самом пиру; даже бой Алеша Поповича с Тугарином, затеянный было на пиру, переносится по инициативе русского богатыря в «чисто поле». Турниры в данной работе подробнее не рассматриваются, так как в былинах это теснее связано с чисто воинским полевым бытом, что должно быть предметом особых исследований.

ШАХМАТЫ И ДРУГИЕ ИГРЫ ЭТОГО РОДА

Игра в шахматы в былинах упоминается в основном при описании пиров, причем, как и другие игры этого типа, она — не просто забава. Обычно шахматные поединки также включены в «посольские сюжеты». От исхода игры зависит, кто кому из государей будет платить дань и т. п. Играют и в Киеве, и в иноземных государствах. Шахматы или тавлеи — иногда первый, иногда заключительный этап серии состязаний, в которую входят и стрельба в цель, и борьба. В некоторых былинах новеллах в шахматы играют и женщины (Катерина с Чурилой), но все же эта игра считается мужской: князь Владимир, испытывая пол подложного посла, переодетой жены Ставра, заставляет ее стрелять, бороться и, наконец, играть в шахматы. При игре на чужбине, как уже упоминалось, богатырь нередко закладывает свою голову против «золотой казны» противника и пр. (БПК, 359; Г., I, 468) и, наконец, отыгрывает всю привезенную от князя Владимира иноземному царю дань, что и было целью состязания.

Хочется подчеркнуть особые условия проигрыша в былинах: выигравший распоряжается судьбой побежденного вплоть до обращения его в холопа, как и при ристаниях, и пр.

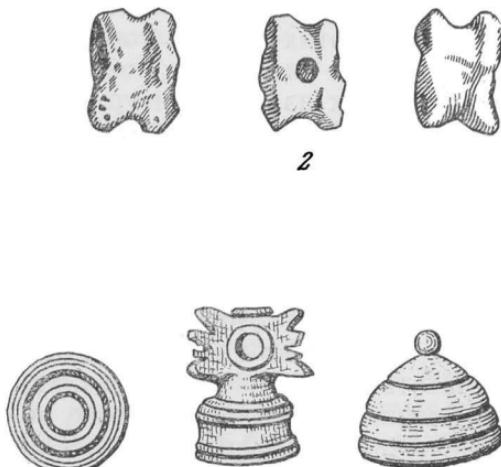
1

2

3

Предметы игр

1 — игральная кость; 2 — астрагалы; 3 -- шахматы и шашки

Изредка играют в шахматы и богатыри друг с другом. На заставе богатырской

Сидят молодцы во белом шатре,
Во белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
В тыи велеи залоченыя.

(Р., 2, 110)

Шахматы упоминаются обычно вместе с другими играми: «кости, . . . шахматы», «шашки-шахматы», «пешки-шахматы» и т. д.

Шахматные фигуры, шашки, кости — «зернь», астрагалы (для игры в бабки) — т. е. предметы, относящиеся к различным играм,— были найдены неоднократно археологами в слоях эпохи Киевской Руси. Так, в 1900 г. у Золотых ворот в Киеве были найдены стеклянные игральные шашки (Рем., 225—226), найдены шашки были и в Черной Могиле. Особенно большое количество находок как отдельных шахматных фигур в слоях начиная с XII в., так и неполных комплектов было сделано в

Новгороде. Это подтверждает распространенность в Древней Руси этих игр, притом не только в высших кругах, но и среди рядовых горожан, судя по простоте выработки многих из этих фигур.

Шахматы большей частью выточены на токарном станке из целого куска кости или дерева — «пешецьки точеные; дощочка подзолочена» (Онч., 119). Описание шахмат дается в русском эпосе относительно реалистически. «Богатыри играют в «шахматницу дорогу, со золоты тавлеями с темя дороги, вольящеты» (т. е. резными фигурами), — отмечает Линдер. — Здесь мы встречаемся, по-видимому, не только с желанием изображать вещи большой красоты и высокого качества, как это характерно для употребления эпитетов в былинах, но и с реалистическим описанием шахмат, изготовленных искусствами резчиками Древней Руси и представлявшими собой художественные произведения прикладного искусства» (Линдер, 95).

Археологические данные сопоставлялись советскими исследователями с письменными источниками (правда, датируемыми не ранее чем XIII в.) и фольклором, в особенности былинами. Специальные работы посвятили этому Б. А. Колчин, И. М. Линдер. Последний подчеркивает специфически воинский характер шахматной игры, имеющей на Руси «тысячелетнюю историю» (там же, 157): «Изучению древнейшего периода в истории шахмат может во многом помочь критический анализ шахматных эпизодов и мотивов в народном эпосе. По-видимому, не случайно народные певцы, создавая героические быlinы, включали шахматы в число традиционных средств испытаний силы и ума любимых героев-богатырей» (там же, 155). Ведь шахматная доска, как известно, представляет поле сражения, а типы фигур — рода войск, а поэтому игра эта была полезна для воспитания тактических и стратегических навыков, умения обеспечить взаимодействие войск. «...В представлении народа шахматы поднимаются на один уровень с состязаниями в стрельбе из лука и борьбе» (там же).

Игра в шахматы показана в былинах в динамике. Разбираются ходы противников — «ступень», «заступь»:

...Как тут они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали они по дощечке ходить-гулять.
А тут Михайлушка ступень ступил — не добрступил,

А дрўгой как ступил, сам призаступил,
А третий что ступил, его побиграл.

(Г., I, 468—471)

К особенностям состязания в шахматы в Древней Руси, по мнению Линдера, относится «еще одно правило игры: посол говорит Владимиру, предложившему ему играть в шахматы: «Как которой накликат, тот наперед ступат»» (Онч., 119). Но, конечно, не следует относить все детали шахматной игры в былинах к Древней Руси,— ведь вместе со всем русским эпосом эти мотивы прожили долгую жизнь и подвергались изменениям.

Наиболее интересна для генезиса игр на эпических пирах игра в «тавлеи» (или «велеи» в единичных вариантах). Тавлеи, которыми играют в былинах, одни исследователи считают лишь синонимическим обозначением шахматных фигур (см., например, пояснение С. К. Шамбинаго.— КД, 1938, 307); другие же, что более убедительно,— особой игрой.

В. В. Стасов определял тавлеи как игру типа нардов: «Тавлея» — «персидская игра», типа калмыцкой—нар». «Играют на низеньком столе, у каждого игрока есть по 6-ти мест (квадратов), по которым мечут белые и черные камешки» (Собр. соч., т. III, СПб., 1894, стр. 1219). Линдер же утверждает, что эта игра типа нардов называлась на древнерусском языке «леки» и была уже известна на Руси в XII—XIII вв., «судя по игральным kostям, найденным в раскопках» (Линдер, 102), а слово «тавлея» — искаженное латинское *tabula* — появилось в XVI—XVII вв. и означает любую игру, которую ведут на доске, в том числе и шахматы. Однако в былинах «тавлеи немецкие», «вальящеты», «золоченые» употребляются не совсем как синоним шахмат, а скорее в порядке перечисления разных игр: шашки, шахматы, кости, тавлеи и пр.

О некогда обрядовом значении игр типа шахмат, тавлеи, «леков» говорит одно из церковных обличений, привлеченное в другом плане Линдером: «жрецъ бо идолъски тою икрою пророчествовашет о победе ко царю от идол» (см. там же, 79). При всей условности этого источника все же можно предположить о возможном обрядовом значении игры в «леки» в Древней Руси. В свете этого и игра «тавлеями» в русском эпосе может быть в из-

вестной мере смутным отголоском древней ритуальной игры на пирах-собраниях молодых воинов¹.

Несомненно все же, что во многих текстах былин «тавлеи» уже получили значение шахматных фигур: посол играет в шахматы «золотыми тавлеями» (КД, 95); у Садко «шахматница» (т. е. доска) с «золотыми тавлеями» (КД, 232).

ЗАКЛАДЫ

Существенный момент различных состязаний в былинах — заклад, заключенный между собой как самими состязающимися, так и остальными участниками пира; нередок при этом и письменный договор (см. былины об Иване Гостином сыне, о Дюке и Чуриле, о бое Алеши Поповича с Тугарином, о бое Василия Буслаевича с новгородцами на мосту). В закладах принимают участие различные категории городского населения, как и в снаряжении противников. Заклады часто огромны. Так, в былине об Иване Гостином сыне

За князя Владимира держат поруки крепкия
Все тут князя и бóяра,
Тута-де гости-корабельщики;
Закладу оне за князя кладут на сто тысячей,
А никтó-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-та за Ивана поруки держит,
Те он поруки крепкия,
Крепкия на сто тысячей.

(КД, 49)

Очень близок мотив заклада в том же сборнике Кирши Данилова в варианте былины о турнире Алеши Поповича и Тугарина, с той, однако, разницей, что в заклад «гости купеческие» подписывают корабли с товарами (КД, 133).

¹ Подробно о сложной истории игры «пачиз» типа нардов в Хорезме, имевшей некогда обрядовое значение, см.: Г. П. Снесарев. «Пачиз». (Об одном этнографическом памятнике древних индо-хорезмийских связей). СЭ, 1962, № 5.

При состязании, условленном на три года, между Дюком и Чурилой, кто кого «перещапит» сменным платьем,

Так на Чурилу спрашивали всем Киевом;
А на Дюка спрашивала одна матушка.

(БПК, 403).

Герой былины, который противопоставляется богатым и знатным людям, обычно не может выставить как заклад ни кораблей, ни других богатств («сорок тысячей» золотой казны (БПК, 139), «три телеги красна золота» (там же, 359) и т. п.), а закладывает свою «буйну голову», т. е. должен стать «слугой» противника¹.

Все это показывает, что древнерусский эпос уже воспринял атмосферу большого города, где на спортивных состязаниях присутствуют толпы зрителей — киевлян или новгородцев,— где были обычны и письменные договоры и поручительство, где были сосредоточены большие материальные ценности, которые служили ставкой (корабли, лавки с товарами, деньги — «бессчетна золота казна»), а главное, было уже развито кабальное холопство.

МАСКИРОВАННЫЕ СКОМОРОХИ

В число увеселений на пирах в эпосе входят, видимо, театрализованные действия в масках (причем выполняют их профессионалы-скоморохи), как и игра на гуслях и других музыкальных инструментах, рассказы о подвигах, пение эпических произведений — «слав» и пр.

Скоморохи в былинах — желанные гости на пиру. Пришедшего в обличье скомороха Добрыню радостно приветствуют на пиру князь Владимир и Апраксия:

Ай же ты, детина приезжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего ты долго проживаешься,
Проедаешься, пропиваешься,
Нейдешь к нам на почестен пир.

(Р., 1, 274).

¹ Значительно реже заклад «головы» означает «прозакладыванье самой жизни» (С. Миллер, 380).

Этим и объясняется, почему Добрыня так уверен, что легко проникнет на пир, переодевшись скоморохом. Может быть, весь эпизод о Добрыне, пришедшем на пир неузнанным (даже своей женой), связан с обычаем скоморохов носить маску во время представлений? Не было ли на Добрыне, пришедшем на свадебный пир к Владимиру под видом скомороха, такой «личины», о которой постоянно упоминается в церковной литературе? Ведь в ряде текстов он требует у своей матери принести ему из клети хранящийся там костюм скомороха и гусли:

Накрутился молодец скоморошиной,
Пошел как на хорош-почестной пир.

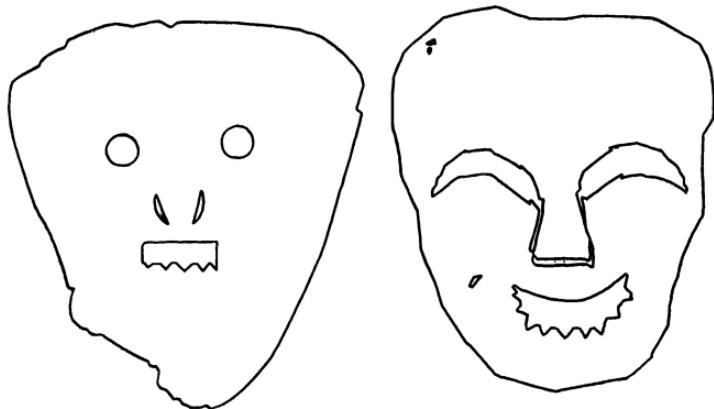
Под личиной-маской он, конечно, легко мог долгое время оставаться неузнанным¹.

Напомним, что «накрутиться», как и «рядиться», вообще значит — «одеться»; но, может быть, следует вспомнить, что «окрутниками» назывались ряженые с гуслями и масками, и, следовательно, «ряженый» — синоним «окрутника» (Фаминцын, Скоморохи, 88). Как известно, изображение маскированного скомороха видят в одной из фресок Софийского собора в Киеве.

Маски на Руси носили многочисленные названия, происходившие от славянских корней (личина, обличье, наличие), а не только от греческих и др. (машкора и пр.) (см. Попов, 41; Фам., Ском., 85—86), что доказывает исключительную древность обычая ряжения. Если признать в Добрыне маскированного скомороха, допущенного на пир, это может служить косвенным доказательством отражения в эпосе древнего обрядового ряжения на празднествах, сохранявшегося в Киевской Руси, хотя нередко уже в модифицированном виде.

Ряжение, как известно, входило в святочную и масленичную обрядность русских, с чем упорно боролись церковники, как пережитком язычества. Письменные источники упоминают об этом уже в XI—XII вв. Наиболее выразительны слова Луки Жидаты (XI в.): «Москолуд-

¹ Обоснованно было бы возражение, что Добрыню не узнаёт и мать, когда он еще не в скоморошьем платье, но это может быть позднейшей добавкой к сюжету о Добрыне, неузнанном на пиру; помимо того, нередко Добрыня и перед матерью предстает как «скоморошина».

Маски кожаные из Новгорода

1 — XII в.; 2 — XIII в.

ство вам, братие, нелепо имати»; Попов считает слово «москолудство» заимствованным с греческого (стр. 29).

О заимствовании самого слова «скомрах» (или «скоморох» в полногласной форме) из Византии в форме «маскарас» высказывались И. Е. Забелин, А. Н. Веселовский и др. Однако если Византия и транспортировала на Русь своих артистов, работавших в разных жанрах, то на месте они нашли уже галерею привычных для населения Руси звериных и иных масок — наследие древнего шаманизма и ритуальных плясок.

Такая маскировка многое восприняла от наиболее архаичных тотемистических обрядов, связанных с производящей магией, в свою очередь вошедших в практику более поздних мужских объединений. «Древние языческие народные обычай,— пишет А. С. Фамильцын о святочных увеселениях,—...водить животных, снабженных символическим значением (кона или кобылицу, козла или козу, медведя и т. п.), в руках скоморохов превратились в маскарадные игры: они изображали козла или козу..., «бесовскую кобылку», медведя и т. п.» (Скоморохи, 86).

Несмотря на строгие запреты церковников, светские власти, уступая глубоким народным традициям, с которыми они, очевидно, не могли не считаться, еще в XIV—

XVI вв. разрешали скоморохам присутствовать на общинных пирах — братчинах, как в виде исключения из общего правила разрешали и варку пива для братчинной трапезы. Зрелища — «позоры», — видимо, были неотъемлемым компонентом праздничных общественных пиров и в народе считались необходимыми. Поэтому и можно предполагать, что Добрыня, надев маску, беспрепятственно был допущен на пир в качестве скомороха. Возможно, что в какой-то мере в тот же круг обрядности входит и образ Добрыни-тура.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ НА ПИРАХ

Гусли

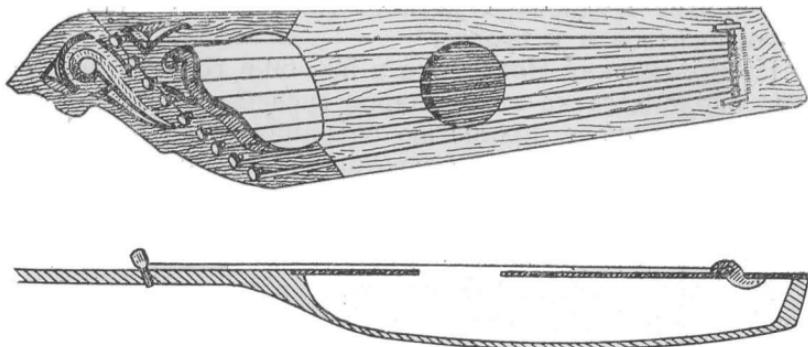
В былинах скоморохи на пиры всегда являются с гуслями. При этом обычно они — скоморохи бродячие, в отличие от «оседлых» при дворе, и, по-видимому, получают плату каждый раз:

А не дают калики цяры зелена вина,
Да и платы-то гудосьня нё дают.

(Кир., 2, 13)

Игра на гуслях принята на эпическом пиру; поэтому князь Владимир так радушно встречает Добрыню, передетого скоморохом, сразу поддается на уловку жены Ставра, что Ставер — мастер играть на гуслях, а она не хочет пировать без хорошей музыки.

Гусли, излюбленный музыкальный инструмент восточных славян, наиболее прочно вошли в русский эпос. Гусляров знают многие былины, и это не только скоморохи. Здесь и игроки-любители, равноправные участники пира: тот же Добрыня, сумевший даже использовать свое искусство в нужный момент как профессионал, причем его иногда узнают по виртуозности игры, так как он превосходит всех других «гусельщиков» по богатству и изысканности своего репертуара и мелодий; Соловей Бу димирович, предающийся игре на гуслях в часы досуга. боярин Ставер. Игра их чаще всего связана с пираами, и мотив игры на гуслях органически входит в сюжет.

Гусли. Новгород, XIII в.

Реконструкция

А. С. Фаминцын, изучавший историю игры на гусях в Древней Руси, указывает, что в эпосе на пиру обычно не один игрок, а множество «гусельников», «игроков» («Скоморохи», 8—9). В одном из вариантов былины о Добрыне и Алеше князь в ответ на просьбу гусяря дать ему местечко отвечает:

Еще вси места да попризаняты
У молодых да у гусельщиков.

(Г., III, 137)

Или, когда Добрыня начал играть,
На пиру игроки все приумолкли,
Все скоморохи приослухались.

(Р., I, 64)

Эпитеты гуслей в былинах: «звончателье» (Г., III, 592), «самойгручи», «самоигрии» (БПК, 296), «яровчателье» и т. д. Последний эпитет определяют обычно как происходящий от искаженного названия дерева «явор», из которого они якобы сделаны. Но не вернее ли искать здесь корень «яр» — ярый, буйный? Решать это должны, конечно, лингвисты.

В былинах упоминаются и музыканты, играющие на смычковых инструментах — гудках (см.: «Вси в гудки играют и вси увеселяют». — Кир., 2, 13). Но возможно,

что понятие «гудьба», «гудение» (в смысле музыка) могло относиться и к гуслям¹.

При раскопках Новгорода в 50—60-е годы было найдено около десятка экземпляров гуслей, из них два целых (в том числе полностью сохранившийся экземпляр XIII в., см. рисунок) и две заготовки. Все они долбленые, ладьевидной формы, длиною от 20 до 70 см, доска тонкая, струн от трех до восьми (см. Колчин, К итогам работ, 18, рис. 9).

Изображения гусляра известны на миниатюрах рукописей и на изделиях прикладного искусства (серебряный браслет XII в.)².

Образ Садко, конечно, наиболее своеобразен и важен генетически для отражения древнерусской игры на гуслях в былинах. Вошедший в ряды своих собратьев-«гусельников» на древнерусских пирах и даже приглашенный Морским царем также запросто и за плату, как приглашали его на пиры новгородцы, Садко все же несет черты древнего музыканта-чародея, завораживающего игрой стихии и духов. Может быть, какую-то ритуальную роль играла некогда и игра на музыкальных инструментах во время праздников? Ведь песни и музыка составляли неотъемлемую часть языческих богослужений и празднеств у славян. Этим и объясняется, возможно, враждебное отношение к гуслям в церковной литературе, в то время как былины не содержат ни малейшего осуждения игры на гуслях, а, наоборот, с любовью описывают виртуозное мастерство гусляров.

В поучениях настойчиво звучит осуждение князей, окружающих себя любящими повеселиться приближен-

¹ О смычковом инструменте — гудке упоминается и в стоящей, правда особняком, былине-легенде о Вавиле и скоморохах, записанной от сказительницы М. Д. Кривополеновой.

² В восьмистренных «лютях» у славян, упоминаемых в арабских источниках в I тысячелетии н. э., как и в сообщении о трех славянах с «лютями», которые были у императора Маврикия в 591 г., не обязательно видеть гусли, как обычно считают. Это мог быть музыкальный инструмент типа « псалтыри »; образец ее сохранен в руках у резной фигурки, представляющей музыканта, на копоушке из рога XII в. из Новогрудка (Гуревич, 277), а также на фреске Киево-Софийского собора, где изображена группа музыкантов. При игре ее держали вертикально. Четко различаются гусли и псалтырь и в произведениях древнерусской литературы: « Въстани слава моя, въстани в псалтыри и в гуслах » (« Слово Дан. Заточника », 4).

Изображение гусляра на серебряном браслете. XII в.

Музыкант, играющий на псалтыри. Копоушка из рога. Новогрудок, XII в.

ными и услаждающих свой слух светской музыкой, причем неизменно упоминаются и гусли: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун, любяй вино пити с гусельми с молодыми советники» (ПВЛ под 1015 г., 95)¹. В Киево-Печерском патерике дано яркое описание пира, на котором устами Феодосия Печерского, пришедшего к Святославу Ярославичу, осуждается светское, легкомысленное времяпрепровождение этого князя: «...Многая играюще пред нимъ: овы гусленые гласы испускающим, ...иная же органные... и тако всем играющим и веселящимся, якоже обычай есть пред князем». Конфликт между ними был уложен не обещанием, а решением князя впредь прекращать музыку при приходе монаха (Киево-Печ. патерик, 68). Большого, очевидно, не мог требовать и Феодосий.

¹ См. там же: обличение игры скоморохов на гусях (ПВЛ под 1068 г., 114); описание гуслей в руках у бесов, искушающих монаха Печерского монастыря (ПВЛ под 1074 г., 128).

Варганы, рог

Из других музыкальных инструментов в былинах упоминаются «оргáны», или «варгáны». Об этом инструменте существуют разные мнения: одни считают их настоящим órgáном, известным в Византии (ср. «органные» гласы в Патерике), другие видят в «варганах» металлический ударный инструмент, употребляющийся до настоящего времени у некоторых народов Севера и Сибири, известный у русских в XVI в.

О том, что слово «варган» в былинах могло иметь и второе значение, позволяет предположить метафора в «Слове Даниила Заточника»: «Въструбим, яко во златокованые трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа» («Слово Дан. Заточника», 4). «Бити» можно сказать только об ударном инструменте.

Рог в русском эпосе — только сигнальный инструмент; в него трубят в военных походах и на охоте. На пирах он как музыкальный инструмент не употребляется.

ХВАСТОВСТВО

На эпических пирах, видимо, приняты были рассказы о чем-либо, включающие элемент похвальбы самого рассказчика. Когда хозяин пира обращается к богатырям, спрашивая, почему они ничем не «хвастают», он приглашает их именно рассказать о чем-либо виденном ими в походах и странствиях или об имеющихся у них редкостях и сокровищах. (Отметим, что одно из современных областных значений глагола «хвастать» — рассказывать, «беседовать на отдыхе».— Даль, IV, 554.) Князь обращается на пиру к братьям Петровичам-Сбродовичам:

А и будто вам же всё, Петровичи, похвастать-то ведь
нецим-то,
А и вы много же, Петровичи, переездили,
А и вы уж много-то подвигов-то разных видели.

(Кр., I, 327)

В первую очередь, очевидно, это были рассказы о подвигах. Иногда же это и похвальба богатством и пр. В бы-

линах участники пира «хвастают» «золотой казной» и «цветным платьем», родом, конями, воинской доблестью и пр. (былины о Ставре, о Дюке и многие другие).

Очень важно вспомнить ценную мысль Ф. И. Буслаева, что «хвастовство богатырей на пиру — содержание самих былин» (Буслаев, 207); т. е., что этот сложный жанр мог включить как компонент такие пиршественные рассказы, очевидно по свежим следам события, хотя бы и приукрашенного. В еще большей степени это относится к пению «слав» на пирах.

ПЕНИЕ НА ПИРУ

Герои былин, умеющие играть на гусях, непременно должны были уметь исполнять, а многие и слагать пиршественные песни, так как игра на гусях обычно служила аккомпанементом к пению. Эпических героев пению учат с детства; так, в былине о Василии Буслаевиче повествуется:

Петьё Василию в наук пошло;
А и нет у нас таковá певцá
Во славном Нове-городе,
Сопротив Василья Буслаева.

(КД, 60)

Песни эти, исполнявшиеся на пирах, вероятно, были как повествованием о подвигах и битвах, в которых участвовали сами певцы (о чем можно судить по эпосам и историческим свидетельствам других народов), так и древними песнопениями, связанными некогда с языческими преданиями и обычаями. Вероятно, были в обычай величальные песни при питье заздравных чаш, о чем можно судить по аналогии с народным свадебным обрядом в XIX — начале XX в., когда пение на пиру завершалось поднесением вина тому, в честь кого пели песню, служившую своего рода заклинанием-благопожеланием.

Близки к ним были величальные святочные песни — колядки (см. Владимиров, 2: «...Похвальба богатырей ...на пирах часто вполне совпадает с колядками, с величальными обрядовыми песнями»).

Общность типовых концовок былин — «слав» — с колядками, свадебными подблюдными песнями XIX—XX вв. (тот же рефрен «слава!») в какой-то мере объясняется и этим. В эпосе, кроме того, довольно часто встречаются свадебные пиры (свадьба самого Владимира, Потыка, Дуная, неудавшаяся свадьба Алеши Поповича и Настасьи, свадьба его же и сестры Сбродовичей и др.). Близки «общие места» и образы былин и величальных песен-колядок, что показывает общие истоки этих жанров.

Е. В. Аничков писал: «Пьянство, песни и игры бесовские, всевозможные пиршества: тризны, брачные пиры, праздничный разгул, скоморошество, а отсюда вся целиком народная поэзия всегда и церковью, и фольклористами, и историками литературы признавались последним приютом язычества, последним напоминанием о нем и его последним пережитком» (Аничков, 156). Преследованиям церковников и подвергалась в первую очередь обрядовая поэзия, тем более — сопряженная с действием. Едва ли это касалось сказок, да и былин; к тому же исполнялись они, вернее всего, не обычными скоморохами. Однако можно видеть во многом из перечисленного Аничковым не отголоски язычества, а просто современную светскую стихию Древней Руси, с которой боролось повсеместно христианское духовенство, лицемерно проповедуя идеалы аскетизма.

Аничков выдвинул также гипотезу о «мирских составленных псалмах» (духовных стихах, а может быть, и былинах частично), исполнявшихся на пирах «каликами переходжими», в противовес языческим преданиям, остававшимся в руках певцов (в основном, конечно, профессионалов), которых и пытались вытеснить при помощи благочестивых исполнителей разных категорий, «божьих людей» (находившихся в ведении церкви) (Аничков, 207—218). Произведение, сложенное в былинной форме, о 40 каликах, да и христианский налет во многих былинах допускают признание этого¹.

Песни-славы (величальные) — наиболее тесно свя-

¹ Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что Кирилл Туровский предлагал даже воспевать «воевод божиих» так же, как «летописцы и песнотворцы, приклоняют свои слухи в бывшая между царей рати и ополчения» и героев «тех славяще похвалами венчаются» (ПВЛ II, 23).

занный с пирами жанр народного словесного творчества. Былины сами производят впечатление таких песен-слав, слагавшихся и исполнявшихся на пиру. Неслучайно былины часто и завершаются тем, что «славу поют» герою на почестном пиру.

Но «слава» перерастает рамки почестного пира и может стать общенародной, вечной славой богатыря:

И пошла тут славушка великая
Про того Олёшеньку Поповича.

(БПК, 114)

А Роману Митриевичу слава как шла
А слава как ему да по белу свету.

(БПК, 240)

В обоих примерах «слава» относится к живому богатырю.

Но слава может относиться и к убитому (например, к богатырю Сухману.— Там же, 231).

Формула «славу поют» может даже быть иносказанием сообщения о смерти (см. Т.— М., II, 30). Характерно, что лицо это нередко и не заслуживает в эпическом плане доброй славы¹; причин может быть три: хорошо известное окостенение эпических формул, прилагаемых иногда и неуместно; забвение эпической функции пения «слав»; наконец, двойственное значение народного понятия славы: и доброй, и дурной.

Так, Соловей казнен во дворе князя Владимира, а концовка былины —

А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по веку.

(Г., II, 18)

Бермята убивает Чурилу, возлюбленной которого стала его жена; концовка — «Тут Чурилушки да славу поют» (БПК, 82).

Издолище (Идолище), насильник Киева, убит богатырем на пиру; в концовке — «И тут же Издолишу славы поют» (Гр., III, 112).

¹ О «неуместной» «славе», которую поют Змею и другим отрицательным персонажам былин, см. В. Миллер, III, стр. 29.

Любопытно соединение в одной концовке «славы» обоим противникам: Илье Муромцу и Соловью (БПК, 197).

«Слава» живым богатырям и длительная посмертная слава есть и в концовках былин в записях и пересказах их XVII—XVIII вв.: «И с той победы с великою славою возвратились в столны град Киев... И те же люди миновалися, а слава их до скончания века. Конец» (Аст., Б-ны, 96). В «Сказании о семи богатырях в Царьграде» говорится: «Государю служба служена и честь получена... И их храбости слава не минуетца» (там же, 152).

Из последнего текста видно, что честь — награда и почет, а слава — память о подвиге. Отличие посмертной непреходящей славы от чести — почета выступает в словах Ильи Муромца в одной былине, записанной значительно позднее. Отправляясь на подвиг с другими богатырями, он говорит Владимиру: если «живы приедем», «и тогда не дошедши моим ребятам низко кланяйся»; в случае же гибели «похорони и помяни» — «и пройдет славушка про нас немалая» (Т.—М., II, 26).

Разграничиваются понятия «честь» и «слава», видимо, и в развитой концовке былины о подвиге Василия Игнатьевича, спасшего Киев, — «Тут-то Василью слава и честь пошла» (Р., I, 433). Едва ли в данном случае это можно считать обычной эпической тавтологией.

В былинной славе вместо имени героя иногда стоит название реки, города в определенном княжестве, области, откуда вышел герой; так, в концовке былины о том, как Алеша Попович выручает из плена свою сестру, поется:

А Ростову-ту ведь городу на чесь-славу великою.
Почему Ростову городу чесь великая?
А из Ростова был Олёшенька Попович млад.

(Кр., I, 324—325)

Аналогии эпическим «славам» в некоторых летописных эпизодах более или менее прозрачны. Если спорно, что в тексте о триумфальном возвращении Святослава из похода на Царьград («възвратися в Переяславец с похвалою великою». — ПВЛ под 971 г., 51) под «похвалою» следует понимать песни, которые слагались в честь его, то несомненно, что именно песни-славы требовал

князь Даниил Галицкий от «словутного» певца Митусы, который «не восхотesta служити» ему, за что и поплатился (Ип. л. под 1241 г., 794). О том же галицком князе Данииле и о Васильке в летописи сообщается, что после победы их над ятвягами «песнь славну пояха има... и при доста со славою на землю свою» (там же под 1251 г., 813).

Вопросу о песнях-славах, как истоке жанра былин, посвящена довольно обширная литература. Значение «слав», как организующего повествование элемента, было прослежено А. С. Фаминцыным в ряде сродных жанров фольклора — былинах, колядках и других величальных песнях, а также в летописных эпизодах, относящихся к XII—XIII вв. П. В. Владимиров, сделав сопоставление тех же жанров, возводит славы к заклинаниям.

А. В. Марков, подводя итог существовавшим в его время взглядам на развитие жанра былин, писал: «Основой былин признаются короткие лиро-эпические песни, слагавшиеся под впечатлением от событий общественного характера; большей частью это были песни славы, подобные обрядовым величальным песням, сходство которых с былинами не раз отмечалось исследователями... Затем содержание песен осложнялось традиционными поэтическими сюжетами... В конце-концов, былина сложилась в виде вполне определенного художественного произведения с традиционными приемами творчества («Былина», 284).

В. Ф. Миллер допускал, что панегирические песни о князьях слагались певцами часто, но они были непопулярны в народе и забыты, в то время как долгую жизнь получали песни о «храбрах» — богатырях, защитниках народа от внешних врагов.

В последние десятилетия этому вопросу уделил большое внимание Плисецкий («Историзм», 151—165; Взаимосвязи, 17—36). Б. А. Рыбаков выявляет в летописях устные «полупоэтические сказания, «хвалы» или «славы» князьям и воеводам» (ДР, 177) и говорит об их большем, по сравнению с письменными произведениями, значении в Древней Руси: «Певец-сказитель долго еще соперничал с монахом-летописцем»: «живое слово» — былины исполняли повсеместно, — «на пирах, на празднествах, в походах», а лаконичные летописи читал «ограниченный круг лиц» (ДР, 9).

Д. С. Лихачев утверждает, что если в докиевский период на Руси ««славы»... были связаны с выполнением определенной культовой обрядности, то теперь... (в X—XI вв. — Р. Л.) в них усиливаются исторические и художественные моменты» («Народное поэтическое творчество», 205); иными словами «обрядовая слава — величание — превращается в песенную славу» (там же, 150).

Следы «пиршественного ораторства» он видит в надписи на знаменитой чаше Владимира Давыдовича (см. о ней выше) (ПВЛ, II, 33).

В заключение можно высказать следующую мысль: не связан ли и былинный эпитет «похвальный» о пире с «хвалами», «славами» на пирах? Вероятно, пиршественные «славы» представляли собой в глубочайшей языческой древности своего рода заклинания типа заговоров. Неслучайно в них всегда глагол в форме императива. Функция песнопений и рассказов о подвигах и победах могла быть аналогична прочим заклинаниям: первоначально они должны были вызывать желаемое — победу, когда их пели перед воинами, отправляющимися в поход. Позднее их назначением стало просто вдохновлять воинов на подвиги, показывать пример, достойный подражания. Тому же должны были служить и сами былины — некогда те же «пировые» песни.

Список принятых сокращений

- Ав. л. — Летопись Авраамки.— ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889.
- Айналов, II—III — Д. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, ч. II, III.— «Изв. ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 1 и 2.
- Айналов, К — Д. Айналов. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира.— «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира», б. м., 1917.
- Аксаков — К. С. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням.— Полн. собр. соч., т. I, 1861.
- Андреев — Ю. В. Андреев. Мужские союзы в поэмах Гомеира.— ВДИ, 1964, № 4.
- Аникин — В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. Пособие для учителя. М., 1964.
- Аничков — Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
- АН — Академия наук (для дореволюционного периода).
- АН СССР — Академия наук СССР.
- Аст., Б-ны — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.— Л., 1960.
- Астахова, Итоги — А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.— Л., 1966.
- Бережков — Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Записал и издал М. Бережков. Нежин, 1895.
- БПЗ — Былины Печоры и Зимnego берега. Новые записи. Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова и др. М.— Л., 1961.
- БПК — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
- Буслаев — Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.
- ВДИ — «Вестник древней истории», журнал, М.
- ВЕ — «Вестник Европы», журнал, СПб.
- Веселовский — А. Веселовский. Русский эпос и новые его исследователи.— Гг. Халанский и Дамберг.— ВЕ, 1888, т. IV, кн. 7.

- Винокур — И. С. Винокур, Г. Н. Хотюн. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье.—СА, 1964, № 4.
- Владимиров — Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований П. В. Владимира... Киев, 1896.
- Воскр. л. — Летопись по Воскресенскому списку.—ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856.
- Г., I—III — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I, изд. 4, 1949; т. II, изд. 3, 1938; т. III, изд. 4, 1951. М.—Л. Подготовка текстов и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова.
- Гаркави — А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова XI—XVI вв. М.—Л., 1949.
- ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва.
- ГЛМ — Государственный Литературный музей. Москва.
- Городцов — В. А. Городцов. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
- Гр. I, III — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904; т. III. СПб., 1910.
- Гул, 1939 — Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939.
- Гул. — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
- Гуревич — Ф. Д. Гуревич. Изображения музыкантов Древней Руси.—СА, 1965, № 2.
- Даль — Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, IV. М., 1955.
- ДГ — М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.
- Державин, IV — Г. Р. Державин. Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях.—Соч., т. IV. СПб., 1867.
- Державин, VII — Г. Р. Державин. О песне.—Соч., т. VII. СПб., 1872.
- ДЗ — А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси.—Труды ГИМ, вып. 6. М., 1936.
- Долгих — И. Долгих. Мнимый единорог, риму и реэм Востока, ур и тур Европы, *bos primitigenius* палеонтологии. Рига, [б. г.]
- ДР — Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- ДЧ — Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова — МИА, № 11, М.—Л., 1949.
- Жданов — И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895.
- Жирмунский — В. М. Жирмунский. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962.
- ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения», СПб.
- Забелин, История — И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен. М., ч. I. 1876; ч. II, 1879.

- Заборовская — И. В. З а б о р о в с к а я. Коллекция якутской мебели в Якутском краеведческом музее им. Ем. Ярославского.— СЭ, 1965, № 2.
- ИА — Институт археологии АН СССР (Москва — Ленинград)
- ИКДР, I, II — История культуры Древней Руси. Домонгольский период, т. I. М.—Л., 1948; т. II. М.—Л., 1951.
- Ип. л. — Ипатьевская летопись. Изд. 2.— ПСРЛ, т. II. СПб., 1908.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.
- ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва — Ленинград).
- Каргер, I, II — М. К. Ка р г е р. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958; т. II. М.—Л., 1961.
- Каргер, Вновь открытые памятники — М. К. Ка р г е р. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— «Ученые записки ЛГУ», № 252, вып. 29. Серия исторических наук. Л., 1958.
- Квашнин-Самарин — Н. Д. К в а ш н и н - С а м а р и н. Русские былины в историко-географическом отношении.— «Беседа». М., 1871, кн. 4 и 5.
- КД, 1938 — Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. Подготовка текста, статьи и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958.
- Киево-Печ. патерик — проф. Дмитрий А б р а м о в и ч. Киево-Печерский патерик. Вступ. текст примітки. У Києві, ||1931.
- Кир., 1—4 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изд. 2. М., вып. 1, 1868; вып. 2, 1875; вып. 3, 1878; вып. 4, 1879.
- Ключевский Боярская дума — В. О. К л ю ч е в с к и й. Боярская дума Древней Руси. Изд. 3. М., 1902.
- Ключевский, — В. О. К л ю ч е в с к и й. Курс русской истории.— Соч., т. I. М., 1956.
- Курс — Б. А. К о л ч и н. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. (Продукция, технология).— ТНАЭ, т. II.
- Колчин, Же- лезообраб. — Б. А. К о л ч и н. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.).— КСИА, вып. 99, 1964.
- Колчин, То- пография — Б. А. К о л ч и н. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— ТНАЭ, т. I.
- Кондаков, Греческие изображения — Н. П. Кондаков. Греческие изображения первых русских князей.— «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира» [б. м.], 1917.
- Корзухина — Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л.. 1954.
- Костомаров — Н. И. К о с т о м а р о в. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях.— Собр. соч., кн. 5, т. 13. СПб., 1904.

- Костомаров, — Н. И. Костомаров. Северорусские народоправства во времена уделально-вечевого уклада, ч. I—Собр. народоправства соч., кн. 3, т. 7. СПб., 1904.
- Котляревский, Сказания Кр., I, II — А. А. Котляревский. Сказания о русских богатырях.—Соч., т. I. СПб., 1889.
- КС — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. М., т. I, 1939; т. II, 1941.—«Летописи ГЛМ», кн. 6 и 8.
- КСИА — «Киевская старина», журнал, Киев.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- Лассота — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- Линднер — Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. Перевод и примечания Ф. Бруна. СПб., 1873.
- Лихачев, Культура — И. М. Линднер. Шахматы на Руси. М., 1964.
- Лихачев, Летописное извествие — Д. С. Лихачев. Культура русского народа XI—XVII вв. М.—Л., 1961.
- Лихачев, Народное поэтическое творчество — Д. С. Лихачев. Летописное известие об Александре Поповиче.—Тр. Отдела древнерусской литературы Института русского языка АН СССР, VII. М.—Л., 1949.
- Лихачев, Народное поэтическое творчество — Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (Х—XI вв.)—«Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953.
- Лобода — А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. (Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев, 1896.
- М. — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- Майков — О былинах Владимира цикла. Исследование Л. Майкова на степень магистра русской словесности. СПб., 1863.
- Марков, Былина — А. Марков. Былина. Статья в энциклопедическом словаре «Гранат», т. VII, изд. 13.
- Марков, БЧ — А. Марков. Бытовые черты русских былин. М., 1904.
- Мелетинский — Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
- Мил. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. проф. В. Ф. Миллера. М., 1908.
- В. Миллер, I—III — Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897; т. II. М., 1910; т. III. М.—Л., 1924.
- О. Миллер — Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса Ореста Миллера. СПб., 1869.
- Нидерле — Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956.
- Никитский — А. И. Никитский. Военный быт в Великом Новгороде XI—XV столетий.—«Русская старина», 1870, т. I, январь — июнь.

- Никольский — В. Никольский. К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины.—«Сборник Оружейной палаты». М., 1925.
- Ник. л. — Патриаршая или Никоновская летопись.—ПСРЛ, т. IX. М., 1965.
- Новг. л. I. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- Новг. л. IV — Новгородская четвертая летопись, вып. 1.—ПСРЛ, т. IV, Пг., 1915; вып. 2. Л., 1925.
- ОДРЛ — Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома.
- ОИРЭФА, II — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.—«Труды ИЭ», т. 85. М., вып. II, 1963.
- ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва).
- Онч. — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук (или Второе отделение).
- Памятники — Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян, ч. II. СПб., 1853.
- ПВЛ — Повесть временных лет, т. I — Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950.
- ПВЛ, II — Повесть временных лет, т. II — Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950.
- ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ», журнал, М.
- Плисецкий, Взаимосвязи — М. Плисецкий. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963.
- Плисецкий, Историзм — М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962.
- Попов — А. Попов. Пирсы и братчины.—«Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», книги второй половины вторая, 1854.
- ПР — Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940.
- Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
- ПСГ — Псковская судная грамота, изд. Археографической комиссии. СПб., 1914.
- Пск. л. III — Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Р, 1—3 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, т. I. М., 1909, т. 2, 3. М., 1910.
- Рабинович — М. Г. Рабинович. Из истории городских поселений восточных славян.—«История, культура, фольклор и этнография славянских народов». VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- РАО — Русское археологическое общество.
- Рем. — Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Ржига — В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси.—Труды ГИМ, вып. 5. М., 1929.
- РИС — «Русский исторический сборник».
- РЛ — Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

- РФ — «Русский фольклор. Материалы и исследования». М.—Л.
- СА — «Советская археология».
- Сабинин, Из— Стефан Сабинин. Извлечение из саги Олава, сына Триггиева, короля норвежского.— РИС, т. IV, кн. 1. М., 1840.
- Седов, Кво— В. В. Седов. К вопросу о жертвоприношениях в просу древнем Новгороде.— КСИИМК, вып. 68, 1957.
- Седов, Язы— В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде.— КСИИМК, вып. 65, 1956.
- Чина
- Скафтымов — А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.—Саратов, 1924.
- Слово Дан. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. И. Зарубин.— «Памятники древнерусской литературы», вып. 3. Л., 1932.
- Слово о полку Игореве — Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1820. (Список с первого издания. М., 1920).
- Снегирев — И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. III. М., 1838.
- Снесарев — Г. П. Снесарев. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.— «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7. М., 1963.
- Соболевский— А. Соболевский. К истории русских былин. Рукопись «О начальстве русскыя земля».— ЖМНП, 1889, № 7.
- Соловьев, I, II — С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., кн. I, т. 1—2, 1959; кн. II, т. 3—4, 1960.
- Соф. л. I — Софийская первая летопись, вып. 1.— ПСРЛ, т. V, Изд. 2, Л., 1925.
- Сперанский — М. Н. Сперанский. Былины, т. I. М., 1916.
- Срезневский,— И. И. Срезневский. Исследования об языческом Исследовании богослужении древних славян. СПб., 1848.
- Срезневский,— И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, II. СПб., 1893, 1895.
- Срезневский,— И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860.
- Стоюнин, — В. Я. Стоюнин. Руководство для теоретического Руководства преподавания литературы. Изд. 7. СПб., 1900.
- Сумцов, Тур— Н. Ф. Сумцов. Тур в народной словесности.— КС, 1887, январь.
- СЭ — «Советская этнография», журнал.
- Тип. л. — Типографская летопись.— ПСРЛ, т. XXIV, Пг., 1921.
- Т.— М., II — Русские былины старой и новой записи. Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера, ч. II. М., 1894.

- ТНАЭ, I, II — Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I — МИА, № 55, 1956; т. II — МИА, № 65, 1959.
- Толстов — С. П. Толстов. Военная демократия и проблема генетический революции.— ПИДО, 1935, № 7-8.
- Толстой, А. Н. — А. Н. Толстой. Родина.— Собр. соч. в десяти томах, т. 10. М., 1961!
- Тревер — К. В. Тревер. Древнеиранский термин «рагпа». К вопросу о социально-возрастных группах.— «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. IV, 1947, № 1.
- Ухов, Типические места — П. Д. Ухов. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин.— РФ, II. М.— Л., 1957.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1935.
- Фамильцын — А. С. Фамильцын. Божества древних славян. Исследование. СПб., 1884.
- Фамильцын, Скоморохи — А. С. Фамильцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
- Халанский — М. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885.
- Шамбинаго — С. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам. К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса.— «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера». М., 1900.
- Шуб — Т. А. Шуб. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки.— РФ, I. М.— Л., 1956.
- Шурц — Г. Шурц. История первобытной культуры. Перевод. Под ред., с предисловием и дополнениями... Д. А. Клеменца. СПб., б. г.
- ЭО — «Этнографическое обозрение», журнал, М.
- Янин — В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

Список иллюстраций

Памятники каменного зодчества X—XIII вв. в Киеве. Каргер, I, вклейка между стр. 572—573.	47
Бронзовая пластина с рисунком золотом. Каргер, I, табл. LXII. Любеч. Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей, КСИА, № 99, 1964, рис. 10.	48
Киево-Софийский собор. Каргер, II, рис. 37, 2.	49
Руины западных галерей Киево-Софийского собора. Каргер, II, рис. 49, 2.	50
Развалины «гридницы» в детинце. Каргер, II, рис. 9, 1.	51
План дворцовых строений и Десятинной церкви. Каргер, II, рис. 6.	52
Стили-писала. Колчин. Железообрабатывающее ремесло. ТНАЭ, II, рис. 101, 1 и 2.	53
Отрок, читающий книгу. Срезневский, Сказания, стр. 69.	54
Пряслище с надписью «Потворин прясьльнь». ИКДР, I, рис. 70, 1	55
Корчага с надписью. ИКДР, I, рис. 98.	56
Бой русских с печенегами. ИКДР, I, рис. 227.	57
Поход на печенегов. Срезневский, Сказания, стр. 58.	58
Отрок Святослава держит коня. ИКДР, I, рис. 3.	59
Пир у князя Изяслава. Срезневский, Сказания, стр. 125.	60
Святослав совещается с дружиной. ИКДР, I, рис. 2.	61
Мраморная плита из Десятинной церкви. Каргер, II, табл. IX.	62
Шиферные плиты из Киево-Софийского собора. Каргер, II, табл. XXXVIII, 1; XXXVI.	63
Мозаичный пол в Десятинной церкви. Каргер, II, табл. XIII.	64
Майоликовые плитки. ИКДР, I, рис. 100.	65
Резная спинка деревянного кресла. Колчин, Топография, рис. 22.	66
Свидание Святослава с Иоанном Цимисхием. ИКДР, I, рис. 4.	67
Парадное кресло якутского тойона. Зaborовская, рис. 4.	68
Обрядовая и пиршественная утварь: 1 — Седов, Языческая братчина, рис. 50; 2 — Рыбаков, ДЧ, рис. 25.	69
Котел, склепанный из железных пластин. ИКДР, I, рис. 49.	70

Рога-ритоны из Черной Могилы. Рыбаков, ДЧ, рис. 18.	234
Идолы с рогом в руках: 1 — Винокур, Хотюн, рис. 2; 2—Нид., рис. 52 Б.	236
Русские и иноземные монеты X—XI вв. ИКДР, I, рис. 217, 4—6, 8, рис. 220, 2.	241
Серебряные гривны-слитки. Нидерле, рис. 108.	242
Ожерелье с подвесками из монет. ИКДР, I, рис. 168.	243
Перстни. ИКДР, I, рис. 156, 4—6.	253
Браслеты. 1 — Корз., табл. V; 2 — ИКДР, I, рис. 156, 7; 3 — ИКДР, II, рис. 221, 2.	255
Гривна шейная серебряная. Каргер, I, рис. 22.	257
Одежда из дорогих тканей. ИКДР, I, рис. 160.	262
Предметы игр: 1 — ИКДР, I, рис. 105, 4; 2 — ДЧ, рис. 16; 3 — ИКДР, I, рис. 107.	275
Маски кожаные из Новгорода: 1 — А. В. Арциховский, Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, вклейка между стр. 230—231; 2 — А. В. Арциховский, Археологическое изучение Новгорода. ТНАЭ, I, рис. 21.	281
Гусли. Колчин, К итогам работ, рис. 9.	283
Изображение гусляра на серебряном браслете. ИКДР, II, рис. 215, 2.	285
Музыкант, играющий на псалтыри. Гуревич, Изображения музыкантов древней Руси, рис. 1, 2.	285

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Введение</i>	9
<i>Город в былинах</i>	42
<i>Состав эпической дружины</i>	81
<i>Пиры, их структура и функции</i>	120
<i>Архитектурный облик гридницы в былинах</i>	153
<i>Пиршественная утварь и пища</i>	195
<i>Одаривание на пиру</i>	239
<i>Состязания и другие увеселения на пирах</i>	267
<i>Список принятых сокращений</i>	293
<i>Список иллюстраций</i>	300

Рахиль Соломоновна Липец

ЭПОС И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Технический редактор Э. Л. Кунина
Редактор издательства Е. П. Прохоров

Сдано в набор 4/III-1969 г. Подписано к печати 23/VI-1969 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 2700. Т-09609. Тип. зак. 5574

Цена 1 р. 16 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Строка	Напечатано	Должно быть
8 снизу	(211)	(Астахова, Итоги, 211)
9 снизу	997	996—997
1 снизу	996	1096
2 снизу	familia	familiae
16 сверху	миров	(Владимиров)

ЭПОС И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Радищев